Якуб Колас

Трясина

ТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СССР

Я. КОЛАС

ТРЯСИНА

ПОВЕСТЬ

ПЕРЕВОД С БЕЛОРУССКОГО
М. ХОВАНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1934

Переплет, заставка и концовка
художника А. Щербакова.

Повесть рисует возникновение и развитие партизанского движения в Белоруссии во время войны с белополяками.

В ряде ярких эпизодов автор показывает самоотверженную борьбу партизан под руководством подпольных организаций большевиков и строительство новой жизни после освобождения Полесья от оккупантов.

Отпечатано в 16-й типографии треста „Полиграфкнига“, Москва,
Трехпрудный пер., д. № 9.

I

Над Припятью, среди лесов, песков и болот ютится небольшая деревенька, хат тридцать-сорок. Хаты неравны здесь, как и люди: одна—большая, другая—поменьше, одна—новая, другая—старая. Хата деда Талаша все же обращает на себя внимание не столько своим внешним видом, сколько одиночеством. Стоит она на отшибе, у самых кустов на краю болота. Рядом с хатою, прикрывая ее от летнего солнца, красуется высокая раскидистая груша. Весною, усыпанная белым цветом, как принаряженная девушка, она украшает дедов двор, и не только дед Талаш, но и аист из гнезда своего на дедовой клуне не налюбуется тогда старой грушей.

Если даже скинуть лет пятнадцать с плеч деда Талаша, то и тогда уже был он немолод: лет семьдесят с хвостиком. А между тем как раз в эти годы и прославился дед как вояка, да какой еще вояка! Красный партизан, и не рядовой!

До этого времени никто не подозревал у деда Талаша военных талантов. Бывали случаи, правда, когда доводилось деду Талашу пускать в ход кулаки,—когда он подгуляет, а какой-нибудь лихой человек разгневает его. Обычно же он был уравновешенный, постоянный и рассудительный, хоть и до известной границы. Быстрые темные глаза его смотрели вдум-

чиво, и лишь по временам вспыхивал в них затаенный огонек, готовый разгореться в решительные минуты пожаром.

Любит дед Талаш лес, болота и родную свою Припять, где так ловко плавал он на челне да ловил рыбу. И стрелком дед был неплохим: какой же был бы он полещук [1], если бы стрелять не умел? На то и Полесье. Без ружья там не обойдешься.

Если разобраться в фактах, то хата, о которой идет тут речь, не совсем дедова. За долгое время привыкли называть ее Талашовой хатой, а на деле она принадлежала дедовой жене, теперь уже бабушке Настуле. А в конце концов оно и не так важно, чья была хата, тем более что дед Талаш переложил ее и может по справедливости считаться ее хозяином. Важно то, что хата стояла поодаль села, в стороне от людского глаза. До того как сделаться зятем, Талаш был у пана пастухом. И еще, что можно отметить из прошлого деда Талаша,—это то, что у его отца было двенадцать детей. Восьмеро умерли малыми, а жить осталось два сына, в том числе Талаш, и две дочери.

Медленно, спокойно, как в зачарованном сне, несет Припять меж болот богатую свою дань суходольному Днепру. Не торопится она выносить добро полесских болот. А добра этого так много, что все равно, торопись—не торопись, а этой работы хватит ей на долгие годы. Может быть, уже и надежду потеряла она когда-нибудь вынести это море коричневых вод из необъятных болот Полесья. Не потому ли она такая медлительная и флегматичная? Только когда разыграется ветер над зеленой щетиной лесов, над шапками кучерявой лозы, над бородавками-кочками жесткой осоки, она неприветливо нахмурится, задрожит, затрясется тысячами волн и начнет сердито швырять челны да душегубки, да громко всхлипывает в прибрежных камышах, как мать у могилы детей своих. И дед Талаш не отваживается тогда отъезжать на своем челне на середину Припяти.

Зато как приветливо и уютно разляжется она в мягких берегах, когда успокоится ветер, а над Полесьем солнце рассыплется мириадами золотых искр! Тишина и покой охватывают тогда зеленый бархат болот и лесов. Блестящей стальной лентой сияет Припять, и только в глубоких черных ее заводях плещутся сомы, разбрасывая серебряные обручи-круги. А дед Талаш, глядя на забавы сомов, сдвинет со лба

---

[1] Житель Полесья.

на затылок соломенный свой капелюш, скажет: «Эх, пропади ты! Подцепить бы тебя, увальня!»

Спокойно и лениво, как в зачарованном сне, текла и самая жизнь на Полесьи, и отголоски того, что делалось на свете, долетали сюда в приглушенных просторами тонах или с такими напластованиями людской фантазии, что уже трудно было и вылущить из них зерно истины.

Но час настал!

Заколыхалось, затряслось Полесье!

Было это летом, когда пришел царский указ о мобилизации. Повалили запасные к ближайшим станциям. Повалили под гул гармошек, под надрывный плач матерей и молодиц.

Хоть война сначала велась где-то далеко, но отголоски ее все слышней и слышней становились на тихом Полесьи.

Слали письма в глухие закуты полесских деревень с далекого фронта, и часто ответом на них был глубокий плач сирот и молодых вдов. А война забирала всё новые жертвы. И не было ей конца. Мало этого—фронт стал приближаться. Тяжело вздыхали деды, качая головами. А дед Талаш чуть было в беду не попал. Понес он в Петриков рыбу продавать. Удивился крепко дед, когда начал ему покупатель отсчитывать деньги бумажными марками. На «деньгах» тех были царские портреты. На одной бумажке был портрет Николая и стояла цифра 10.

— Что ж ты это мне даешь?—возмущенно спрашивал дед Талаш, держа на ладони бумажную марку.

— Первый раз видишь? Деньги такие пошли теперь. Видишь—царский портет и написано: «10 копеек».

Перевел дед глаза на царский портрет, потряс головой:

— Вояка, пропади ты! Довоевался, сволочь, что медного гроша у тебя нет.

Растопырил уши стражник—и к деду. Насилу отбоярился дед Талаш от такого лиха. И наказал сам себе: «На людях надо быть таким же осторожным, как на болотной трясине: ступишь не так—и провалишься, не разглядишь—на гада наткнешься».

II

Много событий произошло за последнее время. Когда дед Талаш вспоминает их, они кажутся ему причудливым сном. Война, революция, снова война. Зачем это все? Чего не по-

делят люди?! Взвихрилась жизнь и бурлит, как черный омут. Когда же настанет покой? Что дальше будет? Прислушивается дед Талаш, как лес шумит, как всхлипывают в камышах неспокойные волны широкой Припяти. Остро вглядывается он в дали молчаливых болот. Они таят что-то неведомое, волнующее.

И деревня тоже притихла. Момент, и вправду, напряженный и интересный. Прежде всего—нет никакой власти. От этого как-то страшно. Еще вчера стояло тут красное войско. Начальник красных квартировал даже в дедовой хате. Командир батальона! Гордился этим очень дед Талаш. И интересный был человек—командир: простой, разговорчивый...

«Рабочие да крестьяне—вот кто,—говорит,—должен править своим житьем и быть хозяином своего государства. Паны купцы, попы и разные богатеи—это все наши враги».

Только красные войска подались назад. Говорят, поляки наседают, и теперь они тут где-то недалеко.

Деду Талашу не сидится в хате, да и от хаты отлучаться нельзя, тем более что и бабка Наста противится, не пускает деда ни в лес, ни на Припять: мало ли что может случиться в такое неверное время. Дед все же выходит из хаты. В лес он не пойдет; сходит только в деревню, послушает, что говорят люди: нет ли чего-нибудь нового?

Посреди деревни есть небольшая, слегка возвышенная площадь. Поперек площади проходит еще одна улица, короче главной, и это придает деревне форму креста. А на пересечении улиц стоит и настоящий крест, высоко вздымая свою верхушку над соломенными крышами хат. Сюда сходятся люди, чтоб поговорить о своих делах, или так просто, убить свободное время.

Деду Талашу бросаются в глаза две фигуры на площади: одна—Василь Бусыга, другая—сын пана Крулевского, того самого пана, у отца которого был когда-то дед пастухом. Молодой Крулевский одет в офицерскую форму. Вот только шапок таких не носили царские офицеры: по этой шапке его можно принять за офицера какого-то чужого войска. В голове Талаша проскользнуло несколько мыслей: откуда появился этот чудак? Он ведь пропал, и о нем не было слухов. Шапка его говорила о принадлежности ее владельца к польской армии. Василь Бусыга был кандидат в волостные старшины, но революция и дальнейшие события отвели его кандидатуру. По лицам их видит дед, что они очень довольны

оборотом дела. Дед Талаш хочет знать, о чем они говорят с такой горячностью, что даже не замечают его.

Он замедляет шаги, делает вид человека в крайней задумчивости—опускает глаза в землю и медленно идет мимо, слушая, что говорят пан Крулевский и Бусыга. До ушей долетают отдельные слова, фразы, по ним можно понять, о чем идет речь.

— Варвары, пся крев!

— Уж такие обормоты!.. Порядок, может, будет...

— Натурально. Это же, пане, Европа! Культура!

Когда дед подошел совсем близко, они сразу умолкли. Дед сделал вид, будто так удивлен этой «внезапной» встречей, что даже испугался. Схватился за шапку, поклонился. Пан Крулевский, не скрывая своего хорошего настроения, шутя обратился к Талашу:

— Чей же ты теперь подданный?

— А ничей,—ответил дед.

— Ну, так через три часа будешь польским подданным!

— Польским?—удивился дед, будто ничего не понимая.

С того конца улицы, откуда шел дед, во весь дух бежит паренек лет шестнадцати: это Панас, младший сын Талаша. От бега Панас задыхается.

— Батька!—еще издали кричит Панас.—Поляк забирает наше сено...

Вид Панаса, голос его, слова кольнули деда. Он круто повернул назад, забыл и Бусыгу, и пана Крулевского, и их разговор. Быстрыми шагами, а где и бегом, направился дед к своему двору. Старший сын деда Максим, нахмуренный и серьезный, уныло подтвердил Панасовы слова, хоть этого и не требовалось: дедов стог, возов на пять, стоял недалеко от двора, на краю болота, от которого отходила густая бородка низкорослого кустарника, и был хорошо виден. У стожка стояли двое запряженных парных саней, а около них возились два польских солдата. Третий взобрался на стожок и скидывал сверху сено. Добрая четверть стога была уже разобрана. Бабка Наста, накинув красный кожух, стояла на дворе, ломала руки и голосила: чем же теперь кормить скотину?

Ничего не говоря, засунул дед Талаш за пояс топор,—у деда был обычай брать топор, уходя из дому,—и пошел к своему стогу, где хозяйничали польские солдаты. За дедом на некотором расстоянии пошли его сыновья.

— Не заводись с ними,—предостерегала бабка Наста,— а то еще убьют или арестуют.

Она осталась на дворе и со страхом глядела, что будет дальше. Как только дед Талаш подошел к стогу, бабка снова заголосила на весь двор. Рыдания ее доносились до болота, где стоял стог, и расплывались по улице, нарушая ее тревожный покой. Люди выходили на улицу, и весть о поляках сразу же облетела все село.

Подошел дед Талаш к стогу, низко поклонился солдатам, снял шапку. Но те не обратили на него внимания и не ответили на приветствие. Один солдат в санях утаптывал сено, другой подавал его охапками, а третий разбирал стог.

— Паночки, что вы делаете?—взволнованно заговорил дед Талаш.—На что забираете сено!.. последнее сено... Чем я скот кормить буду?

— Пошел к чорту!—отозвался с саней солдат.

А другой—на стогу—нарочно кинул в деда охапку сена и так ловко, что сдвинул на затылок дедову шапку. Это очень развеселило солдат, и они расхохотались.

Дед Талаш молча снес это оскорбление. Больше того—он схватился руками за шинель солдата и стал перед ним на колени.

— Паночки, не берите последнего сена! У людей есть в запасе, а это мой последний стог...

— Пошел к чорту, старый пес!—вскипел солдат и толкнул деда в грудь.

С ловкостью молодого парня вскочил дед Талаш. Глаза его загорелись страшной злобой.

— Собака!—прогремел он голосом, полным ненависти.

Топор молнией взвился в дедовых руках, блеснув наверху холодным острым лезвием. Солдат, на которого замахнулся дед, побелел, как полотно, и прыгнул в сторону, чтобы уклониться от удара.

— Опомнись, батька!—подскочил к деду Максим и схватил отца за руку.

Испуганные солдаты замерли на мгновение. Они никак не ожидали такого резкого перехода в поведении деда.

— Бери его! Вяжи проклятого азиата!—первым опомнился солдат в санях и соскочил вниз.

Накинулись солдаты на деда, стараясь повалить его. Развернулся дед Талаш, повел своими широкими плечами,

тряхнул поляков, и те отлетели от него, как щепки. Один ткнулся прямо носом в снег.

— А, шайтан старый!—промолвил он, поднимая свою конфедератку [1].

Не ожидая нового нападения, почувствовав, что дело поворачивается в плохую сторону, стрелой махнул дед Талаш в густой кустарник и пропал из глаз в мгновение ока. Теперь только вспомнили поляки, что они солдаты, что у них есть револьверы. Выстрелили несколько раз в ту сторону, где пропал дед Талаш.

Начал сбегаться народ. Первыми выбежали Василь Бусыга и пан Крулевский.

— Сумасшедший, сумасшедший!—сочувствовал полякам Бусыга.

— Большевик!—заключил пан Крулевский.

Забрали поляки дедов стог, а остатки сена заставили Максима повезти на своих санях.

III

«Вояки, будьте вы прокляты!»—сказал сам себе дед Талаш, когда затихли выстрелы, а пули просвистели над головой и ударили с сухим треском по стволам и веткам кустов. В глазах деда еще стояла картина его стычки с польскими солдатами, особенно тот момент, когда они на него навалились, а он разметал их, как ветер легкую мякину. Это поднимало его дух, он вырос в собственных глазах. Однако он шел, быстро углубляясь в болота, в гущу леса, и только тогда остановился и перевел дух, когда уверился, что погони за ним нет. На его счастье, посыпал густой снег. Но что делать дальше?

Выбрав местечко в затишьи, он прислонился к старому дереву под навесом густых, покрытых снегом ветвей, вынул кожаный кисет, набил трубку, закурил. Попыхивает дед Талаш трубкой, вьется дым сквозь ветки и пропадает в зимнем воздухе, а дед думает и думает... Рассудив, приходит к мысли, что немного погорячился. Хорошо еще, что Максим удержал его,—было бы хуже, если бы зарубил солдата. И неизвестно, что сталось с бабкой Настой и с сыновьями... Вот поганцы! Нагнал их чорт ему на голову. Просил, молил, на

---

[1] Фуражка польской армии.

колени становился, а они только издевались над ним, будто он не человек... И когда дед вспоминал, как обошлись с ним солдаты, злоба с новой силой охватывала его, и тогда он жалел, почему не раскроил головы этим грабителям.

Но больше всего беспокоило деда, что̀ теперь делается дома с сыновьями и женой, как отнеслись к его поступку.

А в то время, пока дед сидел под деревом и раздумывал, пан Крулевский подготовлял общественное мнение в пользу польских скупщиков, польской власти и государственности. Он собрал вокруг себя наиболее уважаемых хозяев и вел с ними игру в демократию. Василь Бусыга был его помощником.

Пан Крулевский считал себя знатоком крестьянской психологии, старался говорить их языком. Настроение его было приподнято, и он чуть не захлебывался, говоря о польской культуре, о польской демократии, о польской миссии быть щитом для европейской культуры от стихии большевистской азиатчины. Только великая Польша обеспечивает людям свободу и национальное равенство!.. Василь Бусыга иллюстрировал панские тезисы насчет большевистской дикости и грабежей вымышленными примерами, из которых следовало, что большевики уничтожали добро, притесняли даже простой народ; кто жил чуть побогаче—забирали лошадей, коров, землю, отдавая ее лежебокам, которые и повернуться около земли не умеют. Вспомнили и деда Талаша, и его «дикий» поступок и осудили его самым решительным образом. Недаром у него стоял красный командир!

А дед Талаш обдумал план дальнейшего поведения. Он вышел из своей засады, огляделся, прислушался. В вершинах деревьев шумел ветер, расстилая меж ветвей белую снежную сеть. Внизу было тихо. Откуда-то левее деревни доносились глухие выстрелы, или это только казалось деду Талашу. Постояв еще минутку, дед медленно двинулся в сторону дома. Шел он потихоньку, выбирая глухие лесные тропы, так хорошо знакомые, шел, скрываясь меж оголенных кустов, и остро вглядывался в белую мглу снежного пуха. Шел дед Талаш с расчетом попасть к своему двору в сумерки, чтобы лучше спрятаться от людских глаз.

К вечеру в деревне появилась группа польских солдат. Пришли они тихо, незаметно, никого особенно не напугав. Пан Крулевский был, видимо, в курсе дела; он поговорил с начальником отряда, после чего и солдаты ,и сам

пан Крулевский исчезли из деревни, а вскоре сюда вошел целый взвод, с офицером во главе. Шли солдаты по улице браво, с подчеркнутым видом вояк-победителей. Молоденький форсистый офицерик строго и коротко отдал распоряжения. Часть солдат пошла в наряд, часть прямо разошлась по хатам.

Страх охватил бабку Насту, когда она увидела на дворе солдат. В хате с ней был один Панас. Солдаты направились в хату. Их было трое. Вошли не поздоровавшись, окинули глазами хату.

— Где же, старуха, твоя невестка?—спросил один.

— К своим пошла, панок.

— А ты не врешь?—переспросил солдат.

Старуха не поняла вопроса и молчала.

— А ты водил компанию с большевиками?—вдруг спросил другой Панаса.

— Нет, —ответил парень.

— А большевики стояли у вас?—допытывались солдаты.

— Стояли по хатам. Везде стояли.

— А почему это вашу хату выбрал большевистский командир?

— А разве я знаю?—пожал плечами Панас.

— Э-э! Сукины вы дети, большевики!.. А где отец?

Нашумев и пригрозив, солдаты ушли. Еще страшнее стало бабке Насте. Что будет со стариком? Где он? Может, где и словили уж его?..

Наконец надумала тайком искать деда, предупредить его, чтобы не ходил домой.

IV

Дед Талаш не сразу пошел к дому. Его потянуло туда, где произошла баталия с солдатами. Притаился дед в кустах, пугливо озирается. Стога не было. Только стоговище, уже немного запорошенное снегом, темнело сухим дубовым хворостом. В этот момент что-то мелькнуло у стоговища. Видит дед—фигура человека. То сливаясь с мраком, то выступая из него, неизвестный двигается в сторону Талаша. На месте стога человек задержался, постоял, будто прислушиваясь. Потом двинулся в кустарник. Кто это может быть? Немного погодя послышался несмелый оклик:

— Го-го...

— Го...—отозвался дед Талаш, узнав голос Панаса.

— А я тебя, батька, караулю,—тихо заговорил Панас.

— Ну?—спросил старик, чуя что-то новое в голосе парня.

— В деревне поляки. Тебя ищут.

Оба на минуту замолкли.

— Ты нынче дома не ночуй,—продолжал Панас.

Старик почесал затылок.

— А как мать?

— Ничего. Переполошилась. Боится, как бы тебя не словили. Говорит, чтоб теперь домой не ходил... Вот хлеб и сало.

Панас снял с плеч объемистую котомку. Некоторое время котомка оставалась в руках у Панаса. Старик молчал, будто взвешивая слова сына. Потом молча взял котомку.

— А сено все забрали?

— Все... Оставалось с возик, так заставили Максима отвезти и тот.

— Нет на них погибели!—с горечью потряс дед головою.— Чем же скотину кормить будем?.. Максим не вернулся?

— Нет.

Помолчали.

Густой сумрак навис над Полесьем. В оголенных кустах шумел ветер. Тревожно шуршали белые снежные струи в порыжелой траве. Деревня затаенно молчала. Только собаки, потревоженные вторжением непрошеных гостей, занявших все дворы, перекликались злобным лаем и жутким подвыванием.

— Вернется Максим, так пускай в Прытьки съездит к Лабузе, сена займет.

— Да скотину мы прокормим,—старался развеселить отца Панас:—сена достанем, веток нарубим... не подохнет.

— Ну-ну! Старайтесь, сынок.

— Ты, батька, ступай в Макуши к Параске, там и поживи. Коли что, так и я к тебе прибегу.

Параска была замужняя дочь деда Талаша.

— Э!..—махнул дед рукой.—Обо мне, сынок, хлопот немного... Не знаешь, много ль тут поляков-то?

Деда занимала какая-то другая, новая мысль...

— Много. Может, больше двух сотен будет, все дворы позанимали. Да, говорят, в Вепрах их чортова уйма.

Дед наказал быть осторожным и разузнать, как дела у поляков. Затем они назначили время встречи и разошлись.

Дни тревоги, страха и беспокойства начались для старого Талаша и для его родных. Горевала бабка Наста. Навалилось такое лихо им на голову! Где же справедливость на свете? Ну, за что должен теперь скитаться старик? Кому он жить мешал, что должен теперь, как бездомный, путаться по лесам, по чужим углам?.. Жалко старика! И такая тоска охватила ее, что заплакала старая Наста. И Максима с конем погнали невесть куда. Свое же добро заставили везти к какому-то лысому чорту. А своя животина подыхай с голоду. Да еще выпустят ли его? Вернется ли? Разбита семья, и неведомо, как и что будет...

Сидит бабка Наста одна в хате, ночничок коптит на шестке. А в хате так тихо! Так молчаливо, неприветливо заглядывает со двора ночь, и подвывает в трубе ветер, будто вторит невеселым мыслям старухи...

Стук в дверь прервал эти мысли. Бабка сперва глянула в оконце.

— Это я,—послышался голос со двора.

Бабка Наста отперла дверь.

— Ну, что?—спросила Панаса.

— Видел отца. Харчи ему передал.

— Куда же пошел он?

— Пошел... Сказал, чтоб за него не беспокоились. Верно, к Параске пойдет... Завтра он придет в затемки.

У бабки Насты немного отлегло от сердца.

Заговорили о поляках. Ничего доброго от них не жди. Негодные, с людьми не по-людски обходятся.

К бабке Насте заходила Агата Смыга. Рассказала о поведении солдат. К девкам, к молодухам лезут, по клетям шарят, тащат последнее добро. Давай им яичницу, сала поджарь. А чуть что—плетку в дело пускают...

Поздно ночью вернулся Максим. Привез немного сенца—у поляков украл. Вести привез он невеселые. Творят расправу польские власти над крестьянами, взявшими барское добро в имениях. Пан Крулевский назначен поветовым [1] комиссаром, войтов [2] по волостям ставят.

— Неужто засядут они тут, на нашу голову?—вздохнула бабка Наста.

---

[1] Уездным.

[2] Старшин.

Расставшись с Панасом, дед Талаш тихонько побрел болотами, вслушиваясь в шорохи и голоса полесской ночи. Было немного страшно одному во тьме и лесной глуши. Топор за поясом прибавлял смелости. Дед Талаш и сам не ответил бы себе, что его более страшит: нечистая сила, в которую вера притаилась где-то на дне его души, лесной ли зверь, или лихой человек в образе польского солдата? Ночь, одиночество и страх направляли дедовы мысли на оружие. О, если бы был у него в руках надежный товарищ—хорошее ружье! Признаться, у деда Талаша ружье есть. И спрятано оно тут же в лесу, вместе с патронами, пулями, порохом, картечью, пистонами. Держать дома такую вещь в это неверное время неудобно. Припоминается деду, что много по лесу спрятано оружия, и оружия настоящего. Может, придет такое время, когда потребуется оно людям.

С этими мыслями подошел дед Талаш к месту, где он спрятал свое ружье. А все же пришлось повертеться, пока напал ночью на дуплистое дерево, которому доверил своего старого друга.

Вытащил дед ружье, обтер, оглядел, взвел курок, проверил,—служит еще хорошо старый товарищ его лесных походов. Надел охотничью кожаную сумку на широком ремне, достал порох, дробь, засыпал в ствол добрую порцию, туго забил его пыжом, положил картечь и, когда все было готово, насадил пистон и уже более твердым и уверенным шагом направился в Макуши.

V

На подступах к Припяти польская армия принуждена была задержаться. Учитывая важность этого рубежа, поляки стремились перейти Припять, чтоб далее свободно развернуть операции против Красной армии. Но все попытки легионов продвинуться не имели успеха. Боевой подъем их значительно остыл. Морозы и снега, сковавшие к этому времени Полесье, приостановили вовсе операции. Обе стороны подтягивали резервы, организовывали тылы, укреплялись, вели разведку. Значительная часть Полесья—почти вся Пинщина, часть Мозырского и Речицкого уездов—была уже в руках поляков.

Из глубины веков вставали давно забытые, стертые в памяти людей порядки, традиции, возрожденные оккупантами.

вставали, как могильные тени, взбудораживая широкие пласты трудящихся масс. А если что и оставалось в народной памяти из похороненного, казалось, минувшего, то оно вызывало представление темного прошлого, связанного со шляхетством, панством и крепостничеством. Воеводства, старостаты, поветовые комиссары, войты—уже одни эти названия заставили подозрительно насторожиться и враждебно глядеть на все происходившее. Но были и такие, кому польская оккупация была на-руку. К таким принадлежал и Василь Бусыга.

Воспрянул духом Василь Бусыга. Будто выросли у него крылья. Он и ходил как-то более плавно, и голову подымал выше. Только по временам его брал страх, как бы снова не вернулись большевики. Но дни шли, большевики не возвращались, сомнения глохли, и перед Василем все смелей рисовалось в розовой дымке будущее. Его не смущали расправы с нарушителями святого права частной собственности. Василь с умилением думал о своих делах. Открывались возможности сильно поднять хозяйство. Планы о покупке земли не шли из головы. Благоприятствовало и то обстоятельство, что пана Крулевского назначили поветовым комиссаром. И как это хорошо, что он, Василь Бусыга, умеет ладить с такими людьми, как пан Крулевский!

Он решил сделать пану Крулевскому визит. А сделать это и нетрудно: разве не найдется у Василя Бусыги подходящей причины для обоснования своего визита? Много таких причин. Первое—надо наладить земельные дела. Не бросать же их так, как их оставили большевики! Да надо и в деревне вводить какой-то порядок. Проявить свой почин никогда ее вредно!

Василь Бусыга расчесал аккуратно свою черную бороду, надел романовский тулуп, подпоясался широким кушаком, который вышила ему его Авгиня, женщина видная и красивая, и отправился.

Пан Крулевский сидел в кабинете в широком мягком кресле. На столе, застланном зеленым сукном, стоял письменный прибор и много разных дорогих вещей. Тут же лежали кучи бумаг. Все это весьма повышало значение особы пана поветового комиссара. На стенах висели портреты польских генералов, неприступных и строгих. Среди этих заправских вояк в глаза бросался портрет духовной особы—епископа, стриженого, бритого, со всеми епископскими атрибутами. Ва-

силь взглянул на него, подумал: «Чего попал сюда этот голомордый?» Но вслух свою мысль не высказал: Василь был человек политичный и скрытный. Центральное место занимал портрет довольно понурого вида генерала с длинными, спущенными, как у моржа, усами. На груди у него был целый музей крестов, медалей и разных побрякушек.

И епископ, и все эти генералы, и стол с его украшениями придавали еще больше важности особе поветового «комиссара». Это сразу почувствовал Василь и приветствовал пана Крулевского еще более почтительно, чем обычно. Поветовый «комиссар» чуть кивнул в ответ, и этот кивок был полон величия и важности.

— Что скажешь?

Пан Крулевский теперь говорил по-польски холодным и начальственным тоном. В польском языке Василь Бусыга был не очень силен. Разговаривать ему приходилось с волостными писарями, попами и урядниками, редко—с приставом. От них он перенял русские слова, хотя и выговаривал их с полесским акцентом.

— Пришел я к пану комиссару послушать новости. Живем мы сейчас, как горох при дороге,—ничего не знаем.

Пан Крулевский глянул на Василя, хотел сделать замечание насчет польского выговора, но вместо этого спросил:

— А как относятся крестьяне к польской власти?

— Которые, пройше пане, серьезные хозяева, те бога благодарят: порядок приходит, можно спокойно жить да работать.

— А остальные?

— Всякие есть, пройше пане... Трудно сказать, пока близко начальства нет, кто бы мог интересоваться этим.

Василь Бусыга не договаривал свою мысль. Но насчет начальства намекнул тонко: был же Василь кандидатом в старшины.

Разговор на этом оборвался. Во дворе поветового комиссара послышались шум, голоса и грубые солдатские окрики, напоминавшие собачий лай. Пан Крулевский поднялся с кресла, подошел к окну. Туда же смотрел и Василь.

Двор наполняла толпа полещуков, все больше молодых. Их окружала цепь легионеров. Лохматые шапки разных цветов и форм, длинные и короткие полушубки, черные, простого сукна куртки и свитки и лозовые лапти с высоко навернутыми онучами мелькали перед глазами. Лица их были замк-

нутые, понурые, суровые. Усердные конвоиры наводили порядок, старались построить согнанных неведомо откуда людей в ряды, ругались, толкались, грозили... Полещуки огрызались.

— Чего пихаешься, панская подошва? Вот я тебя как пихну, так и костей не соберешь!

Плечистый жилистый полещук из-под сердито сдвинутых бровей злобно взглянул на толкнувшего его конвоира. Встретив этот взгляд, легионер трусливо отошел.

— Молчи, стерва!—крикнул он издали.

«Да это же Мартын Рыль!»—узнал Бусыга худого широкого полещука из соседней деревни Вепры. По телу пробежала дрожь, но эта встреча вызвала в нем удовлетворение.

Полещуков повели за угол, где была приготовлена каталажка в бывшем складе. Через несколько минут явился капрал и доложил пану Крулевскому о приводе бунтовщиков против новой власти, явных сторонников большевиков.

Возвращаясь домой, Бусыга размышлял о должности старшины, обещанной ему паном Крулевским. И еще думал он про Мартына Рыля. А вопрос о том, говорить об этом аресте Авгине или не говорить, оставался все же не решенным.

VI

Десять лет тому назад в Вепрах не было девки интереснее Авгини—теперь жены войта Бусыги. Веселая, живая, своевольная, первая выдумщица всяких развлечений—вот какая была Авгиня Кубликова. Любила она и с парнями пошутить, да так, что каждому из них казалось, будто только он один и есть тот, на ком остановила она свой девичий взор. «Нарвется девка»,—говорили про нее женщины, когда разговоры о ее проказах доходили до их ушей. Но Авгиня шутить-то шутила, но границ не переступала. Умела она быть и серьезной, и глаза ее темноватые, как легкий сумрак ясных июньских вечеров, становились тогда строгими и задумчивыми. И трудно было определить цвет этих глаз, которые светились, как озера в росписи пышных трав. Их можно было принять за карие, чуть подернутые зеленоватой поволокою, а временами казались они серовато-зелеными. Может быть, они менялись в зависимости от девичьих мечтаний, наполнявших в то мгновение ее голову. Одно можно сказать о них: они увле-

кали так, как влекут радостные просторы весны. Полные музыки, звона и шума жизни, они затягивали, как затягивает трясина приречная, где шепчутся и гомонят шумливые камыши и пахучий аир.

Но эти чарующие очи, казалось, не имели власти над Мартыном Рылем, и не Авгиню выделял он среди вепровских девушек. Авгиня, бывало, сама затронет Мартына при встрече, хотя в этом не было ничего особенного, если принять во внимание Авгинин характер и ее шаловливость. Мартын уделит ей внимания не больше, чем другим.

— Нравишься ты мне, Мартын,—говорит ему как-то Авгиня, а в глазах ее искорки шаловливой насмешки поблескивают.

Мартын—спокойно:

— И ты нравишься мне, Авгиня,—и в тоне его никакого волнения.

— А чем же я нравлюсь тебе, Мартын?

— Тем, что я тебе нравлюсь.

— А коли б ты мне не нравился?

— Ну, так что?

— А знаешь, за что можно тебя полюбить?

— Не знаю. Скажи...

— За то, что ты высокий, что у тебя, видно, будут черные усы. И глаза твои серые, и когда ты глядишь, то делается страшно. Я люблю, когда взгляд парня способен заставить тебя задрожать от страха. Но замуж за тебя не пошла бы... Когда ты возмужаешь, у тебя будет козлиная борода!—и заливается Авгиня веселым смехом.

Мартыну делается немного неприятно от ее смеха и от неожиданного конца разговора. Он чувствует себя обиженным. Пока собирался он ответить Авгине каким-нибудь метким словом, она успела шмыгнуть от него и, видимо, сразу забыла, что есть в Вепрах высокий, широкоплечий, с тонким станом парень—Мартын. Но и Мартын скоро забыл встречу с девушкой. Только вечером, когда он лег спать, вдруг встала перед ним Авгиня, ее зовущие глаза, вспомнился разговор... и «козлиная борода». При чем тут борода? Даже и вспомнить неприятно! Мартын взвешивает каждое слово. Если разобраться, так все-таки она ему больше сказала приятного. Насчет же женитьбы на ней—так он вообще еще о женитьбе не думал.

Но и это только слова ее, и их, может быть, надо понимать как раз наоборот. И все-таки «козлиная борода» перетяги-

вает все. Мартын плюнул, повернулся на бок и заснул молодым крепким сном.

Мартын Рыль с ружьем плывет на челне вдоль берега Припяти. Он жмется ближе к камышам, чтобы лучше подобраться к диким уткам. Ему посчастливилось убить их штук пять. С того берега скользит челн. На носу лежит зеленая вязка свежей травы и объемистый сноп пышного, кудрявого очерета. На челне белеет гибкая девичья фигура с красным платочком на голове. Быстро мелькает весло в ее упругих руках, и челн резво и легко скользит по широкому лону спокойной Припяти.

Миновав середину реки, челн круто поворачивается в сторону Мартына. Мартын умышленно плывет медленно и внимательно всматривается в заливы, где любят жировать утки, и не глядит на челн с девушкой, хотя уже знает, кто плывет. Но ему приятно.

— А я тебе всех уток перепугаю,—слышен звонкий девичий голос, и вслед за этим доносится ее крик:—А ты-га! А ты-га утки!..

Звучный плеск весла по воде увеличивает шум и гулко разносится по реке. И верно, несколько уток поднялись над заливом. Утки летят как раз на Мартына. Мартын целится. Гулкий выстрел катится по Припяти и затихает в прибрежных травах и камышах. Одна утка качнулась, ныряет неловко, машет ослабевшими крыльями. Описав дугу, камнем падает в воду.

Авгиня быстро поворачивает свой челн. На воде около челна после каждого взмаха весла завиваются воронки с тихим журчащим шопотом.

Мартын разом сбрасывает свою медлительность. Обогнать Авгиню, опередить ее и первым доплыть до убитой утки! Гнется весло под его могучим нажимом, и челн мчится к намеченной цели. Авгине—ближе. Шансы доплыть первой—на ее стороне. Мартын начинает каяться, что вступил в соревнование с нею, но отступать уже поздно, и не такой он человек, чтобы признать себя побежденным. Он снимает пиджак, бросает его на мокрое дно. Еще круче выгибается его весло, еще быстрее режет воду остроносый челн. Авгиня видит, что верх берет Мартын. Ей становится весело. Но надежды не теряет еще и она. Чаще замелькало весло в ее ловких руках. Лицо ее

раскраснелось, как маков цвет. Две длинные темнорусые косы выбились из-под красного платочка, и когда она налегает на весло и откидывается назад, то концы ее кос спускаются в воду. Убитая утка уже недалеко. Не иначе как Мартын подберет ее. Авгиня пускается на хитрость: она круто поворачивает свой челн наперерез Мартыну. Заминка. Не успел Мартын и подумать, чтобы обойти это препятствие, как на их глазах произошло удивительное явление: утка вдруг провалилась в воду, а на этом месте вода приподнялась, будто что ее толкнуло снизу, заколыхалась и ровными кругами побежала до самого берега.

— Мартын, где же утка?

В Авгининых глазах отразились страх и удивление. Поглядел на нее Мартын, засмеялся.

— Ни ты, ни я не доплыли, а утку сом схватил.

Мгновение Авгиня молчала.

— Поедем назад, Мартын.

Повернули челны и бок- о-бок поплыли к берегу.

— Ты сердишься на меня, что я напугала уток?

— Нет, не сержусь.

— Ну, я ведь хотела на тебя поглядеть.

Мартын и вправду не сердился на нее. Последние же ее слова совсем смягчают его. Но припоминается «козлиная борода». Она делает Мартына черствым и безразличным.

— А чего на меня глядеть?—спрашивает.

— Потому что ты красивый,—отвечает Авгиня.

— Для тебя, кажется, все хороши,—с оттенком насмешки заявляет Мартын.

— А разве это нехорошо?

— Не знаю.

— А ты все-таки ловкий стрелок,—меняет разговор Авгиня.

Мартыну хотелось бы продолжить начатый разговор, и перемена темы ему не нравится.

— Кто из ружья хорошо стреляет, а кто—глазами.

— А кто стреляет глазами?

— А есть такие стрелки.

— Только глазами уток не настреляешь,—замечает Авгиня.

— По уткам ими не стреляют.

Авгиня смеется.

— Был бы ты уткой, я тебя уже много раз застрелила бы.

Мартын хотел признаться, что если он и не застрелен, то слегка подбит, но вместо этого неожиданно для себя и для Авгини заявил:

— Я приду к тебе сегодня вечером.

Авгинино сердце чуть-чуть ускорило темп.

— Что ж! Буду ждать.

Челны подплыли к берегу. Мартын подтянул сперва Авгинин челн, потом свой. Привязал их, взял вязку травы, Авгиня—сноп очерета, и пошли.

И все хорошо было, пока не встретился Кондрат Бус. Видно, он подкарауливал Авгиню. Как только они поровнялись с ним, Кондрат подошел к Авгине. Авгиня положила руку на плечо Кондрату, Кондрат—на ее плечо, и пошли как ни в чем не бывало. Мартын плелся сзади с вязкой свежей травы, с ружьем и убитыми утками. Хотел бросить траву, да неловко показывать свою злобу.

— Возьми траву, а я тут огородами пойду.

Не глядя Авгине в глаза, отдал ей траву, сам зашагал к своему двору.

Вечером Авгиня ждала его, но Мартын не пришел.

И много было таких встреч и разговоров. Искала его сначала Авгиня, потом искал Авгиню Мартын, потом искали они друг друга. Бывали меж ними ссоры, недоразумения. Были и славные вечера близости и дружбы.

И вот, когда вепровские парни потеряли надежду на Авгиню и вепровские девчата—на Мартына, в Вепрах появился Василь Бусыга, видный парень, сын очень богатых родителей. Зачаровали и Василя Авгинины очи. Сердце Мартына забило тревогу. Василь—соперник опасный. Мартын — бедняк. Маленький дворик, кривая хатка. Что есть у Мартына? Ружье, рыбацкая снасть да стройная фигура. Крепился Мартын, поддразнивал Авгиню Василем. Авгиня подсмеивалась над Василем, но по временам и похваливала его, да тесней жалась к Мартыну. Видно, ей жалко было его.

Еще через несколько времени сказал Авгине Мартын:

— Нет у тебя сердца, Авгиня. Ты злая и неискренняя. Зачем ты мне лгала? Для чего завлекала?

— Я любила тебя. Люблю. И буду любить...

— И эти же слова ты скажешь Василю?

— Нет. Так я не скажу ему. А коли и скажу, то так себе.

— Так зачем же ты идешь за него замуж?

— Так надо,—тихо и неуверенно говорит Авгиня.

Мартын молчит, думает. Василево богатство—вот в чем причина. Но ему хотелось донять Авгиню.

— Неужто ты успела так близко сойтись с ним и... затяжелела?

Что было ей говорить ему? Говорить, что никакой близости не было? А может, признаться в том, чего не было? Нет, этого она не сделает.

— Ах, как тяжело мне, Мартын! Я—враг себе и тебе. А близости никакой не было, не было! Мартын, поверь мне. Я негодная, злая, ты сказал правду....

Она прижимает горячее лицо свое к его щеке. Он берет ее на руки, как ребенка. Она обнимает его руками, приникает к его лицу.

У Мартына, как у пьяного, кружится голова, холодок и легкая дрожь пробегают по его телу.

И в последний раз после этого спрашивала Авгиня:

— Теперь ты веришь мне?

Он обнимал ее, целовал и шептал:

— Авгинька, милая, любимая!..

— Отстань от меня! Ступай!

Что случилось с нею?

Она сердито оттолкнула его от себя и ушла. Он стоял недоумевая, глядел ей вслед. Ее поглотила темная июльская ночь. Мартын пошел в свою сторону.

Легко и пусто было у него в голове.

Вышла Авгиня замуж за Василя Бусыгу. Женился Мартын, взял синеглазую Еву Гарбарову, девчину серьезную и умную.

Но Авгинины очи глубоко запали в его сердце. И не может Мартын избавиться от их чар.

Мартын и Авгиня изредка встречались и после женитьбы Мартына. И эти встречи каждый раз волновали. Оба они чувствовали бессмысленность таких встреч, но сердце не хотело слушать доводов разума.

Однажды Мартын спросил Авгиню:

— А помнишь, Авгиня, как гонялись мы, чтобы первому доплыть до убитой утки? А утку проглотил сом.

Авгиня только вздохнула.

VII

Деду Талашу начала надоедать его бродячая жизнь.

Некоторое время жил он у дочери в Макушах, вечером плел и прилаживал внукам лапти, рассказывал им сказки.

Слухи о расправе польских властей со всеми, кто вызывал у них подозрение, разносились по всем закоулкам Полесья. Со своим домом дед Талаш связи не терял. Он узнал от Панаса, что Василь Бусыга служит войтом, что поляки приказали через войта собрать по десять пудов сена и соломы со двора. А перед этим собирали всякую живность: кур, поросят, сало. Сколько шума и воплей было по деревням! А всякое сопротивление каралось жестоко, и расправа чинилась на месте. В ход пускали нагайки и шомпола.

«Двадцать пять!»—кричали озверелые капралы. По деревням начали появляться неведомые люди, шнырять, как тени, прислушиваться, где что говорится, где что делается. И ходят слухи, что поляки будут проводить мобилизацию. А войт расспрашивал Панаса, где старый Талаш. Но Панас не такой дурак, чтобы сказать ему правду. Одним словом, деду Талашу никак нельзя возвращаться домой.

Слушал дед Талаш эти новости, и его собственная обида стиралась, отступала на задний план, и стог, который забрали поляки, послуживший причиной всей этой обиды, казался маленькой крупинкой и терялся в дедовых мыслях. Дело поворачивалось гораздо хуже, а на первое место выступало общее дело крестьянской бедноты. И что делать? Надежда на то, что поляков прогонят назад, что появление их кратковременно,—пропала. Неужто ему, деду Талашу, отрезана дорога к своему дому?.. Ну, а если пойти и признать свою вину? Только какая вина у него? Его обидели, оскорбили, а он будет кланяться им? Да пропади они пропадом!

Было это в тот день, когда дед Талаш пришел на условленное место свидания к Панасу. Обычно Панас приходил первым и насвистывал, ожидая отца. На этот раз первым пришел дед Талаш. Прислушался—жуткая, зловещая тишина. Может, он поторопился? Дед занял позицию под старым кряжистым дубом. Время шло. Панаса не было. Прождал дед час, прождал другой. Ноющая глухая тревога заползла в его сердце. Что помешало Панасу притти? Дед Талаш припоминает по-

следнее свидание с сыном: не могло ли тут быть какой ошибки, верно ли на этом месте условились они встретиться? Нет, ошибки не было. И толстый дуб на краю Сухого поля—это хорошо помнит дед Талаш. Даже Панасовы слова, что были сказаны на прощание, звучат еще в ушах:

— Так под толстым дубом, возле Сухого поля.

Дед Талаш поднял глаза на этот кряжистый, бугристый дуб с могучими лапами, как будто ожидая от него ответа. Дуб стоял неподвижно и спокойно. Омертвелое поле расстилалось белым саваном однообразной равнины, а лес темно-синей стеною выступал неподвижным силуэтом в тупом безмолвии. Затаенная тишина чутко сторожила каждый звук, каждый несмелый шорох. И только один дятел ритмично и настойчиво стучал по ветке, не обращая внимания ни на какие дедовы тревоги.

Тоскливо делалось старику. В его воображении рисовались страшные происшествия, какие могли случиться с Панасом, Максимом и бабкой Настой. Каждая минута острой занозой вонзалась в его сердце. Дедову терпению приходил конец. Надо куда-то итти, нужно что-то делать.

На Полесье быстро надвигался молчаливый вечер, ведя бесчисленных своих неподкупных сторожей и застилая темной пеленой лес, дальнее болото и Сухое поле. Кусты и отдельные деревья в поле теряли свои очертания, переходили в неясные, расплывчатые силуэты.

Дед Талаш вскинул плечами, поправил ружье, еще раз обвел глазами вокруг и хотел уже итти куда-нибудь, только бы не стоять тут в пустом и бесплодном ожидании, и сразу замер: из глубины леса послышался шорох чьих-то ног по снегу и приглушенный треск сухих веток под ногами. Шаги раздавались ритмично и размеренно: раз-два, раз-два... По временам ритм нарушался, но все же в общем сохранял свой темп. По чередованию звуков дед Талаш определил, что это шел человек, но это были не Панасовы шаги: ступал кто-то громоздко, грузно и тяжело.

Дед притаился за дубом и стал вглядываться в ту сторону, откуда доносилось шарканье ног. Высокая темная фигура мелькнула под нависшими, запорошенными снегом ветвями и медленно выплывала на прогалину, вырисовываясь все более и более ясно. Дед Талаш стоял в напряженном ожидании. Окликнуть или нет? Что за человек? И против воли вырвалось у него:

— Кто идет?

Высокий человек испуганно остановился.

— Кто спрашивает?—послышался густой бас незнакомца.

Деда Талаша не было видно из-за дуба.

— Я спрашиваю!—отозвался дед Талаш.

— А кто ты?

— А ты кто?

По голосу и говору дед Талаш догадался, что это человек здешний. Напряжение и страх уменьшились, но все-таки он пока что решил сохранить свое инкогнито и ответил:

— Я—здешний.

— Ты один?—спросил незнакомец.

— Один и не один: со мной ружье.

— Ну, так брось свое ружье. Ружье есть и у меня, да, может, и получше твоего,—прозвучал самоуверенно густой бас.

Незнакомец не допускал никакого сомнения в том, что его ружье лучше, чем у деда.

Дед Талаш высунулся из-за дуба, а высокий незнакомец смело и решительно направился к нему. В трех шагах от дуба великан остановился в немом удивлении. Такое же удивление отразилось и на лице Талаша.

— Дядька Талаш?—громыхнул густой бас.

— Мартын!.. Ах, чтобы ты пропал!—радостно отозвался дед Талаш и кинулся к Мартыну Рылю.

Мужчины крепко пожали друг другу руки.

— Кого ж ты тут, дядька, сторожишь?

— Эге, голубь, кого сторожу! Выходит так, что сторожу самого себя... А ты?.. Видать, парень, ты здорово напуган.

— Ох, и не спрашивай, дядька. Из польской неволи, из плена вырвался. Да и не один я, а тридцать шесть человек.

— Что ты говоришь?!—удивился дед Талаш.—Как же это?

— А, значит, отступили красные, пришли поляки. Пришли и начали вылавливать да хватать все больше тех... ну, кто в революцию смело пошел или руки около панского добра мало-мало погрел. Они и начали мстить, порядки наводить да грехи всякие припоминать. А народ наш... сам знаешь, разный народ есть. Богатеи начали под панов подлаживаться да доносить, кто в чем грешен. Вот и попался я: арестовали. По другим местам таких же захватали. Собрали да скопом и погнали. Привели это нас до поветового комис-

сара, заперли в холодный погреб, в пустую кладовую. Думали, что конец там будет. Но пошел слух, что погонят нас куда-то дальше. А куда и чего—неизвестно. А был среди нас удалец такой, Марка Балук. Прожженный парень. «Солдат старой армии,—говорит,—буду я таскаться, как арестант какой? Из немецкого плена вырвался, а тут, называется, дома терпеть буду? Нашли дураков! Погоди!» Глядим, прикидывает умом человек. Обступили мы его. «Как же это ты сделаешь?»—спрашиваем. «Присягните,—говорит,—что будете слушаться меня, так и вы будете на воле». А кому же не хочется на воле быть? Так почему не присягнуть? Вот он и говорит: «Присягали мы Николаю на евангелии, только присяга ему не помогла. А вы мне присягайте на нашем мужицком лапте. Поклянитесь, что будете слушаться меня, и каждый пусть поцелует свой лапоть!» Серьезно говорит, не шутит. «Лапоть,—говорит,—знамя нашей мужицкой доли». И знаешь, дядька, что? Давай мы целовать свои лапти. А ей-богу! Кто шуткой, а кто и взаправду. Вот он тогда и говорит: «Ну, так вот что! Когда нас поведут, так за верст пять-шесть, а может, и поболе,—слушайте мой знак. А знак мой будет вот какой: «Стой, лапоть упал!» Как вы это услышите, молнией кидайтесь за мной на конвой, обезоруживайте его. Все зависит от внезапности и быстроты нападения. Два-три безоружных легко справятся с одним вооруженным, если только сделают это смело и быстро». Понравилась нам эта стратегия. Обдумали, обсудили каждую мелочь, разбились на кучки. Говорим шопотом. Вывели нас. Глядим—двенадцать конвойных, тринадцатый—командир. Струхнули мы, а виду не подаем, что у нас на уме. Притворились все, что ослабели, и насилу ноги поднимаем, шатаемся. Поставили в ряды. Подал капрал команду, сам вперед пошел. Двинулись. Пять конвойных с одного боку, пять—с другого, а двое сзади идут. Я—в первом ряду. С капрала глаз не свожу. Не так с самого капрала, как с его ружья: больно уж оно мне нравится! А в ушах все время три слова звучат: «Стой, лапоть упал!» Наш командир в заднем ряду стал. Минули местечко, в поле вышли. Там-сям подводы встречаются, люди проходят. Конвойные подгоняют нас, покрикивают да такими паскудными словами лаются, что и слушать противно. Мы горим от нетерпения. И уж так часа полтора шагаем. Наш командир молчит. И только это мы выходим из лесу на поляну, как гаркнет наш Марка Балук: «Стой, лапоть упал!» И что

тут сталось—так и рассказать не могу! Все смешались в одном клубке без крику, только с сопением, с хрипом. Я даже не помню, как очутился подле капрала. Помню только, что лежит он в снегу и только глазами хлопает, сам белый, как снег, да на меня глядит, и я говорю ему: «Лежи, не вставай». А у меня его ружье, вот это самое, карабин на семь патронов. И револьвер у меня, и сабля. Кинулся другим помогать, а там уж и не надо моей помощи. «Слушай мою команду!—крикнул Марка, голой саблей махнул, а в другой руке револьвер держит.—Айда в лес, и конвойных веди!» Перепуганные, бледные, как смерть, покорно потянулись конвойные. Да не они теперь конвойные, а мы. Будет нас «быдлом» звать! Отошли это мы подальше от дороги в лес. «Стой!»—командует Марка. Остановились. «Снимайте, паны, сапоги!» Разулись. Тринадцать человек обулись в сапоги, а лапти конвойным отдали. И кинули их там в лесу, живых, только малость помятых. Разобрали их оружие—кто ружье, кто револьвер, а кто саблю. На прощание Марка сказал: «Ну, хлопцы, айда кто куда! Только присяги я с вас не снимаю. И вы, голубчики, свободны,—говорит конвойным.—Отдохните тут да идите, куда желаете». И подался в свою сторону, а мы—каждый в свою.

— Ах, пропади их доля! Что ж это меня с вами не было? Ну, уж и ружье добыл ты себе, Мартын!—смаковал дед Талаш, рассматривая карабин.

VIII

Не знал Панас, что его особою интересуются, и не какие-нибудь люди, а сам войт Василь Бусыга. Войту надо проследить, куда пропал дед Талаш. Войт—начальство. А начальство носит в голове такие мысли, что не всем подчиненным их можно знать, и особенно про них не должен знать такой бешеный человек, как дед Талаш. Дед Талаш в грош не ставит господ и начальство, на чужое добро зарится. Дед Талаш вообще враждебно относится к таким хозяевам, как Василь Бусыга, Кондрат Бирка и еще много уважаемых особ. Это он звонил среди голодранцев, что за богатеев надо взяться да поделить их земли. У деда Талаша стоял на квартире большевистский командир. Дед Талаш с топором бросался на польских солдат. Короче говоря, дед Талаш пропитался большевистским духом, и теперь он, наверно, сошелся с боль-

шевиками. Кто может поручиться, что он не приведет сюда красных? Нет! Покуда дед Талаш шатается неведомо где, неведомо с какими помыслами, не будет иметь покоя пан войт. Это не значит, что он, войт, боится деда Талаша. Нет!— Войт—начальство и стоит на страже закона и порядка. Недаром же наказ ему дан от высшего начальства, от поветового комиссара—следить и брать на заметку непослушных и бунтовщиков. А что до красных, то Василь Бусыга спокоен на этот счет: поляк не один—за его спиной Франция и Англия стоят. Нет, спели свою песню большевики! Ну, а хлопот наделать они еще могут, тем более что до войтовых ушей доходят слухи: по лесам скрываются темные люди, сговариваются, к чему-то готовятся и на что-то решаются. Осторожность тут не повредит. И нет ничего удивительного, что начальствование не такая уж простая вещь, как это может показаться кому со стороны.

В первую очередь нужно за деда Талаша взяться.

С одной стороны—и хорошо, что Талашева хата стоит на отшибе: каждый, кто идет туда или оттуда, лучше в глаза бросается. Только есть тут и неудобство: коль ты сам будешь вокруг нее вертеться, так тоже в глаза бросишься. Приглядываясь время от времени к Талашевой хате, Василь Бусыга заметил, что Панас нет-нет, да и отлучается из дому. Интересно, куда он ходит? Догадывается войт, что Панас и есть тот ключ, каким можно открыть местопребывание деда Талаша. С Панаса и надо начинать. Только как? Поручить кому-нибудь проследить, приставить специального человека?.. Войт раскинул умом и нашел этот способ неудобным, да и рискованно вмешивать сюда третьих лиц: третьи лица—лишние свидетели против него самого. И потом, нет уверенности, что все это останется в секрете. Василь Бусыга остановился на другом плане. Он доложит куда надо, доложит, как и через кого можно узнать про деда Талаша, а там пусть допытываются сами. И сено будет цело, и козы будут сыты.

Накануне того дня, когда Панас должен был встретиться с отцом под толстым дубом возле Сухого поля, среди ночи вдруг послышался стук в дверь Талашевой хаты. Первой проснулась бабка Наста. В тревоге подняла голову, прислушалась. Стук повторился с большей силой и настойчивостью.

— Ой, кто ж это стучит?—голосом, полным страха, сказала бабка.

Максим, накинув кожух, босой выбежал в сени.

— Кто там?

— Отворяй!—властно и сердито скомандовал кто-то со двора.

— А кто там?—допытывался Максим.

— Отвори, Максим, это паны «польская власть».

Максим в этом голосе узнал соседа Никиту Целеха и отодвинул засов.

Несколько пар ног загремели в сенях, и вместе с открытыми дверями в хату ворвался целый сноп белого света. Откормленный рыжеусый толстомордый человек держал в руках электрический фонарик, который освещал хату и ее убогую обстановку. Максим зажег лампу. Черные тени, казалось, еще плотнее сгустились у стен и по углам низенькой хаты. Осмелевшие в темноте прусаки побежали ближе к печи, прячась в щелях. Видно, и их всполошил этот страшный пан электрическим фонариком. Нежданых гостей было четверо: трое поляков в военной форме, а четвертый Никита Целех—в качестве понятого.

Бабка Наста, трясясь как в лихорадке, натянула на себя дерюжку и пугливо, недоумевающим взглядом осматривала неведомых военных. Панас лежал неподвижно, охваченный темным, неопределенным страхом.

— Кто ночует тут?—спросил рыжеусый.

Вопрос был такой бессмысленный и неожиданный, что никто не нашелся в первую минуту ответить.

— Кто ночует тут?—не отставал рыжеусый.

— Все... свои,—заикаясь от страха, сказал Максим.

А в это время другой, юркий и вертлявый, также зажег фонарик и заглянул на печь и под нары. Третий стоял молча и неподвижно.

Рыжеусый подошел к Панасу и толкнул его кулаком в плечо.

— Ну, ты, подымайся!—скомандовал он.

Панас покорно присел на постели.

— Ты ходил к отцу на свидание?

Как ножом полоснул Панаса этот вопрос. Раз он так спрашивает, значит знает, что он, Панас, ходил к отцу. Первый приступ страха прошел.

— Ходил!—твердо, после короткого молчания, ответил Панас.

Рыжеусый похвалил его за правдивость и спросил уже более ласково:

— А где твой отец?

— Не знаю.

Рыжеусый поглядел на Панаса строго, покачал головой.

— Как же не знаешь? Ты же сегодня собирался итти к отцу?.. Ну?

Что мог ответить Панас? Правда, он собирался к отцу. У него мелькнула мысль: не хитрит ли с ним этот рыжий чорт? Он в свою очередь также пошел на хитрость.

— Днем я к отцу не хожу.

— Брешешь!—прикрикнул рыжеусый.—Куда же ты днем ходишь?

Он думал, что поймал Панаса, но Панас твердо ответил:

— Хожу на болото ветки резать, скотину кормить. У нас забрали сено.

Этот ответ сбил с толку рыжеусого.

— А что тебе сказал отец?

— Сказал, чтобы я к нему больше не ходил.

— А где ты встречался с отцом?

— В лесу.

— О чем же вы говорили?

— Обо всем: про скотину, про корм...

— А что еще сказал отец?

— Сказал, что до весны домой не вернется.

— Брешешь, лайдак!—загремел рыжеусый.

— Паночек,—подал голос Максим,—батька наш старик. Ему семьдесят лет. Погорячился, сам страху набрался, а теперь боится домой показаться.

— О-о, боится... А большевик почему тут стоял на квартире?

И, еще более повысив тон, кинул в лицо Максиму:

— Где старый пес?

Бабка Наста кубарем свалилась с печи и бухнула в ноги рыжему пану.

— А, паночек, а, золотенький! За что ж на нас напасть такая? Последнее сено забрали, скотина с голоду дохнет. Старик из дому убежал. А он же не виноват! Его били, толкали... А за что же вы нас терзаете?

Рыжеусый презрительно повернул с высоты своего величия разбойничью рожу к бабке Насте, и на этой роже отразилась гадливость. Ничего не сказав, как будто бабка Наста и не заслуживала того, чтобы отозваться на ее слова, он крикнул:

— Молчи!

А потом спокойно закончил.

— Ну, хлопец,—повернулся к Панасу,—собирайся!

А когда выходили из хаты и вели Панаса, сказал твердо и выразительно:

— Придет к нам отец—освободим парня.

IX

Дед Талаш и Мартын Рыль, рассказав друг другу о своих приключениях, стали совещаться, что делать дальше и куда итти. Деда беспокоила мысль о доме, о Панасе.

Мартын Рыль тоже думал о своем доме, о жене и детях, о хозяйстве. И тому, и другому нужно было на что-то решиться.

Положение вещей было таково, что надо было держать ухо востро, чтобы не попасться бессмысленно в панские руки.

Вепры, где жил Мартын Рыль, были по дороге к дедовой деревне. До этой деревни было отсюда километра четыре. Вдвоем было веселей и сподручней, особенно, если принять во внимание Мартынов карабин. Вот почему они и избрали такой план: зайти к деду Талашу, узнать, как и что, закусить там и заночевать, если будет можно. А там будет видно, что делать дальше. Сквозь тьму ночи, по глухим дорожкам и тропкам направились они в сторону своих деревень.

Не доходя километров полутора до деревни, они обогнули болотце, сделали значительный крюк и осторожно двинулись к хате деда, останавливаясь и прислушиваясь.

Была уже глубокая ночь. Там и сям по хатам поблескивали тусклые огоньки. На противоположном конце деревни громко разливался собачий лай. Эта настороженность зимней ночи придавала какую-то особенную жуть беспрерывному лаю кем-то потревоженной собаки. Минуты через две начали присоединяться голоса других собак, и тонкие, и пронзительные, и грубые. Наконец собачий концерт начал затихать, и деревня вновь погрузилась в тишину.

Дед Талаш и его спутник стояли молча, пока не улегся лай собак. Стояли они в кустарнике, откуда неясно вырисовывался из мрака черный силуэт дедовой хаты.

— Подожди, голубь, тут, а я пойду доведаюсь, как там и что, и дам тебе знать.

Мартын остался в кустарнике, а дед Талаш скрылся в темноте. Он осторожно подошел к низенькому оконцу своей хаты, прислушался и тихо постучал в обледенелую раму. Бабка Наста не спала, горюя о Панасе и о старом Талаше. Этот несмелый стук заставил забиться ее сердце: такой стук она слышала не один раз за долгое время совместного житья с Талашем. Она подбежала к окну и так же тихо постучала. Троекратный тихий стук в ответ последовал снаружи.

Сомнений больше не оставалось. Она накинула на плечи полушубок, надела на ноги шлепанцы, на ходу растолкала Максима и кинулась отворять дверь, стараясь не шуметь.

Переступив порог своей хаты, Талаш остановился:

— Что слышно?—спросил он бабку Насту.

Мгновение помолчала бабка.

— Панаса забрали поляки...—глухо ответила она.

У деда Талаша задрожали руки и ноги, и острая боль подкатилась к самому сердцу.

— Когда забрали?

— Вчера ночью. Ворвались в хату. Допытывались, где ты.

— А чего ж его забрали?

— Указал кто-то, что он к тебе ходил в лес,—ответил Максим, одевшись на скорую руку.

— Все допытывались, где ты,—повторила бабка.

Она не решалась сказать страшную правду: Панаса выпустят тогда, когда к ним придет отец.

Пусто стало в дедовой душе.

Бабка Наста возилась у печки, зажигая лампу.

— Завесь сперва окна,—тихо сказал старый Талаш.— Со мной Мартын Рыль. В кустах остался. Скрывается, как и я. Пойду кликну его. А ты, Максим, покарауль на дворе.

В хате осталась одна бабка Наста. Она плотно завесила окна и стала готовить ужин неожиданным гостям. Ее охватил страх: а что, если придут поляки? Этот страх не покидал ее все время, пока в хате оставались дед и Мартын Рыль.

А они сидели за столом и ужинали.

Весть об аресте Панаса глубоко взволновала деда. Он сидел понурый, нахмурив свой морщинистый лоб, и думал.

— Один способ освободить Панаса,—тихо, задумчиво сказал он:—самому отдаться в их руки. Для этого они и взяли его.

Бабка Наста тяжело вздохнула.

На минуту тяжелая тишина охватила хату.

— Есть и другой способ вызволить хлопца,—нарушил тишину Мартын Рыль,—о нем и надо подумать.

Дед Талаш вдруг оживился.

— Правда, Мартын?—и дед порывисто потряс Рыля за плечи.—Скажи, как это сделать?

— Подумать надо,—уклонился Мартын от прямого ответа, но, видно, в голове у него созрел какой-то план.

— Знаешь, дядька Грыгор,—поднял он глаза на деда Талаша,—являться к ним не нужно. Посадят самого, а выпустят или не выпустят хлопца—неизвестно. Нельзя им, поганцам, веры давать.

— Вот и я так думаю, голубь... Да, да. Так или этак, а жить нам спокойно не дадут. Ни ты, ни я оставаться дома не можем.

Понизив голос, дед взволнованным шопотом сказал:

— В лес надо перебираться, да не сидеть там сложа руки и поглядывать спокойно со стороны, как они тут хозяйничают и распоряжаются нами.

Ни дед Талаш, ни Мартын Рыль не договаривали своих мыслей до конца, но понимали один другого очень хорошо.

— Ничего другого нам не остается, дядька Грыгор.

— Эх, ружья хорошего нет у меня!—пожалел дед Талаш.

Рыль промолчал; он чувствовал себя как будто виноватым перед дедом, что у него такой карабин, из которого можно выстрелить семь раз подряд.

— Я добуду себе ружье, хорошее, настоящее!—и дед Талаш стукнул кулаком по столу.

И, чуть помолчав, промолвил, как бы отвечая на свои мысли:

— Только одного ружья еще мало... мало, брат, одного, даже хорошего ружья.

— Верно,—кивнул Мартын.

В хату вошел Максим.

— Тихо и спокойно,—доложил он.

Мужчины посоветовались.

Усталость склоняла их к мысли заночевать тут, с тем чтобы утром, до рассвета, итти дальше. Так и сделали.

Максим снова занял свой пост, а дед Талаш и Мартын Рыль легли не раздеваясь.

Хоть и утомлен был дед, но заснул не сразу. Поговорил немного с бабкой Настой, а потом думал про Панаса, про

его освобождение из панской неволи и еще о том, как добыть себе хорошее ружье. Дедова фантазия разгулялась и своевольно переходила границы реальных возможностей. А потом заснул крепким сном.

На рассвете дед и Мартын покинули хату. Леса и болота станут теперь их пристанищем и домом.

X

Неподвижно стоял густой лес. Плотно прижались верхушки деревьев, переплелись ветви, покрытые белым одеялом хрупкого шуршащего инея. Ни зверь, ни человек, ни птица не нарушали его утреннего покоя. Светало. Из мрака вырисовывались стройные стволы осин, корявые дубы, сломанные бурею, высокие расщепленные обломки деревьев и спиленные пни с белыми круглыми шапками, с заостренными верхушками, да белыми конусами раскидались по лесу красиво округленные снежные курганы. Снег скрипел под ногами деда Талаша и громоздкого Мартына. Шли они не спеша, выбирая наиболее глухие лесные дорожки и тропинки обходя опасные места. Шли молча, углубившись в свои тревожные думы.

Дед Талаш—человек замкнутый. Своими мыслями не с каждым поделится, особенно, когда дело идет о важных вещах, и планы свои вынашивает долго. Зато когда решит, то не отступится, пока не добьется своего. Так вот и теперь. Выносил дед Талаш, как мать дитя, свою неспокойную думу. Сначала мелькала она неловко и несмело, но понемногу все более и более очерчивалась, чаще и чаще тревожила голову, принимала реальную форму и настойчивей требовала своего выражения в практическом действии. А этому способствовало происшествие с Панасом. Назрела необходимость поговорить о ней с человеком, с таким, кто понял бы его и пришел бы на помощь, ибо дедова мысль была такая, что требовала помощи отважных людей.

— Как ты думаешь, Мартын,—нарушил молчание дед Талаш, начав издалека,—нельзя ли подобрать добрых хлопцев?.. Ну, на манер небольшого войска.

Мартын Рыль взглянул на деда Талаша. Он догадался, куда гнет старый. Ему интересно знать, как мыслит себе это дело дед Талаш.

— Поискать—людей найдешь,—уверенно гудит он и добавляет:—Да вот ты да я—уже нас двое.

— Эге!—отзывается дед Талаш, а глаза его смотрят куда-то вглубь.

— Люди, дядька Грыгор, есть, собрать их только нужно да на верную дорогу наставить, да дать им хорошего командира.

— Вот я, голубь, и думаю про это.

Они замолкают, думают. Мартын ждет, пока дед выскажется до конца.

— Если будут люди, то человек, что командовал бы ими, найдется.

— Бывает, один человек дороже целого десятка людей.

— Эге! Только один человек—малая сила.

Снова притихли на короткое время.

— А слышал ты,—спрашивает дед,—что по лесам оружие спрятано с немецкой войны, когда солдаты фронт бросали?

— Ходят такие слухи... Наверно, есть. Говорят, и пулеметы припрятаны. Да много его и по дворам хранят.

— Если б собрать людей, то и оружие нашлось бы.

Снизив тон, дед приступает к самому важному моменту своей беседы.

— Слушай, голубь! Шатаемся мы, как неприкаянные, прячемся, как тараканы в щелях, в свою хату, как злодеи, крадемся. А что мы сделали? В чем наша вина?

— Погоди, дядька Грыгор, придет весна, всколыхнется трясина на болотах, загудит лес, да так, как еще никогда не гудел!

— Только само-то оно не сделается, Мартын.

И, понизив голос до шопота, дед Талаш говорит дальше:

— Давай, Мартын, за работу возьмемся!

— Ну, что ж! Я согласен. Только не знаю, что ты, дядька, надумал.

— Народ собирать на великое движение против палачей, насильников. Чего мы терпеть будем, на что надеяться? Ждать, пока нас переловят по одному? Что мы, разбросанные по одному? Пыль, сухой лист, что ветер гоняет по полю. И первое, что я хочу сделать и в чем прошу твоей помощи,—мой Панас. Ребенок он еще...—голос деда задрожал.—За что он-то страдает? Я не буду иметь покоя, не отступлюсь, хоть голову сложу, пока не вырву из их поганых рук Панаса. А как вызволить его? Силою! Люди нужны. Хоть бы десяток смелых вооруженных людей. Я пойду искать этих людей, но ищи их и ты.

Мартын глянул на деда Талаша. Глаза деда горели неспокойным огнем и зачаровывали Мартына, отнимали у него волю.

— Дядька Грыгор, за пять человек я ручаюсь, найду их. Скажи только, где найти тебя и когда?

Дед Талаш сдвинул со лба шапку, будто она мешала ему думать, нахмурил брови, глаза его снова уставились в пространство, как бы оглядывая грядущие события, и после короткого раздумья сказал:

— Отсчитай от сегодняшнего утра ровно три дня. На третий день, когда стемнеет, будь на Долгом Броде и жди, пока не завоет волк: это буду выть я (дед Талаш умел очень хорошо выть по-волчьи). Я завою три раза с промежутками. Вот как ты найдешь меня. Запомни же это твердо.

И поглядел испытующим взглядом в глаза Мартыну.

— Что, дядька, так глядишь на меня?

— Хочу увериться в тебе. И глаза твои мне говорят, что ты не лжешь.

Мартын молча кивнул головой.

— А если я не услышу, как воет волк около Долгого Брода?—спросил он.

— Тогда жди меня дома. Я найду тебя, если не справлюсь за это время.

— Ладно.

— Ну, голубь, будь здоров и счастлив! Да будь осторожен, а то тебя, может, ищут. Я буду надеяться на тебя. Иди же, узнай, что у тебя дома. И помни, о чем говорили мы. Так, значит, третий день, когда стемнеет...

Мартыну сделалось не по себе, когда он слушал эти слова и твердый голос старого Талаша.

Дед крепко, как клещами, сжал ручищу своего спутника и заговорщика. Он этим давал ему понять, какая сила сохранилась еще в твердой и жесткой старой руке.

И немного подождав, когда приземистая фигура деда Талаша пропала в лесу, Мартын подумал: «Куда он пошел? Почему я не спросил у него?»

XI

Дед Талаш идет лесными дебрями, темными пущами. Деду надо найти ту часть красного войска, командир которой стоял у него на квартире. План деда простой: перейти на линию

Красной армии. А там он разузнает, где находится командир батальона, который стоял у них в деревне,—дед назовет деревню. К счастью, он знал и фамилию командира батальона—Шалехин. Дед расскажет ему свою беду. Также расскажет и про белопольское войско,—о нем кое-что знал дед Талаш. Разве эти вести не будут интересны для командира? И на большее пойдет дед Талаш: он пообещает свои услуги быть разведчиком, собирать нужные сведения о размещении легионов. Кто, как не он покажет дороги в лесах и проходы в болотах? А самое важное, что скажет дед Талаш, что он имеет намерение и уже делает первые шаги в этом направлении—поднять восстание против лютого врага. А чего же потребует для себя дед Талаш? Он будет просить командира дать ему хоть десяток смелых красноармейцев, чтобы сделать внезапное нападение на поветового комиссара, на острог, где страдает его Панас. И еще чего попросит для себя дед Талаш—это хорошее, настоящее солдатское ружье. Он расскажет командиру и свой план нападения. Этот план смелый и простой, и потери в людях не будет. Неужели же он не склонит на свою сторону командира?..

Вот с какими мыслями шел дед Талаш.

Он прошел уже бо́льшую часть дороги. Оставалось еще километров шесть, чтобы выйти на Гударов лог. За этим логом стоит деревня Высокая Рудня, занятая красными,—туда и направляется дед Талаш.

Долгая и трудная ходьба по лесу утомила деда. Он остановился, смел рукавицей сухой снег с гладкого пня и присел отдохнуть и закусить. Снял с плеча ружье, охотничью сумку, куда бабка Наста положила полбуханки хлеба и кусок сала, зажал ружье меж ног и начал закусывать. Но глухой шорох в лесу заставил его прислушаться. И видит дед—огромный дикий кабан медленно выходит из лесной чащи и бредет по брюхо в снегу, не замечая деда. Кабан подходит к красивому, будто выточенному рукой талантливого мастера, муравейнику, аккуратно и ровно присыпанному снегом, и останавливается. А потом начинает разрывать его своим страшным, клыкастым рылом. Каждым движением он высоко взметывает вверх комья снега вместе с мусором, накопленным муравьями за целые годы упорного труда. И скоро две темные борозды вырисовываются на чистом, нетронутом снегу. Кабан роет спокойно и настойчиво, все больше и больше углубляясь в землю. Дед Талаш неподвиж-

но и с большим интересом следит за ним. А кабан от него—шагов сорок-пятьдесят и так увлекся работой, что ничего не видит и не слышит, как не видит и не слышит дед Талаш, что из той же гущи крадется волк и тоже наблюдает за вепрем. И только тогда заметил дед волка, когда он подкрался к кабану шагов на пятнадцать. Еще большее удивление охватило деда Талаша. Что ж это за штука? И еще с бо́льшим интересом глядит, что будет дальше.

По мере того как кабан глубже зарывался в землю, приближался к нему осторожно и волк. И вдруг, подкравшись совсем близко, молнией кидается на вепря, хватает его зубами за брюхо снизу и с такой же быстротой отскакивает от него. Вепрь дико зарычал, выскочил из ямы и упал на снег со вспоротым животом и с выпавшими внутренностями, корчась в страшной предсмертной агонии. А волк стоит поодаль и жадными глазами смакует уже свою богатую добычу.

Такой внезапной и неожиданной развязки никак не ожидал дед Талаш. Прицелился дед. Глухой выстрел потряс лесную глушь, и торжествующий волк подскочил вверх и упал, как мешок, уткнувшись носом в окровавленный снег.

Большое удовлетворение почувствовал дед Талаш после этого удачного выстрела. В лесу было тихо и спокойно. Дед Талаш сначала зарядил ружье, всыпал щедрую порцию пороху и на этот раз заложил в дуло круглую оловянную пулю и только тогда подошел к разрытому муравейнику, где лежали огромный кабан со страшными изогнутыми трехгранными клыками и убитый волк. Только теперь вспомнил он про сотни тысяч маленьких, забытых им муравьев. Их тут и не видно. Они глубоко заползли в подземные норы. Они, может быть, и не слышали, что сталось с их домом. И только весной когда сойдет снег, а от волка и вепря останутся лишь голые кости, спохватятся они и увидят варварское разрушение своего гнезда и дружною громадой, не горюя, возьмутся за постройку своего разрушенного жилища, над которым упорно трудились они на протяжении целого ряда лет.

Философское настроение деда сменилось практическими размышлениями. И кабан, и волк—ценная добыча. С волка можно содрать шкуру, а кабана разобрать и доставить домой,—сколько было бы пищи! Эх, только некогда этим заниматься. Но в голове у него тут же появилась новая мысль: содрать с волка шкуру, пока он не окоченел,—это будет дедов трофей,—а кабана подарить красным бойцам. Эта мысль

неплохая. И он живо взялся за работу. Содрал с волка шкуру, вымыл в снегу руки, вытер их о полы полушубка, сложил шкуру, закинул ее на плечо и важно, как счастливый охотник, отправился дальше, взяв направление на Высокую Рудню.

Наконец лес кончился. Впереди расстилалось круглое поле, окаймленное высокой стеной леса, а из середины поля выступала деревня с белыми крышами хат, щуплыми фигурами высоких кленов и вязов, с клунями и ветряками на выгоне. От высокой стены леса отходил ярусами густой низкорослый кустарник.

Дед внимательно окинул глазами кусты. Человеческая фигура мелькнула на краю поросли и спряталась. Зоркий дедов глаз разглядел в ней военного, только дед не разобрал, свой это или чужой. На всякий случай дед подался немного назад, ближе к лесу, и тут услышал грозный оклик:

— Стой! Кто идет?

Дед остановился. Голос и слова успокили его, и он обрадовался встрече с красноармейцем, ибо это облегчало его задачу.

— Свой!—отозвался дед Талаш.

Из кустов выдвинулась фигура молодого красноармейца с винтовкой, с патронной сумкой на поясе и с парой гранат. Вид его был довольно грозный и не соответствовал ласковым серым глазам, которыми он окинул деда Талаша и его трофей, свисавший с плеча чуть не до самых пят и придававший деду вид первобытного человека.

— Документ!—кинул красноармеец.

— А какой, голубь, может быть документ у такого бродяги, как я? Я не здешний: от поляков прячусь. Кто ж мне даст документ?

— А куда же идешь?—все еще официальным тоном расспрашивал красноармеец.

— К вам, товарищи, иду, к красным. Специально.

— Я сейчас вызову начальника заставы. У нас такой порядок.

Резкий свисток острыми тонкими волнами расплывается в кустах и затихает.

Некоторое время они молча ждут.

Красноармеец думает, как он доложит про деда начальнику заставы. И когда в кустах показалась его фигура, красноармеец повел глазами на шкуру волка.

— Волка застрелил?—спросил деда.

Дед знал, что про эту шкуру ему придется рассказывать целую историю, но так как его аудитория состоит из одного только слушателя, а времени у него нет, потому что подходит начальник заставы, дед ограничивается короткими ответом:

— Эге!

Начальник заставы, уже не первой молодости человек с обветренным лицом, взглядом военного человека окинул деда Талаша с ног до головы, подольше остановившись на волчьей шкуре.

Красноармеец доложил:

— Не имеет документов. Заявляет, что идет с польской стороны специально к красным.

Начальник заставы еще внимательнее взглянул на деда Талаша.

— Что заставило тебя, отец, итти к нам?

— Невозможно стало мне жить дома, товарищ начальник. По лесам прячусь. Меня ловят поляки.

— За что?

Дед Талаш рассказал свои приключения.

— А из какого ты села?

Дед назвал свою деревню.

— А какой командир стоял у вас на квартире?

— Так что командир товарищ Шалехин,—на старый солдатский манер ответил дед Талаш.

Красноармеец и начальник заставы переглянулись. Дедов ответ отвел подозрение от его личности.

— А откуда эта волчья шкура?—поинтересовался начальник заставы.

Дед рассказал историю про вепря и волка и закончил ее так:

— Я, товарищи, решил подарить вепря вам. А вепрь ладный, пудов на восемнадцать. Достаньте подводу, поеду с вами, покажу. Он тут, недалеко.

Зашли за заставу. Начальник выделил двух красноармейцев в село за подводой.

А под вечер с великим триумфом ехал дед Талаш с красноармейцами в Высокую Рудню, везя на розвальнях огромную тушу дикого кабана. Прославился дед Талаш на всю Высокую Рудню, а еще для пущей важности он носил на себе волчью шкуру, и когда у него спрашивали, зачем он таскает ее на себе, то дед хитро отвечал:

— Ого! Я еще буду выть по-волчьи.

Люди смеялись, а дед свою думу думал.

XII

Пожилой грузный седоусый полковник сидел в штабе польской дивизии, склонившись над военной картой Полесского района. Он готовил боевое задание дивизии и приказ о возобновлении военных действий против Красной армии после зимнего затишья. Полковник, пан Дембицкий, дав волю и разгон своему стратегическому творчеству, старательно отмечал на карте пункты важнейших участков для решительного удара, который, по мнению стратега, должен был сломить сопротивление Красной армии, забывая, что во время боя обстановка меняется и что результаты его зависят от тысячи мелочей, которые никакой штаб не может предвидеть. Полковник, пан Дембицкий, не считался с той особенностью, что в штабе его противника не всегда вели операцию профессионалы-штабисты старой военной школы, а командовали талантливые рабочие, выдвинутые революцией. Тем не менее пан Дембицкий кропотливо размещал на избранных участках воинские части, определяя их роли. Но полковник не мог целиком отдаться своим стратегическим занятиям и проверить план хотя бы по военной карте. Уже несколько раз его внимание перебивал телефон. Из разных пунктов дивизии сообщали ему о враждебном выступлении местного населения против польской армии. Полковник злился, что его отрывают от важной работы, рекомендовал обращаться к полиции и жандармам и просил, чтобы не тревожили его такими пустяками. Но когда ему доложили о разоружении польского военного конвоя толпой безоружных полещуков, полковник подскочил в кресле, будто его кольнули снизу шилом.

— Что? Что?!—затрясся и побагровел он.

Его возмущению не было границ,—такое оскорбление было нанесено польскому войску! Полковник отдал строгий приказ принять решительные меры, вплоть до расстрела и конфискации имущества участников всяких «бандитских» выступлений, направленных против славного польского войска, а конвойных, которые допустили себя обезоружить, судить полевым судом.

Этот приказ был далеко не на-руку Мартыну Рылю, который уже подходил к своей деревне, и всем его товарищам, орудовавшим под командою бывшего солдата Балука из-под Терниц.

Уже вечером того дня, когда дед Талаш встретился с Мартыном Рылем, люди из деревни Вепры заметили признаки чего-то неладного. Военное время, полное беспокойства и неожиданностей, заставляло их держать ухо востро, быть осторожными. Под вечер прошел слух, что у околицы появились конные польские легионеры. Наверно, это была какая-то разведка, если судить по тому, что они скрываются, чтобы не быть замеченными. Вепровцы уже имели случай видеть польскую армию. Но поляки только переночевали в деревне, а назавтра, забравши кое-какой скарб, харчи для себя и фураж для лошадей, отправились в другое место. Дня через три после этого приехали жандармы и забрали Мартына Рыля. Трое вепровцев: Никита Самок, Кузьма Ладыга и Кондрат Бус, которые сочувствовали большевикам и выступали за советскую власть, бежали из своих хат и приходили домой на короткое время, рискуя попасть в руки польской полиции или контразведки. Вот почему, когда пошел слух о появлении польских легионеров, люди встревожились, ожидая новой беды.

Но ночь прошла спокойно, а утро нового дня принесло с собою уверенность, что ничего страшного не случится. А поляки как раз утром подкрались, незаметно расставили солдат вокруг деревни, заняли все дороги, и только тогда заметили их вепровцы, когда целый табор польской конницы вскачь промчался по улице. Сначала люди не знали, зачем наехали поляки. Настоящий страх почувствовали тогда, когда поляки, разбившись на несколько групп, ворвались во дворы. Мартынов двор был занят в первую очередь.

Два легионера, соскочив с коней, бросились в Мартынову хату. Несколько человек кинулись в клуню.

— Где арестант?—загремел легионер, переступив порог Мартыновой хаты.

Мартынова жена обомлела со страха и широко раскрытыми глазами смотрела на легионера.

Не дождавшись ответа, легионеры начали ворочать, потрошить штыками подушки и дерюги. Они произвели настоящий погром, все бросали на землю, били прикладами горшки и миски.

Трое малых ребят, на-смерть перепуганных, кинулись к матери. Дед Микола, Мартынов отец, ничего не понимая, в ужасе прижался к стене и молчал, глядя на буйство солдат.

— Где арестант?—прикрикнул на деда легионер.

Тогда дед Микола сказал:

— Вы же забрали его, чтоб вас чорт побрал!

— Смердюх старый!—закричал легионер и ударил по лицу Миколу. Дед стукнулся затылком об стену, а из зубов и из носа полилась кровь. Онемел дед Микола, стоит оглушенный и молча вытирает ладонью окровавленные зубы, размазывает кровь по лицу и по реденькой седой бороде, свисающей, как мох на старом дереве.

— О! Пся крев!—кричал легионер.—Мы вам покажем!

Разгромили Мартынову хату, выбили рамы и быстро вышли на двор.

То же самое творилось по дворам и хатам крестьян, бывших на подозрении у полиции и польской военщины.

Кондрат Бус, заслышав о налете польской конницы, схватил полушубок и шапку, оделся на ходу и кинулся во двор чтобы удрать в лес. Ноги у него легкие, сам он человек лет под тридцать,—что ему значит пробежать с версту до леса? Поляки въезжали уже во двор, когда он выбежал в открытое поле. Выбирая лощинки, скрываясь подле кустарника, бежал Кондрат во всю мочь. Он проваливался в глубокий снег, ноги его вязли, снег мешал быстрому движению вперед.

Конный польский легионер увидел со двора, как в лес бежит человек. Махнул он с конем на задворки и через раскрытые ворота выскочил в поле следом за Кондратом.

У леса пересек беглецу дорогу польский солдат. Увидев верхового, солдат остановился: верховой махнул ему саблей, подал знак не двигаться.

Оглянулся Кондрат и весь забился в смертельном страхе. Одна мысль пронизала его: «Пропал!» Сгоряча, без расчета, бежал он прямо. Лес был уже недалеко. А лес—его спасение. Там его не поймают. Но расстояние между ним и всадником уменьшалось с каждым мгновением. Кондрат выбивался из сил. От трудного и быстрого бега он вспотел. Сердце стучало сильно и готово было разорваться. Ноги и руки дрожали, а горло сжимали спазмы. Всадник нагонял Кондрата и уже держал наготове саблю. Ему хотелось попробовать силу и ловкость своего удара. Но в самый решительный мо-

мент конь попал передними ногами в яму, присыпанную снегом, и застрял в ней, прижав крепко всаднику правую ногу. Рука с поднятой саблей зарылась в снег. Ни конь, ни всадник без чужой помощи не могли вырваться из этой западни. Кондрату оставалось несколько десятков саженей, чтобы добежать до леса. Группа польских солдат, человек пять выбежала из леса и глядела на погоню. И когда всадник упал, а пеший человек готов был шмыгнуть в лес, они бросились было бежать на помощь всаднику, но потом остановились и вскинули карабины к плечу. Громыхнули выстрелы, и Кондрат Бус свалился в снег. После этого солдаты вновь бросились к кавалеристу. Но тут произошла неожиданная заминка: из лесу раздался выстрел, и один из польских солдат выпустил карабин и присел на снег, схватившись за ногу. Четверо других пришли в замешательство и остановились. Послышался второй выстрел, и пуля пролетела над головой одного из солдат. Поляки залегли в снегу и начали отстреливаться от невидимого врага, отступая и отыскивая прикрытие.

Перестрелка встревожила поляков в деревне. Оттуда выслали разъезд в обход фланга невидимого врага. А этот враг послал еще два выстрела и одним из них пробил голову залегшему в снегу польскому солдату. Больше выстрелов из леса не было.

Подоспевшие из деревни поляки вытащили из ямы коня. У всадника была вывихнута нога и отморожена рука. Подобрали убитого легионера и раненого в ногу. А Кондрат Бус лежал один в холодном снегу. Впрочем, ему теперь было все равно. Даже когда в деревне Вепры горело несколько дворов, в том числе и двор Кондрата Буса, он лежал неподвижно, с застывшим, спокойным лицом.

XIII

В хате было сильно накурено. Дым от разных сортов табака и папирос облаком висел над низким потолком. А когда открывались двери, завеса синеватого дыма резко колыхалась, и дым с силою вырывался в дверь на простор. Люди, сидевшие за столом и на лавках, были преимущественно командиры, начиная от взводного и кончая командиром батальона Шалехиным. Никаких знаков командирского достоин-

ства не было ни на плечах, ни на воротниках. Сидели как попало, в шапках и без шапок, в помятых, вытертых и видевших многое на своем веку шинелях. И совсем не чувствовалось, что тут сошлись рядовые бойцы и командиры разных рангов. Сидели и говорили свободно, не тянулись один перед другим, курили. Командир батальона сидел за столом в центре. Рядом с ним—командир взвода Букрей, нескладный и широкий, как шкаф. На голом, непокрытом столе лежали куски хлеба, а посередине стояла бурая глиняная миска с медом. Командир батальона приглашал попробовать медку. Для большего удобства мед разогрели в печке и ели его вместе с вощиной и пчелой, исходя из правила, что солдатский живот переварит винт, гайку и ружейное масло. Было шумно и беспорядочно. Люди забывали про войну, говорили на разные темы, далекие от войны. Батальон стоял на отдыхе.

Двери открывались. Холодный воздух врывался в хату.

Порог переступил человек с ружьем и охотничьей сумкой, наполовину скрытой волчьей шкурой, перекинутой через плечо. За человеком вошел красноармеец. Если бы это был не дед Талаш, да если бы и дед, но без волчьей шкуры, то на него вряд ли тут и обратили бы внимание. Дед Талаш был в коротком полушубке, в суконных с кожаными заплатами штанах, обутый в ременные лапти.

Ну, как было не обратить внимание на этого полесского инсургента? Дед Талаш громко сказал «здравствуйте» и быстрыми острыми глазками пробежал по лицам военных. Губы его расплылись в приветливой улыбке, когда он заметил за столом Шалехина и порывисто двинулся к нему. Приветливая улыбка пробежала и по лицу командира.

— А, старый друг! Какая буря занесла вас сюда?

Он крепко потряс дедову руку и посадил его возле себя.

— Это мой старый приятель, дед Талаш, у него я жил на квартире,—сказал он военным.—Ну, что у вас нового?

— Ох, товарищ командир,—вздохнул дед Талаш,—нового много, да не радует оно.

— Что? С поляками не поладил?

— Грабители, безобразники, чтоб их болото проглотило!—и дед Талаш безнадежно махнул рукой.

Он рассказал про свои похождения.

— Браво, дед!—похвалили его военные.

— Неужели ты, дед, такой сильный?—не поверил Букрей.

Дед Талаш остановил на нем свои темные острые глазки, мгновение поглядел на него.

— А давай поборемся,—тихо, но твердо и уверенно, с решительной готовностью померяться с Букреем силой, заявил он.

— Молодчина, дед! Вот это дед!

Букрей принужден был стушеваться. А дед Талаш с еще большим увлечением рассказывал дальше про события последних дней. И кончил свое повествование так:

— Где же мне искать справедливости? К кому мне обратиться, как не к вам, товарищи красное войско? Вот я и пришел просить совета и помощи.

Молодой человек, одетый наполовину в военное, наполовину в штатское, молчавший все время и внимательно слушавший с неподвижным и застывшим лицом, подошел к деду.

— Очень рад встретиться с вами. Вы—славный дед!— и крепко пожал деду руку.

А потом обратился к военным:

— Товарищи, старику надо помочь. Нужно вызволить его сына. Нужно!—подчеркнул он последние слова.

Дедово лицо осветилось надеждой, и он с глубокой благодарностью глянул на незнакомого молодого человека. Кто же он такой?

— Я, товарищи, буду с вами, потому что мне теперь и места нет,—с жаром говорил дед Талаш.—Я знаю лес, болота, реки, озера. Пройду с вами так, что никакой панский чорт не будет знать. И еще, товарищи, прошу я вас дать мне настоящее военное ружье. А если не дать, так одолжить. Отвоюю у поляков—верну вам, товарищи.

— Надо зачислить деда в ряды Красной армии и выдать ему винтовку как красноармейцу,—не то в шутку, не то всерьез заявил один из ротных командиров.

— Винтовку деду мы дадим,—сказал командир батальона,—только сначала ему надо попробовать нашего медку. Угощайтесь!—обратился он к деду Талашу.

Дед Талаш чуть замялся, но военные насели дружнее. Букрей дал ему кусок хлеба.

— Ешь, дед, воевать вместе будем!

Тогда дед сделал несколько раз экскурсию в миску с медом.

— Ну, товарищи, давайте подумаем, как помочь деду,—вновь заговорил командир батальона.—На мой взгляд, не-

вредно было бы заодно пощупать и польские позиции поглубже... Что скажете на это, товарищи?

— Дело хорошее!

— Это—идея!

Дружно поддержали мысль командира.

— Позволь, товарищ командир, мне слово.

— Говори, Букрей.

— Сегодня вечером мы сменяем третий батальон. Выслать сегодня же разведку, да поглубже. Для разведки подобрать десятка два охотников. Если поручите это дело мне, то мы с дедом обмозгуем его.

Букрей был известен в батальоне своей отвагой и смелостью, и ему охотно поручили организовать и провести разведку в тылу у поляков. Деду решили выдать винтовку и назначили его проводником в разведке.

— Так, воюем?—обратился к деду Букрей и положил ему на плечо руку.

Радостный и взволнованный, дед Талаш обеими руками потряс Букрееву руку.

Когда дед вышел из хаты, за ним вышел и молодой незнакомый парень.

— Хотел бы с вами поговорить,—сказал он деду.—Вы куда теперь идете?

— А тут... к одному знакомому.

— Мне вот интересно знать,—сказал незнакомец,—если бы вас самого не обидели поляки, то пошли бы вы против них?

Дед Талаш был захвачен врасплох и, не зная, куда гнет незнакомец, ответил:

— Не трогали бы меня, не тронул бы и я их.

Чуть-чуть подумав, добавил:

— А впрочем, не знаю, как бы оно было.

Незнакомец помолчал.

— Ну, а вы знаете, что несет с собою польская война? И кто с нами воюет?

— Да, может, хотят свою Польшу сделать.

— Ну, если бы они сделали свою Польшу, как вы говорите, так вам, крестьянской бедноте, и нам, рабочим, что они дадут?

Дед Талаш поглядел незнакомцу в глаза.

— А скажите, кто вы будете?

Замкнутое лицо незнакомца осветилось приветливой улыбкой.

— Я—рабочий из Гомеля. Имею фамилию, как и всякий, только она мне не нужна здесь. А если вы хотите звать меня, так зовите Невидным.

Удивился дед Талаш.

— А я бы вас скорей назвал Чудным.

«Невидный» улыбнулся.

— Нет, чудного тут ничего нет,—сказал он.—Дело в том, что я веду тайную, подпольную работу от нашей партии большевиков. И если вы слышали, что кое-где против поляков вспыхивают восстания, так тут немного положено и моей работы.

Тогда дед Талаш пониженным голосом сказал:

— Вот-вот! Вот и я начал такую работу.

— Я угадал, что вы человек нужный и ценный, только вам надо поглядеть на свет немного по-другому и немного подальше...

Интересные вещи рассказывал Невидный деду Талашу, и не мог не согласиться дед с правдой его слов.

XIV

Дед Талаш—не только проводник в Букреевой разведке. Он сам полноправный воин: он имеет настоящую военную винтовку и сорок пять патронов, у него есть своя команда—восемь человек крестьян из Высокой Рудни. А народ это ловкий и отважный. Собрать такую команду было не так-то легко, но дед Талаш не пожалел горячих слов и ярких красок, чтобы разжечь кровь своих воинов и двинуть их на борьбу против лютых оккупантов.

— Неужто, товарищи, вы будете греть пузо на печи, да ждать, пока и до вас доберется поляк и стукнет дубиной по голове? Не помилует вас пан, припомнит каждый дубок, вырубленный в лесу. Да и поле заберет у вас, сделает вас батраками в своем поместьи, последнюю нитку вытянет из вашей рубахи. Мы должны помочь Красной армии, чтоб не паны, а мы сами, беднота и рабочие, с товарищами большевиками были тут хозяевами и по-своему бы наладили свою жизнь.

Не последнюю роль в этой мобилизации восьми сыграл дедов рассказ о разоружении польского конвоя и особенно карабин Мартына Рыля, добытый им во время разоружения.

Мартына тут многие знали. Серьезную помощь оказал Невидный.

В сумерки двинулись в поход две группы: тридцать красноармейцев с Букреем во главе и восемь крестьян под командой деда Талаша. Был это второй из тех трех дней, на исходе которых дед Талаш и Мартын Рыль должны были встретиться на Долгом Броде. Дед Талаш твердо держал это в памяти. Таким образом, впереди были долгая зимняя ночь и короткий зимний день—время достаточное, чтобы не торопясь притти к сроку в назначенное место.

С вечера небо с южной стороны затянулось дымной поволокой легких облаков, а над далекими лесами свисала голубая мгла—предвестник оттепели. Яркие краски неба тускнели, а на землю быстро опускалась тьма. Маршрут похода был определен заранее Букреем и дедом Талашем, при живом участии партизан деда. Они также были вооружены винтовками. Первый привал был назначен в фольварке Виркутье.

Букрей—человек с богатой военной практикой. Не раз он делал такие походы, не раз бывал в боях—и на фронте империалистической войны, и на фронтах войны гражданской. Дрался и на Урале, и под Астраханью, и в широких степях Украины. Красноармейцы любили его. Он отдал приказ начальникам отделений принять меры охраны походной колонны. Были высланы боковые и головные дозоры, установлена связь бойцов в дозорах с ядром колонны.

Дед Талаш приглядывался к Букрею, прислушивался к его приказам и все это мотал себе на ус. Как проводник, на котором лежала ответственность в смысле охраны отряда от разных неприятных неожиданностей в походе, он проявил много заботливости, чтобы все было хорошо и благополучно. Он то отставал от колонны, то заходил вперед или в сторону и, удалившись от топота ног, останавливался и чутко ловил голоса зимней ночи и подозрительные шорохи леса. Ему приятно было чувствовать, что к его плечу плотно прилегало тяжелое ружье с острым штыком, с которым не страшно выступить один-на-один и против медведя. Все виденное и пережитое в Высокой Рудне теперь отступило куда-то дальше, и перед ним вставали встреча с Рылем, план освобождения Панаса и дальнейшие действия, которые так трудно предусмотреть. Но дед Талаш чувствовал теперь за собой силу и уверенность.

До фольварка Виркутье оставалось километра три. Дед

тихо подозвал к себе двух человек из своей команды, Куприянчика и Нупрея, и приказал им сбегать на фольварк узнать, нет ли там поляков. Куприянчик и Нупрей шмыгнули незаметно и расплылись в темноте лесной глуши, а колонна теми же темпами, сохраняя тишину и порядок, двигалась дальше по лесу. Лес уж кончался, и колонна вскоре должна была выйти на полянку к фольварку Виркутье.

Дед подошел к Букрею.

— Сейчас подходим к фольварку,—тихо сообщил он начальнику колонны.—Надо остановиться.

Букрей передал по цепочке соответствующую команду.

— На всякий случай надо послать разведку в хутор,— сказал он.

И Букрей уже хотел выслать разведку.

— Я уж послал своих людей,—доложил дед Талаш.

— Правильно сделал, дед!—похвалил его Букрей.—В походе разведка и связь имеют очень большое значение.

Минуты через две из мрака выплыли три фигуры. Это были Куприянчик и Нупрей, и с ними кто-то третий.

Дедова разведка донесла:

— В фольварке поляки. Разузнайте вот у него, он знает о них больше,—и показали на приведенного человека.

Букрей допросил его:

— Ты кто?

— Дарвидошка,—ответил приведенный человек.

— Дарвидошка или Датянидошка—это неважно,—заметил Букрей.—Что ты за человек? Чем занимаешься?

— Человек я!—и Дарвидошка безнадежно махнул рукой.— И занимаюсь не тем, чем нужно.

— Где вы его взяли?—спросил дед Талаш своих разведчиков.

— Да это же батрак из Виркутья. Он немного выпил.

— Ага, батрак!—согласился чудаковатый Дарвидошка. И выпил... Ну да, выпил...

— А с кем ты выпил?—расспрашивал Букрей.

— Солдат поднес из фляжки. Поляк... Там, брат, поляки съехались. Паны, паненки, офицеры... Пьют! Гуляют! А мне солдат и говорит... он за сторожа приставлен... «Приведи-ка,—говорит,—мне молодку». Ей-богу!

— Много там офицеров?—допытывался Букрей.

— Три... Ну да, трое.

— А солдаты есть?

— Есть и солдаты... Ну да, есть.

— А сколько их?

— Да, может, так, человек шесть... Ну да, шесть.

Букрей тут же составил план действий.

— Вот что, брат Дарвидошка, слушай и заруби себе на носу: ты приведешь часовому молодуху.

Дарвидошка впал в отчаяние:

— А где ж я возьму ее?! Ну да, где?

— Ты слушай, меня: за молодуху буду я!

— Гы-гы-гы!..—загоготал батрак.—Такая молодуха залягает его! Ну да!

Красноармейцы и партизаны окружили их. Букреева выдумка вызвала веселое настроение.

— Мы придем туда,—развивал Букрей дальше свой план,— я остановлюсь где-нибудь на дворе, а ты скажешь: привел молодуху! Рехт?[1]

— Рехт! Гы-гы-гы!..

Букрей отвел в сторону начальников отделений и деда Талаша и отдал распоряжение, где и что делать.

Вдоль дороги к фольварку почти от самого леса тянулась густая старинная липовая аллея. Колонна разделилась на две части и двинулась к фольварку, скрываясь за толстыми стволами деревьев. Букрей и батрак шли во главе. За ними— дед Талаш и два разведчика. Не доходя до двора, колонна остановилась. Букрей снял шинель, отдал ее деду Талашу, а сам надел его полушубок. У партизана нашелся платок, служивший шарфом, а вместо юбки Букрей надел волчью шкуру. В темноте он принял подобие уродливой бабы, и все засмеялись, несмотря на напряженность момента.

Букрей и Дарвидошка отделились от колонны. За ними на некотором расстоянии шли дед Талаш и два партизана. Букрей выбрал место в глухом углу двора, около какой-то постройки, подготовил на всякий случай наган. Дарвидошка пошел в сторону конюшни, к часовому, с рапортом. Около конюшни его не было. Часовой отошел ближе к дому, где ярко сверкали окна, прикрытые легкими занавесками. Через незакрытый угол стекла он видел молодого красивого офицера, который сидел у рояля и перебирал пальцами клавиши. Неподалеку стояла стройная блондинка и, как очарованная, слушала музыку и не сводила глаз с музыканта.

---

[1] Хорошо.

Солдат в свою очередь не сводил глаз с блондинки и вздыхал. В эту минуту и подошел к нему батрак. Он принужден был толкнуть часового, чтоб вернуть его на двор фольварка из страны сладостных мечтаний.

— Молодуху привел,—шопотом сказал батрак.

Солдат вздогнул.

— Где она?—взволнованно спросил он.

— Возле гумна ждет, стыдится сама итти.

— Молодая?

— Ага, как колода! Ну да! Огонь молодуха.

Солдат заволновался, закрутил усы и, напевая, быстро пошел за батраком.

«Молодуха» еще плотнее прижалась к стене. Батрак отстал, остановился, а солдат храбро двинулся вперед.

— Не пугайся, моя душа!

Поставив около стены винтовку, солдат прижался к «молодке». В мгновение ока «молодуха» сжала, как железными обручами, кавалера и грохнула его в снег.

— Лежи, гад, тут тебе могила!—густым басом пригрозила «молодуха».

Солдат только прошептал:

— Пан бог з нами, дух свенты!

— Не пан бог и не дух свенты, а взводный Букрей.

Солдата отвели под липы. Красноармейцы и партизаны ринулись на двор, окружили дом и хату, где забавлялись за чаркою легионеры, поставив винтовки в угол около порога, и одновременно ворвались туда.

— Ни с места!—загремел Букрей в комнате.

— Руки вверх!—крикнул дед Талаш в хате.

Солдаты послушно подняли руки.

В комнате рояль затих.

Блондинка обомлела. Грохнули о пол тарелки и рюмки, сброшенные перепуганными гостями. А глаза, полные ужаса, смотрели на стальную щетину склоненных красноармейских штыков и на темные дула страшных наганов.

— Пропали!—шептали побелевшие губы красавца-музыканта.

XV

В ту же ночь девять пленных солдат и офицеров усадили в парадные возки, на которых съехалась шляхта на банкет по поводу образования польского государства и в честь

польской армии, и под конвоем конных красноармейцев, которые сели на лошадей пленных, отправили в деревню Высокая Рудня. Батраку как раз привелось править повозкой, на которой сидел и тот солдат, что так неудачно встретился с «молодкой». Молча и с ненавистью поглядывал солдат на своего «свата», а «сват» исподтишка только усмехался и энергично погонял лошадей.

Выпивка и закуска, а ее не пожалела шляхта для такого торжества, хоть и не полностью, но в значительной мере попала красноармейцам и партизанам. Сделав запас на дорогу, отряд под командой Букрея двинулся в лес. Оставаться тут на ночлег Букрей считал небезопасным. В фольварке поставили нескольких часовых, которым было приказано определенное время никого не выпускать. Гости сидели, как мыши, забившись в углы.

Дед Талаш знал в гуще мозырских лесов хорошо построенные шалаши, где летом ютились смолокуры. Сюда и повел он красноармейцев и партизан. Сюда же должен был притти и Куприянчик с частью красноармейцев. Куприянчика оставил дед Талаш в качестве проводника, чтобы показать дорогу красноармейцам из дозора к шалашам смолокуров.

Шалаши стояли между стройными стволами глухой, дикой пущи, куда редко заглядывал глаз человека. Вокруг них густо-густо столпился молодой кудрявый ельник. Четыре столба по углам, четыре толстых жерди, прикрепленных к столбам, и целая сеть из тонких горбылей, прибитых к жердям деревянными гвоздями, плотно и густо оплетенных еловыми ветками,—таковы были шалаши смолокуров. Стояли они тут уже долгое время. Мелкие иглы еловых веток высохли и осыпались, устлав пол шалаша толстым пухлым пластом.

Партизаны расчистили снег, подготовили место для костра. Красноармейцы живо принесли дров, разложили костер. Приветливо зашумел огонь и золотым блеском рассыпался по стволам, по зелени курчавых елок, по шинелям и лицам красноармейцев и партизан.

Как муравьи, копошились люди. Кто носил дрова и бросал их в костер, кто стоял у огня и грелся, подставляя к огню то один бок, то другой, то спину, кто осматривал шалаши, выбирая место поудобнее для утомленного тела, а кто прилаживал у огня принесенные бревна, чтобы сделать из них что-то вроде лавки или полатей для более удобного ночлега.

Заняв позицию у костра, люди жмурились от дыма и, вытирая набегавшие слезы загрубелыми руками, припоминали события этой ночи. Разговоры и шутки концентрировались главным образом вокруг Букрея и его роли «молодухи». Букрей с тихой улыбкой молчал и слушал, поворачивая свое крупное лицо с жесткими колючими усами то к тому, то к другому, и добродушно посмеивался. В эту ночь командир взвода Букрей приобрел славу «красноармейской молодки».

— Только вы не рассказывайте в полку, а то и будут меня звать «красноармейской молодкой».

Дружный хохот послышался в ответ на его предупреждение. И нельзя было не смеяться, глядя на пышную Букрееву фигуру. Он сидел на бревнах, у огня, накинув поверх солдатской шинели еще более широкую, шляхетскую шубу с широчайшим воротником. В этой шубе вся фигура и лицо его с жесткими, колючими усами напоминали важного польского магната.

По поводу этой шубы Букрей держал речь перед своим войском. Букрей категорически осуждал грабежи, во всех случаях, и особенно на войне. Но взять у врага то, что тебе необходимо в боевом житье,—позволяется.

Мрачно и грозно зияли темными отверстиями шалаши смолокуров, будто пасти сказочных страшилищ. Воины лежали в самых разнообразных и вычурных позах у огня и в шалашах.

Дед Талаш стоял в стороне. Он думал о завтрашнем вечере, о встрече с Мартыном Рылем, о всем том, что связывалось с этим походом, о Панасе. Пока малый остается в заключении, не будет покоя и деду Талашу.

Дед прилег на куче валежника, прикрытого толстым пластом еловых веток, чтоб немного отдохнуть. Огонь пригревал его сбоку, волчья шкура—сверху, и он скоро заснул.

Огонь потухал. Концы перегоревших поленьев лежали похолодевшими вокруг костра, а на середине, на самом жару дотлевал кряж, то потухая, то вспыхивая слабым беловатым пламенем. Гасли понемногу и уголечки, покрываясь легким белым пеплом. Синеватая струйка дыма бесшумно и спокойно плыла вверх и скрывалась в шапках старых деревьев, будто отыскивая там себе пристанище, чтобы не пропасть бесследно в холодных просторах. Было что-то тоскливое и грустное в этом умирании костра.

Ночной холод начинал пробирать деда Талаша. Дед по-

дошел ближе к огню, положил головешки и обгорелые концы поленьев в огонь. Гуще поплыл дым, и скоро веселый огонек вспыхнул пламенем, разогнал тьму, осветил шалаши и фигуры людей, корчившихся от холода. Тут же около костра лежала куча дров, приготовленных еще с вечера. Дед подкинул в огонь дрова. Огонь снова ожил, заиграл подвижными горящими лентами, разгоняя тьму, а вместе с нею и тоскливое настроение.

Дед Талаш сидел у огня и грелся. Те же неотступные мысли охватили его. Припоминал он события прошедшего дня. Теперь они встали перед дедом в другом свете. Вести о том, что в Виркутьи неожиданно появились красные и захватили кутивших там офицеров и солдат, скоро дойдут к полякам. Поляки всполошатся, пошлют целое войско против букреевских солдат. Это тревожило деда Талаша. Под влиянием этих мыслей он поднялся и осторожно двинулся в лес, чтобы послушать на всякий случай, не слышно ли где подозрительного шума, и поглядеть на часовых.

Часовые стояли на своих местах, перекинулись с дедом парой слов; дед сказал, что идет по дрова. Отойдя подальше, он остановился и внимательно прислушался к немой тишине. Оглянулся назад—огня почти не видно было. Это еще больше успокоило деда. Он только подумал, что никогда раньше не приходила ему в голову мысль о том, как далеко виден ночью в лесу огонь. Дед Талаш выбрал тонкое сухое дерево, уперся в него рукой, а ногами—в снег, и попробовал сломать. Дерево наклонилось раз, другой и вдруг громко треснуло около корня и упало. Дед положил его на плечо и пошел назад к огню.

Он закурил трубку и присел на кучу валежника, думая о том, что события в Виркутьи нарушают маршрут, а в связи с этим надо изменить и план. Первое, что вытекало из этих событий,—оставаться тут долгое время не приходится. Отряду нужно передвинуться в другое место, а на разведку обратить особое внимание.

Перед дедовыми глазами начали выступать глухие углы Полесья. Таких углов в Полесьи много, но не все они лежат поблизости и по пути. А зачем двигаться всем сразу?..

Новый план начал вырисовываться перед дедом Талашем. Нет нужды всему взводу итти к Долгому Броду, как это было намечено ранее, тем более что для этого нужно сделать большой крюк. А Мартына там может и не быть. Не лучше

ли взводу передвинуться в скрытое место, ближе к местечку, основной цели букреевского похода? Не лучше ли деду одному или с кем-нибудь из своих людей пройти туда?..

Обдумывая этот вопрос, дед Талаш твердо остановился именно на таком его разрешении. Об этом он скажет Букрею. Дед уверен, что Букрей примет такое изменение маршрута.

На рассвете вернулись красноармейцы с Куприянчиком из фольварка Виркутье. Ночь прошла благополучно. Шалаши оживились, наполнились людскими голосами. Новый день нес свои заботы и ставил новые задачи букреевскому отряду.

XVI

Утром, как только рассвело, Букрей отдал приказ выступать в поход. Перед этим было совещание. Обсуждали план маршрута и порядок движения взвода. Букрей принял во внимание соображения деда Талаша и одобрил его программу на сегодняшний день. При этом он сказал деду:

— Тебе, батька, надо быть начальником штаба, а не просто проводником и разведчиком.

Деду приятно было слышать похвалу.

До местечка километров пятнадцать. Каждому разведчику даны задание и ясные инструкции. При Букрее проводником был назначен Куприянчик. Дед Талаш с Нупреем взяли на себя задачу обследовать пункты по дороге к местечку.

Часа два вся колонна двигалась вместе. Потом партизаны отделились и пошли каждый своим маршрутом.

Куприянчик повел взвод на Глухой остров.

Остров представляет собою возвышенность, заросшую густым лесом среди непроходимого болота. Добраться летом до Глухого острова мог только тот, кто хорошо знал извилистые тропинки между болотом и кочкарником, заросшим ольшаником, диким ивняком, кустами низкорослого березняка и разной порослью. По этим тропинкам мог пройти один человек от кочки до кочки, местами пробираясь по бревнам. Обманчивая трясина угрожала затянуть каждого, кто оступится или сделает неосторожный шаг. Зимой глухой остров был доступнее, хотя под снегом кое-где таилась еще бо́льшая опасность, чем летом. Сюда редко кто заходил, разве только самые заядлые охотники.

На прощание Букрей пожелал удачи разведчикам и еще раз повторил инструкции.

Осторожно идут Нупрей и дед Талаш чёрез лес, болота и безлюдные поляны. Выходят временами и на дорогу, приглядываются, прислушиваются. Хоть бы встретить живого человека, получить вести о поляках! Их чуткость еще обостряется, когда они подходят к деревне Цернишн, первой на их пути. Эта деревня вызывает в дедовой памяти целую вереницу сцен и картин, о которых рассказывал ему Мартын Рыль. Из этой деревни родом Марка Балук.

На опушке леса дед Талаш и Нупрей останавливаются. Тут проходит дорога из деревни, и сама деревня видна отсюда. Они обсуждают, как лучше узнать, что делается в деревне, есть ли там польские части и какие.

На дороге показывается фигура женщины. Она идет в деревню. Дед Талаш передает Нупрею винтовку и осторожно выходит на дорогу.

Молодка смотрит на деда Талаша серыми круглыми глазами из-под тонких дуг черных бровей. На ее голове красуется белая намитка [1] с вышитыми концами. Подходит, приветствует деда. Дед Талаш вежливо отвечает на приветствие.

— Скажи, ты из этой деревни?

— Из этой,—коротко отвечает молодуха.

— Что я хочу спросить тебя, молодка: не тут ли живет Марка Балук?

Молодка вдруг смутилась, в глазах ее мелькнул на мгновение страх, тонкие черные брови чуть дрогнули. Она взглянула на деда серыми недоумевающими глазами.

— А вы откуда знаете его?

— Человек, который был с ним вместе арестован поляками, просил узнать про него.

Молодка еще больше встревожилась. Дед Талаш внимательно следит за движением каждого мускула на ее лице.

— Был он тут, а теперь нет.

— Ты его жена?

Молодка приходит в замешательство.

— А вы что за человек?

— А такой же, можно сказать, как и твой Марка.

— А вы откуда знаете, что он мой? А может, не мой?

---

[1] Головная повязка женщин в Полесьи.

— А я по твоим глазам вижу.

Молодка, чтобы не сказать лишнего, сразу меняет тактику.

— Такому старому, как вы, негоже заглядываться на мои глаза.

Дед Талаш улыбается.

— Мне глаз твоих не надо, мне нужна твоя правда.

— Нет теперь нигде правды,—сурово отвечает молодка.

— Кой-какая, да есть. Вот можешь сказать ты мне правду: есть тут поляки или нет?

— А где их нет теперь?—в голосе молодки слышна злоба.

— А много их тут у вас?

— В каждой хате по два, по три стоят. А я так уж и хаты своей не имею. Забрали все. Скотину из хлева выгнали.

Разговорилась молодка. Призналась, что ходила к поветовому комиссару, как ей советовали люди, искать правды. И много узнал дед Талаш из беседы. Узнал, что в местечке, где жил поветовый комиссар, поляков еще больше, чем тут, что у них там и машины разные стоят, а эти машины ездят и стреляют.

Нельзя сказать, чтоб эти вести обрадовали деда Талаша. Он знал, что дело освобождения Панаса потребует много времени, что это дело не такое легкое и простое. И все же дед Талаш не пал духом. Во-первых, нужно проверить слова молодки и по-настоящему разведать, что творится в местечке, и, во-вторых, надо посоветоваться с Букреем. Была еще надежда на Мартына Рыля и на его людей, которых он обещал мобилизовать. Словом, порассудив и подумав, можно до чего-нибудь и додуматься.

Он простился с молодкой. На прощание сказал ей:

— Увидишь своего Марка, так скажи ему, пусть не шатается один, а идет к нам да людей с собой зовет.

Дед Талаш назвал Мартына Рыля. Сказал, где и как его найти. Деду очень хотелось залучить к себе такого ловкого человека, как Марка Балук.

Дед и Нупрей снова повернули в лес и осторожно пошли в сторону местечка. Местечко это теперь имело какую-то особую власть над дедом Талашем, тянуло его к себе и в то же время тревожило.

Одна, незначительная на первый взгляд, вещь обратила на себя их внимание: они увидели в лесу следы человеческих ног. Расстояние между следами указывало на то, что чело-

век, оставивший эти следы на снегу, бежал. Особенно бросалось в глаза, что кое-где на следах выступали красные пятна. Не было сомнения в том, что это кровь. Дед Талаш и его спутник очень заинтересовались этим обстоятельством. Чтоб успокоить деда, Нупрей высказал догадку, что это, наверно, охотник гнался за подстреленной дичью.

— А где же, голубь, след этой дичи?—спросил дед Талаш.

Нупреева догадка отпала.

— Нет, парень, дело тут хуже: это кровь того, кто оставил тут свои следы. Давай пойдем по следам.

Следы уводили их от местечка. Дед чувствовал какую-то неясную тревогу.

Шли они так с полчаса. Следы показывали, что человек менял темп своего движения. Видно, человек выбивался из сил, приостанавливал бег, шел замедленным шагом, чтобы отдохнуть и отдышаться. Наконец следы свернули в сторону, под толстую густую елку, где почти не было снега. Дед Талаш и Нупрей стали осматривать место, где отдыхал человек. Следы показывали, что человек отгребал снег, чтобы прилечь на более теплом месте. Около выступившего елового корня была ямка,—человек лежа опирался на локоть. В том же месте, где были его ноги, также виднелось кровавое пятно. Из этого дед Талаш и Нупрей вывели заключение, что кровь у человека шла из ноги. Следы были совсем свежие.

Осмотревши место, снова пошли по следам. Правая нога человека ступала твердо, след левой ноги был неровный—человек сильно хромал. Видно, ему было трудно итти, и следы свернули снова к густому молодому ельнику. Туда, продираясь сквозь сухой навес еловых веток, пошли дед Талаш и Нупрей.

— Стой! Кто-то лежит,—тихо и встревоженно сказал дед Талаш и остановился.

Человек лежал скрючившись, уткнув голову в глубоко насунутой шапке в старенький полушубок. Лица его не было видно.

И вдруг затрясся дед Талаш. Глаза его широко раскрылись, на лице отразился ужас.

— Панас!—вырвался крик из груди старика, и он кинулся к неподвижной фигуре своего сына.

Панас не двигался.

— Сынок, сынок мой!—ломал руки дед Талаш, став перед сыном на колени.—Не дождался, сынок, ты своего часа...

Нупрей пощупал рукою Панаса.

— Он живой еще. Он только обомлел.

Нупрей кинулся разжигать огонь, а дед, кажется, ничего не слышал и не чувствовал. Он тормошил сына, будил, звал его, но Панас не проявлял никаких признаков жизни. Заломил дед над головой руки и с безмерным горем глядел на Панаса. Нупрей наломал еловых веток, уложил их у огня, застлал волчьей шкурой.

— Перенесем его сюда.

— Спаси, спаси его, Нупрей!

Панаса положили на волчью шкуру. Нупрей скинул свой полушубок, накрыл Панаса и принялся разувать его окровавленную ногу. Левая нога выше колена была прострелена, но кость, как видно, была цела. Он ослабел, потеряв много крови. Нупрей расстегнул ему воротник, растирал его тело руками, отогревал его. Панас чуть-чуть повернулся и слабо застонал.

— Будет жить!—весело сказал Нупрей.

Радость охватила деда Талаша.

XVII

Отогрелся Панас около огня на волчьей шкуре под Нупреевым полушубком и пришел в себя. Первое, что отразилось на его лице, были страх и удивление. Но эти ощущения сменились радостью, когда увидел он старого отца и веселое Нупреево лицо.

— Ну, вот и ожил хлопец!—весело нарушил тишину Нупрей.

— Болит нога?

— Глупости!—отозвался Панас.—Вот сейчас поднимусь и пойду.

Он попробовал улыбнуться, пошевелил больной ногой. Но на его лице отразилась боль. Нога распухла, и итти он не мог.

— Эх, сынок, сынок!—говорил взволнованный Талаш.—И повоевать ты нам не дал за себя. А мы уж готовились. Ну, да благодари бога, что все так повернулось и ты жив, хоть немного и похромаешь.

— Ничего, до свадьбы заживет,—шутил Нупрей.

Ногу Панасу промыли, осмотрели рану, завязали. Нупрей привел в порядок пропитанные кровью Панасовы штаны, почистил их снегом и просушил у огня. Делал он это с сознанием важности своих действий. Дед Талаш подкреплял Панаса хлебом и салом, поджаренным тут же на палочке над огнем. Подкрепившись, Панас почувствовал себя лучше. Но итти ему было еще трудно, и от ходьбы снова пошла бы кровь из раны.

Нупрей и дед Талаш приняли все это во внимание

— Мы его понесем,—сказал Нупрей.

— Ну, разве что на переменку.

— Носилки сделаем.

Нупрей был солдатом и знал, как носят раненых.

Он взял у деда топор, вырубил две сухие легкие жердочки, обтесал их. К жердям привязал волчью шкуру. Получились хорошие носилки.

Деда Талаша и Нупрея удивил Панасов рассказ о его освобождении из острога. Панасу помог выбраться из заключения польский солдат, который стоял там на посту. Кто он такой, этот добрый человек, Панас не знает. Солдат разговорился с Панасом, расспросил, кто он такой, за что его забрали. Видно было по всему, что он сочувствовал Панасу. И вот, когда однажды Панас попросил его вывести на двор, солдат шепнул ему:

— Погоди немного, я тебя выпущу потом,—а сам оглядывается.

Через несколько минут он выпустил Панаса.

— Иди, хлопец, и назад не возвращайся. Ты гляди, кабы не словили. А если поймают, то скажи, что сам сбежал. Я потом подниму тревогу, а ты за это время постарайся пропасть так, чтобы тебя не нашли.

Солдат волновался, а по лицу его видно было, что он не шутит. Было это рано, на рассвете. Через час, когда Панас выбрался, прячась, из местечка и подходил к лесу, его окликнул польский дозор. Панас задал такого драпака, что снег курился под его ногами. Солдат выстрелил несколько раз, пока Панас добежал до леса. Боль в ноге Панас почувствовал потом, когда уж был далеко в лесу.

Панасов рассказ произвел хорошее впечатление на деда Талаша и Нупрея. Выходило, что не все поляки такие жестокие люди, что среди них есть и добрые. Но одной доброты

еще маловато, она не вполне разъясняет поведение польского солдата в отношении Панаса.

— Разные люди есть и между польскими солдатами,— установил Нупрей факт.

— Да,—согласился дед Талаш,—среди них есть, наверно, и такие, которые не сочувствуют панам и воюют против своей воли. Пан есть пан, а наш брат, простой человек, горемыка— он свою думает думу и свой интерес имеет, поляк ли он или немец.

Вспомнился деду Талашу Невидный. То, что тогда не было понятно деду из слов Невидного, теперь начинало доходить до его сознания.

Дед Талаш и Нупрей имели все основания отказаться на сегодня от разведки в местечке. Они вынуждены были удовлетвориться теми известиями о поляках, которые передала им Балукова жена, и возвратиться назад, на Глухой остров. Другого выхода не было: не бросать же парня в лесу или у чужих людей, где его легко могли бы найти. Освобождение Панаса из заключения и случайная счастливая встреча с ним решили ту задачу, которую поставил перед собою дед Талаш. Если происшествие в Виркутьи нарушало маршрут, то освобождение Панаса нарушало весь план похода. Теперь все будет зависеть от Букрея. Когда дед передумал все эти мысли, он пришел к заключению, что у них больше простора, так как они теперь не связаны определенным местом.

Плавно покачиваются самодельные носилки, сложенные Нупреем. Две пары крепких рук несут Панаса. Хорошо ему качаться в волчьей шкуре. Он закрывает глаза, дремлет и грезит. Для него это необычайное состояние, и тот факт, что его несут двое мужчин, несут, как раненого на войне, создает особенное настроение и ощущение. В ноге—ноющая, тупая боль, но он не жалуется. Он думает о том, куда его несут и что он там увидит. В его глазах рисуются фигуры красноармейцев и партизан. Он думает и о своей хате, о старухе матери, о Максиме, о приятелях. Какие интересные истории расскажет он им при встрече!

Просыпается он уже на Глухом острове. Рядом с ним пылает огонь. Чья-то заботливая рука укрыла его теплой шубой. Около огня стоят и сидят люди в военной одежде. Среди них чернеют фигуры крестьян, вооруженных винтовками. На коротком толстом обрубке сидит неуклюжий человек со светлыми жесткими усами, с крупным резким лицом. Спо-

койные серые глаза его глядят в записную книжку, медленно ползут по строчкам написанного текста. Около него стоят двое партизан с винтовками и человек без винтовки, с топором за поясом. Незнакомец отрывается от книжки, подымает спокойные глаза на человека с топором за поясом, что-то расспрашивает. Человек отвечает, говорит долго. Незнакомец внимательно слушает, потом что-то записывает в книжку...

— Ну, как ты чувствуешь себя?

К Панасу подходит Нупрей, глядит на него с ласковой улыбкой, показывая ряд белых ровных зубов.

— Хорошо, — говорит Панас и двигает раненой ногой.— Помаленьку и сам бы пошел.

— Ну, вот видишь! Это тебе волчья шкура здоровье дала,—смеется он.

Их окружают красноармейцы и партизаны. Интересно поглядеть на парня, который был арестован поляками. Панаса забрасывают вопросами. Он не успевает отвечать на них. Да вопросы и замечания иногда такие, что на них не всегда можно ответить.

Вся эта обстановка для Панаса необычна, и он чувствует себя немного не по себе среди этого сборища взрослых людей. Он ищет глазами отца, но деда Талаша не видно.

Наконец к Панасу подходит человек с жесткими усами. Он окончил беседу с человеком с топором и положил в карман записную книжку.

— Ну, молодец, как поживаешь?—спрашивает Панаса.

— Ничего, хорошо.

— Молодчина!—хвалит его Букрей (это был он).—Ты должен теперь быть храбрым солдатом... Хочешь воевать?

— Хочу,—заявляет Панас.

— Казак парень!

Букрей разговорился с Панасом, расспросил его, как он чувствовал себя у поляков, что слышал там и видел. Панасу легко было отвечать на вопросы грозного на вид человека с жесткими усами: этот дядька умел стать на равную ногу с Панасом, умел сказать меткую шутку и развеселить парня.

— Ну, отдыхай, друг, поправляйся: сильные люди долго не хворают.

Панаса накормили и оставили в покое.

Деда Талаша не было тут.

Дед держит в памяти свои слова. Сегодня вечером он дол-

жен быть у Долгого Брода, как было условлено с Мартыном Рылем. Теперь дед Талаш—вольный казак. Его отцовское горе превратилось в радость; он нашел своего сына и поручил его надежным людям.

С ведома Букрея готовится дед Талаш в поход к Долгому Броду. Люди ему не нужны сегодня, и он предполагает пойти туда один. Но с ним сами вызываются Куприянчик и Аскерыч, его верные воины.

Ночь окутала своим покровом леса и болота немого Полесья, когда дед Талаш и его спутники пришли к Долгому Броду.

— Ну, постойте же, соколы мои, тут, а я отойду да покличу своих волков,—сказал дед Талаш и пошел дальше.

Отошел дед шагов на пятьдесят, остановился, сдвинул со лба шапку, приставил кулак к кулаку, сделав из них трубу, кашлянул, пригнулся и завыл, сначала тихо, низко, а потом вой его окреп, и вместе с этим медленно разгибался дед Талаш, поднимал кулаки и голову все выше и выше и наконец окончил жутким завыванием. Трудно было поверить, что это был дед Талаш, а не волк.

— Ну, и ловко!—дивился Куприянчик.

— Тьфу! Просто жуть берет,—отозвался Аскерыч.

Немного подождав он повторил вой, еще более жуткий, а минуты через две завыл в третий раз, да так уж завыл, что Куприянчик и Аскерыч только ахнули.

Как только дед Талаш завыл третий раз, вдруг неподалеку в стороне грянул дружный залп, перепугавший своей неожиданностью деда и его воинов. Мартын Рыль любил эффектные сцены. Через минуту из мрака выплыла его высокая фигура, а за ним—цепь вооруженных людей.

XVIII

Партизаны-разведчики собрали очень много важных сведений о расположении польских частей. Все эти известия Букрей аккуратно записывал. На основании их легко можно было разгадать, на какие пункты направляет польский штаб свой главный удар.

Букреевская разведка также установила, какие настроения господствуют среди крестьян оккупированных поляками деревень. Яркую картину хозяйничанья польской воен-

щины дали Мартын Рыль и его дружина—шесть человек, которые охотно встали на защиту интересов бедноты. Он рассказал о налете поляков на Вепры, свидетелем которого он сам был, как на его глазах убили Кондрата Буса. Он рассказал о сожженных дворах бедноты, об издевательствах, которые творили польские капралы над стариками, женщинами и детьми, отцы которых выступали против панов. Бедноте некуда деться. Она вынуждена бежать в лес. Что ей остается делать? Подчиниться панской власти? Не лучше ли с оружием в руках бороться за свободу?..

— Хорошо говоришь, голубь, правду говоришь,—поддержал своего соратника дед Талаш.—Не будем покоряться панам! Не туда идут наши пути, не в те леса глядят наши глаза. Давайте, братцы, крепко держаться один другого! Пусть каждый из нас соберет вокруг себя дружину смелых людей. Неожиданно, внезапно будем бить грабителей. Порохом, пулями будем угощать непрошеных гостей.

После деда Талаша выступил человек с топором за поясом, немолодой, сутуловатый, с давно не бритым лицом. Темно-синие глаза его глубоко запали. На тонких сжатых губах пробегала по временам горькая улыбка. Человек этот узнал в жизни много горя и обиды. Это был Тимох Будик из деревни Карначи. Еще при царе его засудили на два года арестантских рот за поджог панского гумна. Отбывая арестантские роты, он каялся, что поджег гумно, а не господский дом или амбар. Теперь все его грехи припомнили и опять начали тягать. Тимох и теперь придерживался старых способов борьбы—он жил мыслями о поджоге панских поместий. Встретив в лесу партизан деда Талаша, он заявил о своем желании присоединиться к ним и широко развернуть работу по части поджогов.

— Говорят, большевики творят неподобные вещи, забирают нажитое,—так начал Тимох Будик.—Мы знаем, как брали и как берут большевики. Они брали господское добро—добро богатеев. Да разве это ихними руками нажито? Мы добывали его своими горбами. И большевики отдавали его тому, кто век трудился, да не имел ничего. А теперь что делается? Вернулись паны со своей челядью, начали заводить свои порядки, да еще похуже царских. Войтов, солтысов[1] позаводили. А там, где раньше был один урядник, те-

[1] Сельских старост.

перь десять жандармов поставили, на нашу голову. Навалилась на мужицкие горемычные плечи ненасытная саранча, выбивают дух, последний скарб вытрясают. Вы посмотрите, громада, что делается по деревням! Вооруженные польские шайки налетают с пулеметами, выбивают у мужиков скарб и всякую живность. Мы тут говорим, а по дорогам из деревень снег под полозьями скрипит, стонет и плачет крестьянским плачем. Свое ж добро сами крестьяние везут, погоняют лошадей, а самих их подгоняет панская плеть. Разве можно дальше терпеть? Бить, уничтожать, жечь их нужно!

Букрей, начальники отделений, дед Талаш, Мартын Рыль, Куприянчик и Будик устроили совещание, чтоб подробно проработать план нападения. Приняв во внимание небольшое количество людей и факт пребывания на территории, занятой поляками, на совещании решили не ввязываться в открытый бой, а сделать нападение неожиданно, когда поляки уже будут возвращаться с награбленным добром.

— Товарищи, готовиться к походу!—передавали один другому красноармейцы и партизаны.

На рассвете выслали разведку в деревню Ганусы. До Ганусов от Глухого острова было километров пять на восток в сторону позиций Красной армии. Дед Талаш имел основание не принимать участия в этом походе: под его опекой был Панас. Но он поручил Панаса Нупрею и Кондрату Круглому из Высокой Рудни. Панас чувствовал себя хорошо, говорил, что он уже может ходить, и ему очень хочется остаться при отряде.

—Отдохни, брат. Пусть заживет нога, а повоевать ты еще успеешь,—сказал Букрей.

Нупрей и Круглый с Панасом направились в Высокую Рудню. В Гударовом логу они должны были ждать букреевцев и деда Талаша.

Поход на деревню Ганусы ставил вопрос о назначении особого начальника для партизан: их было уже около двух десятков. Фактически дед Талаш считался их вождем, только юридически не было это оформлено. В связи с этим стоял и другой вопрос: как называть начальника партизан?

— Ну, ребята, вам нужно выбрать атамана!

Обращаясь так к партизанам, Букрей предрешал вопрос о названии начальника.

— Атамана, атамана выбрать!—подхватили партизаны.

— Со своей стороны, товарищи, я бы посоветовал вам вы-

брать нашего батьку Талаша. Он человек сообразительный, осторожный, но решительный и смелый, и человек уважаемый. Я приглядывался к нему и скажу, что начальник он будет кругом на сто двадцать.

— Выберите кого более молодого и больше знающего военное дело,—заявил дед Талаш.

— Дед Талаш!

— Деда Талаша!

— Пускай дед Талаш будет атаман наш!—дружно, как один, подали голос партизаны.

Дед Талаш расчувствовался. Снял шапку. Желтовато-белая лысина его блеснула, как солнце. Короткий, чуть вздернутый нос поднялся вверх и снова опустился.

— Благодарю вас, голуби мои! Еще раз скажу: выберите кого-нибудь более подходящего, чем я.

— Талаш, Талаш атаман!—еще громче крикнули партизаны.

Дед еще раз снял шапку, другой раз поклонился.

— Я буду, товарищи, стараться за вас, за каждую каплю вашей крови буду дрожать. Будем стоять один за другого. Дело же наше—бить насильников. Никакой пощады панам! А послушание должно стать нашим законом. Я буду прислушиваться к вам, а вы обязаны слушать меня, иначе не будет дела.

— Правильно!—согласились партизаны.

— Дисциплина—первое дело,—подтвердил Букрей.

— А моим помощником позвольте выбрать Мартына Рыля,—обратился дед к партизанам.

— Позволяем!

Вот как дед Талаш стал партизанским атаманом. Утром, только-только начала заниматься заря, весь отряд двинулся в поход. Связь между разведчиками и главной колонной поддерживали партизаны. Первое донесение разведки пришло часа через два. Разведка доносила: в деревню Ганусы приехали двадцать четыре конных и две повозки с пулеметами. У букреевцев пулемета не было. У красноармейцев были винтовки и ручные гранаты.

Тихо, бесшумно продвигались Букрей и партизаны к Ганусам. Настроение было приподнятое, особенно среди партизан, которым первый раз доводилось столкнуться с польскими войсками с оружием в руках.

Красноармейцы и партизаны стали еще осторожнее, когда подошли к опушке леса, откуда начиналось уже ганусское

поле и сама деревня вырисовывалась серыми пятнами своих вросших в землю построек на белом снежном поле.

Букрей приказал расставить дозоры. Поляки, по донесениям разведчиков, также выставили посты на восток от деревни: оттуда ожидали они опасности—в той стороне были позиции Красной армии. Они никак не ожидали, что эта опасность может их настигнуть с тыла, с западного конца деревни, где остановились красноармейцы и партизаны.

Букрей, дед Талаш и Мартын Рыль внимательно осмотрели местность и выбрали позицию. Позиция находилась на окраине леса, там, где дорога стиснута с обеих сторон темной гущей сосняка и елей. На болоте около дороги росли кусты ивняка и ольшаника. Чтобы ещё уменьшить площадь и не дать полякам развернуться для боя, Букрей приказал завалить дорогу, чтобы конница не могла проскочить. Красноармейцы и партизаны так замаскировались, что их нельзя было увидеть с дороги.

Подготовили позицию, разместили бойцов и стали поджидать поляков. Медленно и напряженно тянулись минуты ожидания. Букрей и дед Талаш обходили позицию, проверяли начальников звеньев и каждого бойца, обращая особое внимание на выдержку, спокойствие и строгое выполнение команды. Без команды не подавать никаких признаков жизни!

Дед Талаш волновался. Его тревожил исход схватки, где он первый раз примет участие как боец и как начальник. Но он ничем не выказывал своего волнения.

Ему показалось—часть позиции, поближе к деревне, слабо насыщена бойцами. Поляки там могли прорваться. Боевая задача заключалась в том, чтобы ни один польский солдат не ушел. Этот участок позиции подкрепили,—Букрей вынужден был согласиться с доводами деда.

Часа в два, после обеда, целый обоз крестьянских саней наполненный живностью, продуктами и фуражем, выехал из деревни. Впереди ехали шесть конных легионеров. За ними ползли две повозки с пулеметами, а на них сидели по тричетыре солдата. Группа кавалеристов, горланя песню, ехала в-середине, а остальные находились в хвосте обоза.

Удивительную и необычную картину представлял собою этот обоз. Молча и понуро сидели полещуки в санях, нехотя погоняя лошадей. Некоторые молча шли около возов, поглядывая на лес и на ненавистных легионеров, гарцовавших на конях.

Голова обоза уже миновала греблю, по обе стороны которой залегли партизаны и красноармейцы. Казалось, обоз пройдет спокойно и ничего не случится. Партизаны судорожно сжимали винтовки в руках. Но они ждали команды. И вдруг, всколыхнув воздух, спереди послышался звук, подобный удару грома. Это гранатчики бросили гранаты в переднюю группу всадников. В то же мгновение грянул залп в хвосте обоза. Паника, толчея, суматоха поднялись в обозе. Испуганные лошади рвали кто куда, скакали в кустарник, волоча за собой опрокинутые сани. Залп в центре обоза произвел еще больший переполох и хаос. Тут была самая большая группа всадников, та самая, где распевали песню. Подводчики и солдаты, животные валялись на снегу. Один всадник в хвосте обоза бросился было в лес. Наперерез ему, как из-под земли, выскочили партизаны под командой Мартына Рыля и штыками преградили дорогу. Конь захрапел, поднялся на дыбы. Ловкий наездник как будто прирос к седлу, выхватил саблю и замахнулся на Рыля. Мартын карабином отвел удар сабли. Будик, оказавшийся тут, как кошка, подскочил сзади, схватил всадника и стянул его в седла.

Вся баталия длилась несколько минут. Большая часть польских солдат была перебита, часть взята в плен, а тяжело раненых отправили в Ганусы. Они расскажут полякам об этом деле, и вина не ляжет всей тяжестью на деревню Ганусы.

XIX

В тот же день узнала Авгиня о событиях в Вепрах. Еще несколькими днями раньше прослышала она о том, что поляки забрали Мартына Рыля. Сердце у нее защемило, да кому было сказать об этом? Выходило как-то так, что она избегала говорить с людьми про Мартына, хотя часто думала о нем. Выкинуть из памяти Мартына или вспоминать о нем спокойно, как о человеке, который совсем отошел в прошлое, Авгиня не могла. Слишком глубоко пустила в сердце корни прежняя любовь. Изредка говорила с Василем о Мартыне, и разговоры эти бывали разные: иногда шутливые, а временами ей приходилось слышать упреки ревнивого Василя. Основанием для этого бывали встречи Авгини с Мартыном или неосторожно брошенный Авгиней взгляд на Мартына.

Когда Василь Бусыга возвращался от поветового комисса-

ра, где он увидел арестованного Мартына, Авгиня раздумывала, сходить ей в Вепры или нет. Ей хотелось узнать подробнее, за что арестовали Мартына и что ему угрожает.

Она нашла повод сходить в Вепры. Ей надо было занести своей матери шерсть, потому что самой Авгине управиться с пряжей трудно. В хате остался дед Куприян, отец Василя, и дети.

Одно обстоятельство больно кольнуло ее сердце: в Вепрах ходили упорные слухи, что арест Мартына—следствие доноса Василя Бусыги. Неужели Василь дошел до того, что пустился на такой способ мести? Авгиня чувствовала тут и свою вину. Еще с первой ночи закралось у Василя подозрение, что Авгиня не девушка, и весь его гнев и затаенная ненависть направились на Мартына. Эта ненависть поддерживалась в нем двусмысленными шутками и намеками то одного, то другого приятеля. А постоянным напоминанием об этом служил первый ребенок, Алеся, будто бы имевшая сходство с Мартыном. Василь ненавидел Алесю, хоть открыто и не выказывал этого. Когда же между Василем и Авгиней возникали нелады, Авгиня, на зло Василию, умышленно демонстрировала свою привязанность к Алесе.

Хотелось Авгине зайти к Еве, Мартыновой жене. Когда-то, девушками, они дружили. Но дружба их распалась, и не тогда, когда Мартын был холостым, а позже. Хотя конфликтов между ними и не было, но их разделяла грань отчуждения. Ева таила в сердце скрытую обиду против Авгини. Авгиня чувствовала свою вину перед Евой и не решалась зайти к ней. И как было заходить? Что сказать? Посочувствовать ей, что Василь подвел и так подвел Мартына? И какое имеет она, Авгиня, право беспокоиться о Мартыне? Сама же она выбрала Василя, позарилась на его богатство. Ну, так и наслаждайся своим Василем и своим богатством!

Невеселая вернулась Авгиня из Вепров, и не было с кем ей поговорить, развеять тяжелое настроение. И не выходила из головы мысль: неужели Василь дошел до того, что донес на Мартына? Василь еще не вернулся от пана Крулевского. Зачем он пошел туда?

Авгиня не вмешивалась в дела Василя, и Василь не очень охотно раскрывал перед ней свои карты. Он не лезет в ее мелкие женские дела и находит лишним советоваться с нею о своих планах и хозяйских расчетах. Теперь положение вещей создалось совершенно иное, и оно говорило со всей оче-

видностью о ненормальности таких взаимоотношений. И в ней пробуждался дух протеста.

Дед Куприян топал по двору, прибирая клуню, наводил порядок в хлевах. Алеся—ей было уже около девяти годков—сидела за прялкой, повязав темную головку довольно поношенным платком. Она приучалась прясть и пряла куделю хорошего сорта, неуверенно крутила веретено и слюнявила тонкие пальчики. Двое мальчишек играли в углу.

Авгиня вошла в хату.

— Прядешь, доченька?—ласково обратилась она к Алесе.

Алеся улыбнулась матери—она уже в хате не даром ест отцовский хлеб—и настороженными детскими глазами, ясными и чистыми, как глубокий родник, поглядела в глаза матери. От ее взгляда не скрылась затаенная грусть матери, но она ничего не сказала.

Первый раз за годы замужества посмотрела Авгиня критическим взглядом на хату своего мужа. Хата была просторная и построена из отборного материала. Значительную часть хаты занимала широкая приземистая печь с углублениями, печурками, выступами, карнизами и целыми нишами по бокам, где хранились различные вещи домашнего обихода. От самой печи до противоположной стены раскинулись широкие нары, такие широкие, что на них можно ложиться поперек. В головах, горой, высились подушки, сложенные на день суконные одеяла в клетку и простыни домашней работы. Около печи, выше нар, выступали довольно широкие полати, где обосновался дед Куприян. Над передним краем нар под потолком был прикреплен аккуратно сделанный шест, увешанный разной одеждой: новыми полушубками, черными—покупными, желтыми—из своих овчин, халатами, свитками. Свисая с жерди, одежда прикрывала полати и отгораживала их от хаты. Рядом с полатями у стены стоял основательный сундук с горбатой крышкой, окованный листовым железом. В сундуке хранились еще Авгинино приданое и добро, нажитое за время замужества: полотна, скатерти, полотенца, платки, пояса, кофты и юбки.

Этот сундук особенно любила Алеся. Бывало, останутся они с матерью в хате, откроют сундук и начнут пересматривать интересные вещи: перстеньки, что хранились в особом ящичке внутри сундука, дорогие платки с яркими блестящими, как огонь, цветками, с длинной бахромой, разноцветные ленты. Для Алеси собирала мать и хранила это добро,—

Авгинина мать не наготовила своей дочери столько добра, но кое-что принесла она в дом своего мужа. В хате, в клети, в клуне и в хлевах добра была много, оно росло и множилось, но сейчас не только не радовало Авгиню, а как бы укоряло.

Но работа в хате не ждала. По привычке Авгиня взялась за нее. Нужно было приготовить корм свиньям на ночь, спечь хлеб на завтра, принести воды, дров положить в печь и приготовить ужин. Авгиня переоделась в домашнюю рабочую одежду.

— Бросай, дочушка, прялку. Принеси квашню из клети, пускай нагреется в хате,—обратилась она к Алесе.

Алеся помогала матери. Авгиня хотела отдать ее в школу, но Василь не поддержал: Алеся и в эту зиму осталась дома. Теперь Авгиня твердо решила учить Алесю на другую зиму. Сама она была неграмотная. События последнего времени поколебали ее взгляд на постоянство известной системы жизни. Давно ли Василь и она сама дрожали за свое хозяйство, за свое добро? Был царь, его сбросили. Была одна революция и новое начальство. Все это опять изменилось. Были большевики. Началась новая война. Пришли поляки. Но война с ними не кончилась, а что будет дальше—неизвестно. Сегодня Авгиня была настроена так, что она ничего не имела бы против того, чтобы большевики вернулись. Все же свои люди, а не поляки, которые сразу же начали с арестов.

Уже под вечер вернулся Василь Бусыга. Важности в нем теперь еще больше, чем утром. Переступив порог, отряхнув снег с сапог, окинул глазами хату—все ли в ней на месте и в порядке. Тогда снял шапку, глянул на образа, будто благодаря святых за счастливый день, и потом, важно надув щеки,—это означало, что он слегка устал,—начал раздеваться.

Василь думал, с чего начать разговор. Бросив искоса взгляд на Авгиню, он немного смутился: Авгиня уклонялась от его взглядов. Было видно, что она чем-то озабочена и недовольна. Этого обстоятельства Василь не учел, и программа разговора, составленная по дороге, таким образом, нарушалась.

— Ну, что у тебя слышно?—спросил Василь.

— Ничего,—довольно сухо отозвалась Авгиня.

— Лучше ничего, чем плохое,—деловито отметил Василь.

Он еще больше убедился, что Авгиня чем-то недовольна и

что он является причиной этого недовольства. В чем же его вина?

— Ну, Авгиня, можешь поздравить меня: я—войт!

— А кто это войт, и кто назначил тебя войтом.

Враждебность послышалась в голосе Авгини.

Такая манера спрашивать по меньшей мере свидетельствовала о неуважении к особе войта, а во-вторых, походила на допрос. Не понравилось это Василю.

— Какая муха укусила тебя сегодня?

— Надо с людьми ладить, а не с панами.

Авгиня на что-то намекала.

Василь вскипел.

— С какими это людьми? Что ты учишь меня?

Алеся со страхом взглянула на мать. Очень боялась она Василя, особенно, когда впадал он в гнев. Почувствовала приближение бури и Авгиня. Ссориться она не любила, но сдавать позиции не хотела. Она только мягче сказала:

— Паны твои в воздухе болтаются. Они так же быстро могут покатиться назад, как и прикатились. А с людьми тебе жить надо. Послушал бы, что люди говорят.

— Люди? Талаш да Рыль?.. Этих людей гуртом гоняют, как скот, да в тюрьму сажают!.. Воли захотели? Какой воли? Безобразия! Грабительства! Только позатыкают им ненасытные глотки, лентяям, голодранцам, как старому разбойнику Талашу!

— А ты будешь на панов стараться да людей топить?—не стерпела Авгиня.

Злобно поглядел на нее Василь.

— Не на панов, а на тебя, куриная твоя голова! На себя буду стараться, на детей, на настоящих хозяев... «Людей»! Разбойников, а не людей!

XX

Не было по глухим закуткам Полесья ни газет, ни телеграфа, ни телефонов. Но известия все же доходили в глухие полесские деревни. От человека к человеку, от села к селу шли они тысячами дорог и тропок. И воспринимались эти вести по-разному: одних они радовали и обнадеживали, других смущали и тревожили. По-разному воспринимали их Василь Бусыга и Авгиня.

Услышав о разоружении польского конвоя, Авгиня пове-

селела: в ее сердце зародилась надежда, что среди бежавших был и Мартын Рыль. Василь Бусыга ходил хмурый: в его сердце закралась тревога—не на свободе ли теперь Мартын? Беспокоило его также и то, что дед Талаш скрывается по лесам. Панаса забрали как заложника. Но дед Талаш не торопится. Или он не знает об аресте Панаса, или что-то таит на уме. Василю как войту необходимо было об этом подумать и что-то предпринять. Невредно и посоветоваться со своими единомышленниками.

Авгиня потихоньку от Василя зашла к бабке Насте после того, как забрали Панаса. Это было как раз в тот день, когда Талаш ночевал тут с Мартыном. Бабка Наста сидела на дубовой колодке у печи, погрузившись в свои тоскливые думы. В хате кроме нее никого не было. Максим и Алена, жена его—она только сегодня вернулась от родителей,—пилили дрова. Они недавно поженились, и детей у них еще не было.

Зачем пришла сюда Авгиня?

Она пришла с неясной надеждой услышать что-нибудь о том, что занимало ее мысли. Ей хотелось знать, чем живут, что думают эти люди, к которым так враждебно относится Василь и люди его круга. Авгиня не была уверена в том, что положение вещей, которое случайно создалось в результате бурного хода событий, укрепится. Она стояла в промежутке между богатыми и беднотой.

Бабка Наста очень удивилась, когда Авгиня вошла в хату.

— День добрый вам, бабка!—приветливо и весело поздоровалась Авгиня.

— Садись, Авгинька.

Бабка Наста подвинулась и даже хотела уступить Авгине свою колодку.

— Ничего, бабка, я на минутку забежала к вам. Присяду и тут.

Авгиня присела на нары.

— Пришла я к вам, бабка,—Авгиня сразу приступила к делу, чтобы показать, что она действительно забежала на минуту,—не возьметесь ли вы спрясть мне немного кудели? Самой управиться трудно.

Куделя тут была только зацепкой.

Бабка Наста вздохнула.

— Что ж, можно попрясть. Работы в хате нет особой. Ну, и Алена вернулась от своих, ей нечего делать. Вечера длинные, да и день тянется, когда работы нет. Сидишь вот и ду-

маешь... А тут еще керосин вышел, зажечь нечего, и где достать его—лихо его знает.

Бабка Наста говорила долго. Авгиня внимательно слушала, кивала головой в знак согласия и глядела на бабку ласковыми выразительными глазами. И ей тоже хотелось говорить.

— У меня керосину немного есть в запасе, я вам пришлю с Алесей. А о плате мы сойдемся. Я куделей заплатила бы вам, а то салом.

— Да там договоримся, Авгинька.

— А что слышно у вас?—осторожно, вкрадчиво спросила Авгиня.

— Ох, родная ты моя,—тяжело вздохнула бабка Наста,—такое горе! Такое лихо навалилось на нас!

Начала бабка длинную повесть про беды свои. Рассказала и о том, как приходил старый Талаш с Мартыном Рылем.

— С Мартыном?!—вырвалось у Авгини.

— Ах, родненькие вы мои,—всплеснула руками бабка Наста,—на что ж я рассказала про это? Милая ты моя Авгиня, не говори ты никому про это! Не говори, что они приходили.

— Не бойтесь, бабка, меня: детьми поклянусь, что никому не скажу.

— Не говори, родная моя! Ты же—войтова жена. Ну, а от войта нам добра не ждать.

За бабкину откровенность и искренность не могла не удержаться Авгиня, чтобы не ответить тем же.

— Ой, бабонька Наста, это его войтовство поперек горла мне стоит. Поссорились из-за него. Кто тебя, говорю, войтом поставил? На что тебе, говорю, с панами знаться? Тебе с людьми, говорю, жить приходится, и ладить с ними надо. Не понравилось. С какими, говорит, людьми? С Талашем? С Мартыном?.. Вы его берегитесь, бабка: негодный он, злой он человек. Я вас вот предупреждаю. В Вепрах говорят, что это он Мартына выдал... Только вы, бабка, никому, никому не говорите, что это я вам рассказала.

Авгиня, как и бабка Наста, испугалась, что лишнего наговорила.

Василь зашел к своему приятелю, Кондрату Бирке. Бирка—крепкий хозяин, скупой и прижимистый. Рыжая, как огонь, борода и такие же волосы, маленькие хитрые глазки свидетельствовали о жестокости и хищности его натуры. Подошел

еще и Сымон Бруй, осанистый мужик, рассудительный и хладнокровный. Они—близкие приятели и самые богатые в деревне. Кондрат и Сымон более живо откликнулись на Василево сообщение о том, что он—войт. Это в значительной степени подняло настроение Василя. Ему необходимы были поддержка и сочувствие, чего не нашел он у Авгини. А когда Кондрат и Сымон познакомились с войтовыми обязанностями, то их удовлетворение по поводу назначения Василя войтом проявилась с еще большей силой.

Бруй торжественно заявил новоиспеченному войту:

— С тебя, брат, могарыч следует,—на что Василь охотно согласился.

Он даже подмигнул своим приятелям и признался, что у него есть польский спирт с красивым названием: «Золотой колос», и пригласил их вечером к себе. А уж после этого начались разговоры, соответствующие войтову достоинству.

— Так значит—войт?

— Войт!—важно подтвердил Бусыга.

— Раз войт, так надо и за порядком проследить,—присоединился Бруй,—а то уж на наши головы подымалась дубинка, чесались руки «товарищей».

Вот тут вдруг рассердился Кондрат.

— А как ты досмотришь, когда, между нами говоря, польские солдаты—бабы? Ну, как это можно допустить, чтобы эти самые «товарищи» с голыми руками обезоружили конвой? Смех один! Вот ты их теперь поймай, попробуй!

— А вот придет весна, тогда, брат, простору им больше будет. Разленились. Давай им все: и земли, и хозяйство. А оно тебе, хозяйство, само пришло в руки?

Выслушав приятелей, слово взял сам войт. Он успокоил их. Страшного ничего в том нет, что конвой обезоружили. Такие случаи бывали и бывают, и свет от них еще не перевернулся. Но им что-то надо делать, а не ждать, пока делить придут.

— Что ж нам в партизаны, что ли, итти?—спросил Кондрат.

Рассудительный Бруй на лету подхватил мысль:

— А ты говоришь правду. Невредно нам своих партизан иметь.

— А ты, Сымон, верно говоришь: надо было бы найти человека, да подослать к ним, будто их единомышленника,—ухватился войт за эту мысль.

Приятели нашли способ. Всем понравилась такая комбина-

ция, и они начали подыскивать человека. Называли кандидатов. А в кандидатах никогда недостатка не бывает на свете. Нашелся подходящий человек и у наших приятелей. Бруй назвал кандидата, а приятели дружно поддержали его. Кандидатом оказался Савка Мильгун.

Прежде всего Савка Мильгун человек с размахом, широкая натура и лентяй. Хозяйством он не занимался, гулял, выпивал, понемногу крал и приставал к разным темным людям. Его можно было уговорить на какое угодно дело. Комбинация трех приятелей заключалась в том, чтобы подбить Савку за соответствующее вознаграждение связаться с беглецами, восставшими против богатеев, и давать о них информацию.

Вепровские события сильно взволновали село. Но эту весть воспринимали по-разному. Василь Бусыга почувствовал удовлетворение. То обстоятельство, что поляки сожгли Мартынову хату, говорило за то, что они ищут Мартына и всю компанию. В то же время на него повеяло беспокойством: кто-то такой тот неизвестный, который застрелил польского солдата и ранил другого? И его не поймали. Может, это Талаш? А может, Мартын?

Когда услышала об этом Авгиня, она сильно встревожилась. Почему сожгли Мартынову хату? Куда же денется его семья? За что убили Кондрата Буса, того Кондрата, с которым она когда-то дружила, который любил ее?.. Ей припомнилось, как шла она с Мартыном с Припяти, как встретился ей Кондрат Бус и они пошли с ним рука-об-руку. Мартын рассердился на нее и не пришел к ней... Теперь все это всплыло в ее памяти, и она осудила свой легкомысленный поступок. Весть о смерти Кондрата и о поджоге хаты Мартына произвела тяжелое впечатление на Авгиню. Ее утешала только мысль о том, что кто-то неизвестный отомстил за Кондрата и его не поймали. Кто он? Может, Мартын с дедом Талашем? И это похоже было на правду: они сегодня были здесь.

Первым пришел к войту Кондрат Бирка. В хате были только Авгиня и дети. Авгиня стояла около печи. Кондрат поздоровался и остановился около Авгини. Он никогда не пропускал случая, чтобы не затронуть ее.

— Ох, холодно, Авгинька! Нельзя ли около тебя погреться?—сказал он, приблизился своей рыжей мордой к лицу Авгини и обнял ее одной рукой.

Авгиня резко повернулась и освободилась от его руки, но потом ласково взглянула ему в глаза. Взглянула так, как умела глядеть только она.

— Смотри, какой вояка: на бабу напал! Ты бы в лес пошел да повоевал.

Маленькие Кондратовы глазки замаслились.

— И совсем не нападаю: притронуться к себе считаю за счастье. Эх,—изменил он резко тон,—ну, если бы ты не была войтовой женой! Войта мне жалко. А воевать я не пойду: мы за себя вояку поставим...

И рассказал Авгине про комбинацию с Савкой. Такой красивой женщине, ну, хоть хорошей новостью угодить. Рассказав, самодовольно захихикал.

XXI

Не только в Виркутьи, но и во многих поместьях оккупированного Полесья устраивали паны пышные банкеты польскому офицерству. Польское шляхетство переживало медовый месяц восстановления своей государственности, поворот к осуществлению взлелеянных веками надежд. И те паны, которые вернулись в свои имения, чувствовали себя на седьмом небе.

Следом за польской армией хлынула целая волна крупной и мелкой шляхты, которая была изгнана революцией из своих гнезд, хлынули представители религиозного культа и целая свора других дармоедов и паразитов. И всей этой массе узаконенных мародеров нужно было найти место и распределить роли.

На этот раз организовать банкет взялся поветовый комиссар, пан Крулевский. Банкету придавалось особое значение.

Поместье пана Длугошица—одно из самых пышных в повете. Это—гнездо старого польского рода. На протяжении веков переходило оно от отца к старшему сыну, переходило как веками узаконенное, ненарушимое наследство. И только при последнем владельце, при пане Льве Длугошице, поколебалось это наследство под дыханием великой революции. Пан Длугошиц принужден был покинуть свое поместье. Теперь он вернулся в родовое гнездо.

Довольно было беглого взгляда на усадьбу, чтобы сразу увидеть, что это—старинная резиденция родовитой польской

семьи. Тополя и липы пышным венком окружали дом. На возвышенности, окруженной густым садом с широкими аллеями, ровными дорожками, стоял каменный белый замок, высоко подняв над садом четырехгранную башню, украшенную орнаментами. В самом дворце, в его многочисленных покоях, в просторных залах, где можно было разместить сотни людей, собрано насметное богатство и роскошь. Многое из этого богатства пропало за время революциии, и пан Длугошиц поставил на ноги целый штат слуг, чтобы найти пропавшее добро.

...Засияли яркими огнями окна дворца пана Длугошица, всматриваясь в темные закутки двора, в понурые леса и болота притаившегося в тревожном молчании Полесья. Вечером, когда на леса и болота густо надвинулась тьма, начали съезжаться гости. Как обычно, первыми явились менее значительные особы, собственники мелких фольварков, арендаторы имений со своими женами и дочерьми. Все, что было лучшего для выезда на такое торжество, надевала шляхта на себя и на своих коней. Слуги сбились с ног, принимая гостей и убирая их повозки.

Пан Длугошиц, встречая нового гостя, кланялся, приветливо пожимал руку, бросал ту или иную фразу соответственно случаю или особе гостя.

Значительную часть гостей составляли военные. Был тут и полковник, пан Дембицкий. Среди военной и гражданской публики мелькали также и фигуры ксендзов в длинных сутанах. Ввиду важности и торжественности политического момента святые отцы позволили себе некоторую вольность, явившись на банкет. Также отступали они от правил ксендзовского устава в отношении женщин, показывая себя более кавалерами, чем служителями пана бога. Правда, паненки и молодые дамы охотнее льнули к военным. Зато слегка поблекшие под влиянием времени дамы увивались около ксендзов.

Гости все разбились на группы. В каждой группе были свои специфические интересы и темы для разговоров.

Гремел военный оркестр. Бурные польские танцы сменялись одни другими. Паненки и молодые дамы старались превзойти одна другую красотой, грациозностью движений, чарами улыбок. Кавалеры лезли из кожи, чтобы привлечь к себе внимание и затмить конкурентов.

Около полковника сгруппировалась целая толпа гостей.

Тут и пан Длугошиц, человек средних лет. Вся его наружность указывает на аристократичность его рода. Он солиден и спокоен, во всем сохраняет меру и чувство собственного достоинства. Ксендзы Ксаверий Пацейковский и Ян Голонзевский—также люди уважаемые, дипломаты, хитрые политики и завзятые патриоты—больше думают и заботятся о делах людских, чем об интересах божьих. Тут же сидят и поветовый комиссар—пан Крулевский, адвокат—пан Ладунский и несколько мелких панков, которые еще не успели получить своих поместий.

Сначала разговор вращался вокруг военных тем. В центре внимания—полковник, пан Дембицкий. Его слушают с напряженным вниманием. Полковник описывает разные операции на войне с большевиками, в которых ему приходилось непосредственно участвовать. Бывали критические моменты, и только вмешательство пана Дембицкого, его необычайно смелые и, можно сказать, гениальные маневры спасали положение. Во время рассказа пан Дембицкий рисует на столе пальцем, показывая позиции красных, их продвижение вперед и те места, откуда он посылает свои резервы.

— А как пан полковник смотрит на дальнейший ход военных действий?—спрашивает пан Длугошиц, важно склоняясь на руку гладко выбритым подбородком. На его лице, как и на лицах других слушателей, блуждает приятная улыбка.

— Отбросим до Смоленска,—гордо утверждает полковник и доказывает это десятком разных соображений.

Прежде всего Польша—это нетронутая молодость, в ней скрываются великие возможности. Теперь же она—живой порыв, энтузиазм. Поляки—самый воинственный, самый способный в военном деле народ. Ян Собесский, Стефан Баторий, Костюшка, маршал Пилсудский—разве мало говорят эти имена? Сила Польши—ее демократизм, какого не знает ни один народ!..

Сам пан Дембицкий и его слушатели взглянули при этом на субъекта, который сидел в их компании, но совсем не подходил к ним. Он слушал разговоры панов, но своих взглядов не высказывал. И обликом, и всей своей фигурой, манерами держаться, и даже складом своих мыслей человек этот выделялся в панском обществе. Среднего роста, широкий и приземистый, он всем своим видом свидетельствовал о демократичности своего происхождения. Вдумчивые серые глаза его смотрели куда-то внутрь.

На вид ему было лет тридцать. Его фамилия—Галинич. Выразительные взгляды, бросаемые панами на Галинича, принуждали его так или иначе откликнуться на слова пана полковника о польском демократизме.

— Мы, белоруссы, хорошо учитываем, господа, демократичность польского народа,—отозвался Галинич,—и не только учитываем, но и высоко ценим ее. Вот почему мы и связали судьбу белорусского народа с судьбой великой польской нации, ибо и в прошлом их судьба была одинаковой. Не на азиатскую большевистскую Москву, а на демократическую европейскую Варшаву ориентируемся мы!

— Конечно,—подтвердил ксендз Голонзевский.

Длугошицу, Дембицкому и другим панам не очень-то понравилось, что Галинич ставил на одну плоскость польский народ с белорусским. Такое соседство двух народов за столом жизни—особая честь, но как хитрые политики, они об этом ничего не сказали и только кивнули головами.

Но паны не были все же вполне спокойны. Некоторая доля беспокойства звучала и в вопросе пана Крулевского:

— Але, пся крев, хлопы незаспокойны. Цо те бэнде?

Пан Дембицкий слегка нахмурился.

— А то, пане, глупства!—презрительно бросает он.

Неприятно было вообще в такой торжественный момент говорить про «хлопов», тем более неприятно, что «хлопы», скрывались по лесам. Это обстоятельство невольно напоминало панам их собственное скитание во время мятежа, когда они сами утекали «до лясу».

— То не ест глупство, пане полковнику,—осторожно возражает пану Дембицкому адвокат Ладунский.—Я боюсь, что недооценка силы холопского движения может доставить немало неприятных неожиданностей. Крестьянские восстания—это ответвление того же большевизма, того же самого темного начала, которое заложено в натуре человека и особенно в натуре низов. Под знаменем большевизма и под непосредственным руководством большевиков идут восстания холопов, и в этом их опасность. В чем сила большевизма? В его лозунгах и призывах к разрушению. Большевики прекрасно знают натуру голытьбы и апеллируют к ее темным инстинктам.

— А!—отозвался один из помещиков.—Пан Ладунский напуган большевиками, и он считает их за великую силу!

А музыка все гремела. Веселилась шляхетская молодежь.

И когда натанцовались и наговорились, гости сели за стол. Шумный, пышный был банкет в замке пана Длугошица под охраной батальона польских солдат. Произносили патриотические тосты. Кричали «виват» польскому государству, маршалу Пилсудскому, польскому войску в лице генералов и пана Дембицкого, хозяевам, духовенству, красивейшим польским женщинам.

XXII

Договариваться о деле с Савкой Мильгуном взялся рассудительный Бруй. Он выбрал подходящее время и под вечер направился в Савкин двор. Бруй вошел в хату и остановился у порога: в хате никого не было. Повернулся и хотел уже итти обратно, когда с печи послышался голос:

— Кто там?

— Это ты там, Савка?—спросил Бруй.

— Я,—спокойно отозвался Савка.

— Здорово, Савка! Что ты поделываешь там?

— А вот лежу себе и думаю.

— Ну, что ж! И это дело, когда нет ничего лучшего... О чем же ты думаешь?

Бруй подошел ближе к Савке. Савка хотел было встать, но передумал и решил ответить гостю лежа.

— Думаю, чем заняться, а что делать—так и не придумаю.

При этом Савка подумал: «Интересно, зачем ты пришел?»

— Голова ты, голова! Работы себе не найдешь! Да ты не любишь работы.

— Ну, как я-то не люблю? Смотря какая работа.

— Смешно говорить, чтобы человек себе работы не нашел.

«Не пришел ли ты звать меня к себе на какую работу?—подумал Савка.—Нет, брат, дудки, к тебе работать не пойду!»

— Лентяй ты, Савка, вот что я тебе скажу. В такое время—да чтобы не найти чем заняться!

— Ну, так скажи, чем?

Савка сделал решительное усилие и сел. Он понял: Бруй имеет сказать что-то такое, что стоит послушать сидя.

— Вот что мне скажи,—к какой партии принадлежишь ты?

— К какой партии?—почесал затылок Савка.

— А так, за кого ты стоишь?

— Я ? Ни за кого. Сам за себя стою.

— Вот это и плохо. Раз ты ни за кого не стоишь, так и за себя не стоишь... Ты погляди, как ты живешь: холодно, темно, пусто.

— Но это не всегда так бывает,—возразил Савка.—Когда пусто, а когда и густо.

— Слушай, Савка, есть одно дело—берись за него. Не пожалеешь. Будет густо.

— Скажи, что?

— А вот что: сделайся партизаном.

Савка помолчал, а потом отрезал:

— Не хочу!

— Ты же не знаешь, в чем тут соль.

— Соль хороша, когда есть что солить,—заявил Савка. «Загибаешь, брат, ты какую-то штучку! Чую—сальцем помахивает»,—думает про себя Савка.

Бруй обиделся.

— Коль ты не хочешь даже поинтересоваться, в чем дело, так нам и говорить не о чем.

И он умолк. Не подавал голоса и Савка. Он соображал так: «Пойдет за двери, тогда верну его». Но Бруй за двери не пошел.

— Что это у тебя огня-то нет?—спросил он.

— Дети у соседа играют, жена к матери пошла, а я, пока не надумал, что делать, не нуждаюсь в огне.

— Туго же ты думаешь!

— Всякие думы бывают.

— Так ты партизаном быть не хочешь?

— Говори просто, не хитри и за меня не горюй, пане Бруй.

— Ну, так вот, слушай. Ты—человек, на которого обиды мы не имеем. Чем ты занимался, мы не знаем. Делить ты нас не собирался. А были товарищи, которые на наше добро протягивали руки и рты разевали. Теперь они по лесам скитаются да в шайки собираются. А из этого добра не будет. Порядок же должен быть, и ухо надо держать востро. Вот бы ты и взялся за ними проследить. А для этого тебе и надо партизаном прикинуться. Тебе они поверят, а воевать тебе необязательно. Ты только узнай, где они прячутся и что они думают делать, и предупреди нас через войта Василия Бусыгу. Вот и вся твоя работа. А плата будет тебе неплохая: хлеб будет, копейка будет, и ни в чем недостатка не будет.

Савка оценил роль, на которую подбивал его Бруй, со всеми ее выгодами и сомнительными сторонами. Он сразу почувствовал твердую почву. В хате было темно, и Бруй не

мог проследить за выражением Савкиного лица. Он терпеливо ждал.

«Не погорячился ли я?»—раздумывал Бруй и с тревогой ждал ответа.

— Что вы дадите мне за это?—наконец спросил Савка.

У Бруя камень с плеч свалился.

— О плате мы договоримся легко, не обидим.

Окончание торга решили отметить выпивкой. Бруй позвал Савку к рыжебородому Бирке, как это было у них заранее условлено. Туда же должен был пойти и Василь Бусыга.

Сошлись у Бирки.

Пили самогон, ели шкварки. Тут же сообща определили круг Савкиных обязанностей и условились о плане.

Подозрительным взглядом окинула Авгиня Василя, когда за ним прислали от Бирки и он вышел из хаты. С того дня, когда Авгиня так неприветливо приняла сообщение о том, что он—войт, они почти не говорили. Правда, Авгиня готова была пойти на соглашение—у нее были на это свои соображения; она первая сделала шаги в этом направлении, но Василь закуражился и остался глух. Говорил он с нею скупо, и то только в официальных случаях, когда дело касалось хозяйственных интересов. Заупрямилась тогда и Авгиня: теперь она имела на это право, как оскорбленная и обиженная женщина. Про себя она даже радовалась; она была немного артисткой и ловко вела свою роль обиженной жены.

«Куда же он пошел? Зачем?»—думала Авгиня. Ее словно что-то кольнуло: «Тут дело идет о заговоре». Она вспомнила разговоры рыжебородого Кондрата Бирки о партизанах. Все это ее интересовало и беспокоило. Ей вдруг стало страшно неопределенности, в которую она попала. Устраниться от всего она уже не могла. Ей нужно знать, что делается вокруг, а не ходить слепой. Ей надо наконец на что-то решиться, итти по определенной дороге.

Авгиня надела полушубок, накинула на голову теплый платок и вышла на двор. Остановилась у калитки. Густая ночь уже заткала тьмою хаты и дворы. Тускло и несмело светились окна. По улице изредка проходили одинокие человеческие фигуры. Авгиня минуту постояла, а потом решительно направилась к хате Кондрата Бирки. Хотелось проверить свою догадку.

Хата Бирки стояла неподалеку, на другой стороне улицы. Оглянувшись, Авгиня осторожно шмыгнула во двор и стала

за углом, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза. Прислушавшись, она высунула голову в полосу света, которая шла от окна. По хате двигались тени, доносился приглушенный говор. Разглядеть, что делается в хате, было трудно. Авгиня нагнулась, зашла с другой стороны и снова взглянула в окно. Сквозь чистый, не затканный морозом кусочек стекла она разглядела мужчин, которые сидели у стола и выпивали. Две фигуры больше всего привлекли внимание Авгини: Василь и худощавый черномазый Савка Мильгун. У Авгини никаких сомнений теперь не оставалось. От Савки можно ожидать всего. Чувства страха и обиды поднялись в Авгинином сердце. Оставаться тут дольше было незачем. Так же тихо вышла она на улицу и вернулась домой. Тут только улеглось ее волнение, и сердце стало биться ровно.

Дед Куприян уже дремал на своих полатях. Не сочувствовал дед всей этой суматохе и бестолковщине и ничего не понимал. У него было твердое убеждение в том, что вся беда пошла оттого, что нет царя.

Младшие Авгинины дети, два мальчика, спали беззаботным сном счастливого детства. Не спали только Авгиня да Алеся. Они пряли и тихонько разговаривали. Алеся детским инстинктом угадывала отцовскую неприязнь, и это угнетало и страшило ее. А в последние дни страх и беспокойство стали еще более острыми, особенно, когда отцовское недовольство направлялось и на мать. Она терялась в догадках, почему это так, но не могла понять причины поведения отца. То, что говорили в хате старшие, порождало в ее сердце неясные, страшные мысли о людской жестокости и несправедливости.

XXIII

Невысокий худощавый человек идет по лесу ровным шагом. Лес, укутав белою мантией свои плечи, застыл в торжественной тиши.

И этот невысокий худощавый человек, по виду—горожанин, кажется, поддался чарам лесного покоя и тишины. По временам он оглядывает лес своими серыми холодными глазами.

Стоит развесистый дуб. Широко раскинулись могучие ветви его, вершина суть наклонилась в ту сторону, где светит солнце. Через сучья просовывает свою круглую голову стройная осинка. С другой стороны высокая тонкая елка протягивает

сквозь дубовые ветви свои зеленые колючие лапы. Там, где ветви встречаются, кора на них истерлась. Теперь они застыли неподвижно, но когда ветер проносится над лесом, они начинают глухо скрипеть.

Невысокий худощавый человек настороженным взглядом ловит все эти подробности. В мыслях у него встает вопрос: что это—борьба за жизнь или союз и дружба? Невысокий худощавый человек вообще не верит ни этой тишине, ни этому лесному спокойствию: это только обманчивая видимость. На широких просторах земли бурлит водоворот борьбы, жестокой, беспощадной, но не бессмысленной и хаотической, а подчиненной определенному закону. В буре этой борьбы невысокий худощавый человек чувствует рождение новой эпохи. Вот почему он так уверенно двигается в этом водоровоте. Это—товарищ Невидный, так поразивший деда Талаша. У Невидного за пазухой довольно объемистый пакет. В пакете—воззвания к крестьянству оккупированного Полесья, инструкции для подпольных большевистских организаций. В этом пакете есть много материалов, написанных рукою классового врага. Тут же лежит и обращение оккупационных властей к помещикам, чтобы они возвращались и занимали свои «законные» поместья, а крестьяне чтобы возвращали им имущество, которое они забрали во время революции и власти советов. Невидный аккуратно собирает все эти материалы: на этих материалах он ведет агитацию против оккупантов. Рискуя своей головой, переходит он с места на место, организует новые ячейки, поддерживает, помогает уже организованным. Теперь он идет в деревню Поставы. Это второй его поход в эти места. Был он там с месяц назад, когда деревня Поставы была еще в руках красных. Были у него там связи и знакомства. Невидного интересует, что сталось с ячейкой, которую организовал он в Поставах.

Прежде чем войти в деревню, он остановился в кустах близ замерзшей речки и стал приглядываться и слушать. В деревне было тихо и безлюдно. Невидный стоял и терпеливо ожидал удобного момента, чтобы выйти из своей засады. Но такой момент не представлялся.

И вдруг где-то в стороне, на реке, послышались детские голоса. За гущей оголенных кустов возились ребята. Было их пятеро. Они катались—кто на деревянных чурках, приладив их к лаптям, а кто просто с разгона на ногах, обутых в лапти. Одеты они были в старые, заплатанные суконные

халатики, подпоясанные домотканными цветными поясами. На ногах смешно болтались посконные штанишки. Из-под распахнутых халатиков виднелась голая грудь. Шапки на них были самые разнообразные, непомерно большие, зимние и летние. Но ребятам было весело. Они громко разговаривали, переругивались и хохотали.

Невидный почувствовал радость, когда до него донеслось это щебетанье детских голосов. Чтобы не испугать их, он осторожно вышел из кустов и потихоньку двинулся в их сторону, беспечно насвистывая веселую песенку. Ребята насторожились и смолкли.

— Играйте, хлопцы, играйте, не бойтесь.

— Мы не боимся,—храбро ответил один из них.

Невидный подошел ближе. Ребята все же не совсем доверяли ему и глядели настороженно, приостановив свою игру.

— А чего же вы, хлопцы, в школу не ходите, а катаетесь?

— Учителя нет,—дружно ответили ребята.

— А где же учитель?

— Поляки забрали.

— Арестовали?—Невидный опешил. Весть эта его сильно поразила.—А когда его арестовали?

— Вчера.

Наступило короткое молчание. То обстоятельство, что незнакомец интересуется их учителем, вызвало доверие детей к нему.

— А скажите,—нарушил он молчание,—Ничипор Борейка дома или нет?

Голоса ребят разделились. Одни говорили—дома, другие—нет. Они совсем освоились с Невидным, говорили все вместе, но в более трудных случаях, когда ответ на вопрос должен быть осторожным и дипломатичным, отвечал старший из них, Микитка Гулик. Он сейчас же распорядился послать в деревню Михалку Крупика справиться, дома ли Ничипор. Чтобы прекратить споры, вмешался и Невидный.

— Если он дома, так скажи—пусть подойдет сюда. Его, скажи, хочет повидать Невидный.

Михалка хотел было убежать, но Невидный задержал его.

— Погоди немного. А поляки есть в деревне?—спросил он.

— Теперь нет,—ответил Михалка,—только они стоят тут, близко.

— Так ты, браток, передай Ничипору тихонько, чтобы никто не слышал.

Михалка побежал. Невидный стал разговаривать с детьми.

— Ну, как? Хорошо вам жить при поляках?

Ребята потупили глаза. Видно, они все же не смели говорить то, что думали: страшно ошибиться. Наконец Микитка сказал:

— Нет, нехорошо.

— Почему же?

— Да вот, забрали нашего учителя... Хлеб, скотину отбирают. А если кто начнет спорить, того бьют.

— А как вы думаете, за что забрали вашего учителя?

— Говорят—за то, что большевиком был,—отозвался Микитка.

— А как же могли узнать поляки, что он большевик?

— Мартын Крук его выдал,—решительно заявил Микитка.

— А кто такой Мартын Крук?

— Человек один тут. У него большевики забрали коня, так он со злости и топит всех большевиков,—объяснял Микитка.

— А откуда ты знаешь, что его выдал Крук?

— Все так говорят!

Разговор прервался: бежал Михалка. Всем было интересно знать, с чем он вернется. А Михалка еще издалека возвестил, что Ничипор дома и сейчас идет сюда сам. И действительно, через несколько минут пришел Ничипор, понурый и встревоженный.

Рыжеватые брови его срослись на носу. На вид Ничипору можно было дать лет двадцать с небольшим.

Лицо его немного посветлело, когда он подошел к Невидному.

Невидный поглядел в глаза Ничипору.

— Что, брат, невесел?

— Не до веселья,—с виноватой улыбкой сказал Ничипор.

— Секретарь арестован?

— Арестован, товарищ Невидный,—понуро ответил Ничипор.

— Какую же работу провели вы тут?

— Созывал собрание. Агитировали против белополяков, выступали за советы.

— И какие результаты?

— Да уж набрали человек двенадцать. А вот теперь работа притихла: полиция начала сильно наседать. Шпионы. А тут и учителя забрали... Настроение понизилось.

— А боевую дружину имеете?

Ничипор замялся.

— Разбежались хлопцы.

— Ни черта вы не сделали! И грош цена такой работе!

Тихий и ласковый с виду Невидный заговорил твердо и жестко.

— Как же это вы не нашли людей, способных взять в руки оружие? На вас наседает полиция. Дети открыто говорят про доносчика Мартына Крука. А что вы с ним сделали?

— А что с ним сделалешь?—спросил Ничипор.

Невидный поглядел на него холодными глазами.

— В расход его вывести!—твердо сказал он.—Или вы надеетесь, что полиция сама попросит вас на работу и скажет: «Пожалуйста, агитируйте против нас»? Бабы вы! Старые деды сами, своим умом доходят до мысли, что нужна вооруженная борьба против оккупантов. Сами собирают людей, оружие достают и становятся во главе партизан. А вы испугались полиции, притаились, как мыши под метлой... Созвать сегодня же собрание!

Но Ничипора беспокоила одна мысль, и не сказать про нее Невидному нельзя было.

— Хуже всего вот что, товарищ Невидный: на обыске во время ареста нашего секретаря забрали документ—список членов замостьинской подпольной организации.

Еще холоднее взглянул Невидный на Ничипора.

— Сами работы не ведете, да еще других подводите... Дали знать об этом в Замостье?

Ничипор молчал, виновато понурясь.

— Известить! Во что бы то ни стало—известить Замостье!

— Замостье на большом подозрении у полиции, туда трудно пробраться.

— Нет у вас организации! Есть люди, да вы не смогли поставить их на работу.

Невидный умолк. Что было говорить Ничипору?

— Вот что,—помолчав, сказал Невидный,—собрание созвать на послезавтра. Если не вернусь, проводите его сами. Задача собрания—развернуть работу, живую, большевистскую. Организовать партизанский актив. Иначе вы не больше-

вики, а мертвый баласт. Не ждать, пока вам полиция позволит носить оружие,—сами возьмите его у полиции.

И передал Ничипору пачку воззваний.

— Расклейть эти воззвания, где только можно!

Невидный ушел. Ничипор молчал, глядя ему вслед.

— Товарищ Невидный, и я иду с тобой.

— Оставайся тут и делай то, что я тебе сказал.

Ничипор еще постоял несколько минут, ощущая неловкость и стыд.

XXIV

Савка Мильгун слез с печи, оживился, стал подвижным—словно другим стал человеком. И мыслей у него полна голова: первая—как связаться с партизанами, и другая—как застраховать себя от них на всякий случай. Иначе говоря—что надо сделать, чтобы и сено было цело, и козы сыты? Савка берется за работу. Не браться нельзя: могарыч выпили, задаток взял. Крупы, муки, сала тоже перепало, и на будущее обещали. Не надо только спать и быть дураком.

Собрался Савка в дорогу, напустил на себя воинственный вид и многозначительно прошелся мимо окон войтовой хаты и его приятелей: пусть знают, что он выполняет свои обязанности. И войт увидел его со двора и так же многозначительно кивнул ему головой.

Савка идет в Вепры: с Вепров начнет он свою работу. Встречая знакомых, он осторожно заводит речь о беде, что на людей надвинулась, о том, как тяжело жить при власти оккупантов.

— Куда, Савка, идешь?—спрашивают его.

Савка хмурит брови и грозно отвечает:

— Человеку теперь одна дорога—в лес!

И скажет таким тоном, что всем становится ясно, зачем нужно человеку в лес итти.

— Охо-хо!..—вздохнет только собеседник.

И ничего удивительного нет: вполне правильно говорит Савка, и его речи понимают как призыв к восстанию. Люди сочувствуют ему, а некоторые даже предупреждают, чтобы он остерегался, а то можно попасться. Савка и сам думает, что нужно остерегаться.

Строго определенного плана у Савки нет. Он набросал только самые общие черты его, а в конце концов Савка про-

сто полагается на счастливый случай. Вот почему его деятельность больше подчиняется вдохновению, чем предварительно обдуманному плану.

Когда Савка вышел из села, направляясь на Вепры, в поле его зрения попала хата деда Талаша, и он решил не пропускать ее: а вдруг нападет на след старого партизана! По существу, Савка ничего не имеет против деда Талаша и тех людей, за которыми он взялся следить. Он смотрит на них как на средство к наживе. Он готов даже сочувствовать им. Но что поделаешь, когда так сошлись обстоятельства?

Максим хлопотал во дворе. Беда, которая навалилась на дедову хату и его семью, казалось, миновала Максима и не наложила на него отпечатка. По крайне мере на Максимовом лице не замечалось ничего такого, что свидетельствовало бы о душевных волнениях и тревогах. Да и не вечно же оставаться лицу одним и тем же, а у Максима, может быть, были причины для того, чтобы прояснилось его лицо.

Максим немного удивился, увидя на дворе Савку: таким редким гостем он был тут. Но Савка как ни в чем не бывало подошел к Максиму, поздоровался.

— Осиротел ты, брат Максим,—начал разговор Савка.

— Выходит, что осиротел.

Максим был захвачен врасплох и не нашел более ловкого ответа. Савка же придерживался принятого тона. Он укоризненно покачал головой.

— Вот, брат, времена настали! Ничего верного нет, и сам себе не можешь быть хозяином. Я просто неистовствую! Места себе не нахожу.

— А тебе что?

Максим подумал, что Савку поляки обидели.

— Ну, как это «что»? Ты думаешь, болит только у того, кого за жабры взяли? Болит и у того, кто должен глядеть на все это! Ведь знаешь, что́ делается. Не мне говорить тебе про это?

— Ну, так что?—Максим недоверчиво поглядел на Савку.

— А то, что сидеть так нельзя.

— А чего же ты сидишь?

— Вот и не усиделось мне. Люди идут в лес, и я иду туда.

Максим подозрительно посмотрел Савке в глаза.

— Ты, брат Максим, не знаешь Савки, но ты скоро услышишь про него,—старался рассеять Савка Максимову подозрительность.

— Ты говоришь так, что тебя и понять трудно,—заявил Максим.

В его голосе все же чувствовалось недоверие. Это почувствовал и Савка.

— Ты хочешь сказать—трудно поверить?—спросил Савка и, не ожидая ответа, прибавил:—Скажу прямо—иду, брат партизанить, с добрыми людьми сойтись хочу. Только ты молчок, ни гу-гу! Тебе я говорю, а другому не скажу, потому что твой отец—герой.

Максим встревожился.

— Отцу не дают дома сидеть, его ловят, и ему приходится скрываться: в остроге сидеть никому охоты нет.

— Если за хорошее дело, так и в остроге не жаль посидеть. Только ты скажи,—мне ты можешь сказать правду,—куда мне податься, чтобы увидеть твоего отца? А если не его, так Мартына Рыля иль кого-нибудь из них.

— А откуда я могу знать! Отца давно дома не было. Как вырвался от поляков тогда, так и не показывается. Где он, что с ним—не знаем.

— Может, оно и лучше, что не знаешь,—задумчиво ответил Савка,—разве людям теперь можно верить?.. Но только кто хочет своего добиться, тот добьется. Так будь, Максим, здоров!

— Бывай!

Савка крепко пожал Максиму руку.

Максим долго стоял, глядя, как Савка выходил из села и повернул на дорогу в Вепры, глядел, пока он совсем не пропал из глаз, и думал над удивительным визитом такого ненадежного человека, как Савка Мильгун. В результате размышлений Максим сказал сам себе: «Шелопай!.. А в конце концов от него всего можно ожидать».

И все же Максим не мог успокоиться на этой мысли. Савкины слова и его намерение итти в партизаны никак не умещались в Максимовой голове. Не было ль тут какого подвоха? Не подослали ль его, чтобы выведать про деда Талаша? Максим же действительно ничего не знал про отца и про Панаса. С того времени, как ночевали они с Мартыном Рылем, отец домой не показывался.

Новое обстоятельство оборвало Максимовы мысли.

Пришла Алена. Она была на селе. Не заходя в хату, Алена подошла к Максиму.

— Знаешь, Максим, что случилось в Ганусах?

По тону Аленина вопроса Максим почувствовал, что случилось весьма интересное.

— Нет, не знаю, не слышал,—ответил Максим и с некоторой тревогой взглянул Алене в глаза.

— На деревне говорят, что под Ганусами повстанцы-крестьяне вконец побили поляков, отобрали награбленное добро и скот и уничтожили их до одного.

— Вот это ловко!—отозвался Максим, и в глазах его блеснула радость.

— Правда, Максим. Сами люди из Ганусов рассказывали об этом. И знаешь, что еще рассказывали? Что повстанцами командовал старик, что там были наши солдаты. А этот старый, по рассказам, очень похож на нашего батьку.

— Ну, что ты говоришь?!—удивился Максим.

— Верно, верно, Максим.

— Нет, это, должно быть, вранье.

— Не вранье, а люди говорят,—стояла на своем Алена.— И не одна я так думаю, а многие так думают.

— Ну, когда же он успел народу набрать и попасть в Ганусы?

Алена не сумела разъяснить, как это случилось, но была твердо уверена, что в событиях в Ганусах принимал участие дед Талаш. Поверил наконец и Максим. В связи с этим он вспомнил Савку Мильгуна. Савкины слова представились теперь в другом освещении: просто Савка услышал про геройство партизан, и их действия вдохновили его. Ничего удивительного нет в том, что при таких обстоятельствах Савке и вправду захотелось сделаться партизаном. Но почему же он ничего не сказал про события в Ганусах? Эти соображения казались Максиму естественными. Он поделился своими мыслями с Аленой, рассказав ей о встрече с Савкой. Алена согласилась с Максимом. Таким образом все неясности и сомнения, принесенные Савкой, теперь рассеялись.

Новости о событиях в Ганусах передавались из хаты в хату. Людская молва украшала события, приплетая сюда разные эпизоды, подробности и обстоятельства, каких в действительности и не было, но которые могли быть. События в Ганусах приобрели значение героической былины, где партизаны выступали как богатыри, а их атаман рисовался как народный герой. Эти события поднимали дух трудящегося крестьянства и звали его на активную борьбу против оккупантов.

Только бабка Наста по-своему приняла эту весть о событиях в Ганусах. Ее особенно взволновало то обстоятельство, что в этом мог принять участие и дед Талаш. Зная характер своего старика, бабка Наста совсем была готова поверить, что он там был, и это обстоятельство ее вовсе не утешало. Что же будет с Панасом? Что будет с их хатой? Неспокойно было на сердце у бабки.

Вечером, когда совсем уж стемнело, бабка Наста сидела одна в хате при свете лампочки и пряла куделю, которую принесла ей Авгиня. Невеселые мысли, такие же однообразные и тягучие, как те нитки, которые пряла она и наматывала на веретено, вились над ее старой головой.

Двери бабкиной хаты тихо скрипнули, и на пороге показалась женщина. Она была так закутана, что нельзя было разглядеть ее лица, и только когда она сказала: «Добрый вечер», бабка по голосу узнала Авгиню.

— А это ты, Авгинька?.. Я кудели еще не допряла.

— А чорт с ней, с куделей!

Авгиня подошла совсем близко к бабке Насте. Голос ее прерывался, сама она волновалась.

— Беда, бабка Наста!—придушенным голосом сказала Авгиня. Я пришла вас предупредить.

Она рассказала про Савку Мильгуна и про ту роль, которую отвели ему войт и два его приятеля.

— Что же теперь делать?—заломила руки бабка Наста.

— Нужно предупредить старика и тех, кто с ним. Не бойтесь, бабка Наста!

Авгиня продумала все способы и рассказала их бабке Насте. Надо дать знать в Вепры жене Мартына Рыля. Надо так или иначе известить деда Талаша или кого-нибудь из его товарищей. Это дело можно поручить Алене или Максиму. Наконец, бабка Наста сама может это сделать. Бояться нечего. Савка большой беды не наделает, если будут знать, какой он партизан.

— Только, бабка, боже сохрани, не скажи, что это я передавала.

Авгиня так же тихо вышла из хаты деда Талаша, как и пришла.

XXV

Тысячами потоков бежит весною снеговая вода.

Есть какое-то особое очарование в этих ручейках, которые прокладывают пути весне и обновленной жизни на земле, в их торопливом беге и заливистом журчании, в веселом гомоне и грозном шуме. Маленькие, хилые, чуть заметные вначале, катятся они, как слезы, по лицу земли тоненькими извилистыми струйками, усиливаясь с каждым часом, с каждым шагом в своем движении вперед. И сколько преград, сколько неожиданностей на их пути! Каждая льдинка, каждая кочка, выступ земли, бугорок ставят им препятствия, создают трудности в их стремительном движении. Но они бегут не стихая, беспрестанно, где быстрей, где медленней, обходя преграды или удаляя их с пути, бегут, пока не сольются в бурливые потоки, пока не очистят землю от снега, чтобы мощным половодьем проложить широкий путь новой жизни.

Тысячами дорог и в разных направлениях идут и люди в поисках для себя простора, свободы и всего того, что называют они радостью и счастьем.

Благополучно вернулся дед Талаш в Высокую Рудню с частью своих партизан и с красноармейцами во главе с Букреем.

Этот поход показал восставшим крестьянам, что их сила— дружный коллектив, организация и строгая дисциплина. Удача, которая сопутствовала походу, еще выше подняла воинский дух партизан.

Дед Талаш теперь прямо счастливый человек, если только есть на свете счастливые люди. Все его желания сбылись: у него есть настоящая военная винтовка, и, кроме того, все взятое у поляков оружие, которое попало в руки партизан и красноармейцев и поступило в его распоряжение,—так постановили на собрании партизан. Он нашел своего сына. Благодаря внимательному уходу Нупрея Панас может не только ходить, но и бегать. Наконец, дед Талаш—партизанский командир. И войско его еще увеличится, и сильно увеличится,—для этого кое-какие меры уже приняты. Красные командиры приняли его в свою семью. Разве это не честь для деда Талаша? Но дедова голова не кружится. Он думает теперь о дальнейшем ходе событий: не за горами весна, а весною начнутся такие дела, что нужно быть готовым ко всему.

После мягких, облачных дней дохнул северный ветер, прогнал низкие облака и затих. Небо прояснилось, окрасилось в зеленоватые холодные тона, и на Полесье вновь надвинулись жгучие морозы.

Потаенными тропинками пробирается дед Талаш к своей деревне. Не знает дед Талаш, что он знаменитая личность не только среди партизан и военного люда, но и среди заклятых врагов, что за ним бдительно следят польская контрразведка и полиция. После захвата польских офицеров и солдат в Виркутьи и после событий в Ганусах поляки приняли ряд серьезных мер к тому, чтобы выловить таких опасных людей, как дед Талаш, Мартын Рыль и их сообщники. Дед Талаш и Мартын Рыль были внесены в особый список, с перечислением их примет.

Хоть и не знал об этих строгостях дед Талаш, но, чувствуя свои грехи перед оккупантами, он также держит ухо востро. Так, он не отважился взять с собою «настоящее» ружье, хотя расставаться с ним ему было трудно: попадешься с винтовкой, тогда пропал навеки. Осторожность и прекрасное знание местности помогли деду благополучно дойти до дома. Уже в полночь входил он в свою хату.

Бабка Наста не может целиком отдаться своей радости. Что может она сказать деду Талашу, когда он так далеко зашел в своих поступках? Одно можно сказать: не показываться больше тут, пока жизнь не изменится к лучшему.

Дед Талаш молча слушает новости, которые рассказывают ему бабка и Максим. И что особенно заинтересовало деда— это известие про Савку. Дед молчит. Весь его гнев переносится на войта и его приятелей.

— Какие прыткие!—наконец произносит он.—Ну, хорошо!

После долгого размышления он прибавил решительно:

— Так вот что, мои милые! Послушайте меня!

Сразу почувствовалось, что дед скажет нечто очень важное.

— Вам всем надо уйти из дому,—категорически заявил дед Талаш.—Да, надо уйти.

Заявление деда было так неожиданно, что никто не нашелся, что сказать. А дед тем же тоном говорит дальше:

— Решить хозяйство! Оно у нас не очень большое. Хату заколотить. А если будете тут сидеть, ее все равно сожгут поляки.

— А куда же мы денемся? Что ты говоришь, старый?— ужаснулась бабка Наста.

— Ты, мать,—спокойно, но твердо ответил дед Талаш,— перебирайся в Макухи к Фекле. Алена поживет у своих. А тебе, Максим, нечего за бабу держаться. Если Савка пошел в партизаны, так и тебе надо туда подаваться, только не по Савкиной дороге итти. Пока вы будете тут сидеть, так и меня, и Панаса будет тянуть к себе хата, и рано или поздно переловят нас, и пощады нам не будет.

Трудную задачу загадал дед Талаш.

Ломали над ней головы и должны были наконец согласиться, что лучшего выхода в их положении нет. Брошенная хата может остаться нетронутой. И верно! Неплохо говорит старый.

Уходя из дому еще до рассвета, он весело сказал.

— А что до Савки, так я очень доволен этой новостью: мы с ним малость потолкуем. Найдите его и скажите —пускай идет в Карначи и спросит Тимоха Будика. Это наш верный человек. Тимох и покажет ему дорогу к нам.

Километров пять прошел дед Талаш, когда начало всходить солнце. В лесу было торжественно-тихо. Самые опасные места, как казалось деду, остались позади, и он шел не торопясь и спокойно, целиком отдаваясь своим мыслям. Он подходил уже к Сухому полю. Вот и тот старый кряжистый дуб, где он встретился с Мартыном Рылем.

Загляделся дед Талаш на этот дуб и не заметил, как перед ним, будто из-под снега, выросли три легионера.

Наставив на деда винтовки, грозно крикнули:

— Стой!

Затрясся дед Талаш, будто какой-то горячий ком сжег его нутро и подкатился к сердцу.

«Пропал ты, брат, Талаш!»—сам себе сказал дед и остановился. Но в тот же момент крепко взял себя в руки.

— Тьфу, тьфу, тьфу!—трижды сплюнул дед и сказал при этом:—Как вы меня перепугали!

Дед постарался принять самую комичную позу напуганного человека. Этот испуг и дедова растерянность развеселили легионеров и польстили им.

— Кто ты и куда идешь?—спросил старший легионер.

— Здешний, пане! Иду на болото. Бучи поставил,—может, вьюн не попал ли?

— Иди с нами,—приказал тот же солдат.

— Куда и чего? —недоумение выразилось на дедовом лице.

— Иди, иди, галган старый!—солдат слегка подтолкнул деда.

Поскреб дед затылок.

— Да мне же и времени нет.

Деда толкнули еще энергичней.

— А, кабы вам по свету не ходить!—сказал дед и пошел с солдатами.

«Конец!»—думает про себя дед Талаш. И предсмертная тоска охватила его душу.

По обе стороны дороги стоит лес, седой от инея. Дед приглядывается к лесу. Неужели последний раз видит он этот лес? И так не хочется умирать! Он вспоминает свою хату. Хорошо ли сделал, когда велел своим уйти из дому?

Но минутный упадок духа и слабость проходят. Жить, жить во что бы то ни стало!

С поразительной ясностью возникает перед ним Мартын Рыль, его рассказ про освобождение из-под польского конвоя. Он переводит глаза на свой конвой. Легионеры жмутся от холода, подняв воротники шинелей. Двое идут впереди, за ними—дед Талаш, а третий, старший, идет сзади. Дед Талаш смерил взглядом их фигуры. Они кажутся ему, как он сам говорил, «щуплыми». И вдруг что-то внутри подтолкнуло деда Талаша. В мгновение ока он хватает карабин из рук старшего легионера, того, что шел сзади, и бьет его с такой силой прикладом по голове, что приклад карабина ломается. Как от удара молнии, упал легионер. Только глухой и неясный крик вырвался из его груди.

— Сюда, ко мне, хлопцы!—дико кричит дед Талаш и бросается с металлической частью карабина, которая осталась у него в руках, на других солдат.

Те от неожиданности и страха бросили карабины и кинулись в лес.

Подобрал дед карабины и бросился бежать.

Когда он немного опомнился, первое, что он вспомнил и долго потом не мог забыть, это был хруст разбитого черепа легионера. Хруст этот несколько дней стоял у него в ушах.

XXVI

Василь Бусыга и его приятели напряженно ждали первых донесений от Савки Мильгуна. Но проходили дни, а Савка не показывался. Это обстоятельство начинало беспокоить

войта и наводить его на разные мысли. Хоть не в такой степени, но беспокойство это чувствовали и войтовы приятели.

— Что-то не слышно нашего Савки,—говорит войт, внимательно глядя в глаза Брую.

Бруй видит, что войту не терпится.

— Не слыхать,—подтверждает Бруй.

— Не слышно, подлеца!—повторяет Бирка.

— Что бы это значило?

— Дело, видишь ты, деликатное,—рассуждает Бруй.— Поставьте себя на его место... Тут скоро не сделаешь. Это не то что взял цеп да пошел молотить.

— Да и цеп когда возьмешь, сразу молотить не будешь,— вставляет слово и Бирка.

— Савка, по-моему, и хорошо делает, что не торопится,— продолжает Бруй.—Тут, братки, нужно ловко подойти. Лучше потихоньку, да сделать гладко и аккуратно. Труднее всего—первый шаг... Подождем немного.

Войт поддается рассуждениям Бруя и на некоторое время успокаивается, но все же тревога где-то ютится у него в сердце.

Хоть войт и имел приятелей в лице Бруя и Бирки и поддержку со стороны пана Крулевского, тем не менее он временами чувствовал свое одиночество и оторванность. Одиночество углублялось с того времени, как он стал войтом и у него возник с Авгиней целый ряд недоразумений. Весна и те настроения, которые носились в воздухе, все разговоры, связанные с неясными и грозными событиями будущего, и та натянутость и настороженность, которые господствовали повсюду, куда ни глянет войт,—все это выводило его из равновесия, угнетало. Под влиянием этих настроений Василь хотел уже пересмотреть свое отношение к Авгине за последнее время и пойти на мировую. Он только искал подходящий случай, чтобы сделать это дипломатично, не теряя достоинства. Но случилось событие, углубившее пропасть между ним и Авгиней.

Однажды вечером шел Василь по улице. С того времени, как дед Талаш бежал из дому, дедова хата приобрела какую-то власть над войтом, и он никогда не мог спокойно пройти мимо нее. Дедова хата как бы насмехалась над войтом и над его напрасными стараниями поймать опасного повстанца. Все разговоры и слухи о Талаше сеяли беспокойство в сердце войта.

Василь стоял в скрытом закоулке, глядел на Талашеву хату и раздумывал. Тут пришла ему в голову мысль: не лучше ли было бы организовать за хатой тайное наблюдение? Разве поговорить об этом с паном Крулевским?.. Нет, надо еще подождать: а может, Савка явится с хорошей новостью? И видит Василь—со двора Талашевой хаты идет женская фигура. Женщина осторожно оглянулась по бокам и скорехонько направилась к деревне, но не пошла улицей, а повернула на задворки. Уже смеркалось, и узнать женщину было трудно. Василь заволновался, вышел из своей засады и, прячась около построек, пошел за ней. Посредине села он ее потерял. Как гончая, сбившаяся с заячьего следа, бросился он во все стороны и потом выбежал на улицу. Та же женская фигура мелькнула на улице и шмыгнула в ворота войтова двора. И только теперь он узнал, что это Авгиня. Удивленный и еще более встревоженный, войт остановился. Зачем она туда ходила? Страшная мысль вдруг пронзила голову: уж не ходила ли она на свиданье с Мартыном Рылем? Жарко стало войту. Как узнать правду?

Войт совсем растерялся. Бешеная злоба охватила его. Он порывисто двинулся в свой двор. Разъяренный, со стиснутыми зубами и сдвинутыми бровями, переступил он порог хаты. Авгинины глаза—зоркие: она заметила Василя, когда он шел за ней, и сразу поняла, что попалась. Выкручиваться тут не приходилось. Оправдываться? Но в чем? Она просто ходила к бабке Насте. Разве она не имеет права ходить, куда хочет? Что ей до того, что он—заклятый враг старого Талаша?.. Но какой-то внутренний голос ей возражал: «Раз он твой муж, так с мужем ты должна быть заодно». Только этот голос был очень слабый, и слушать его она не хотела. И Авгиня спокойно, как человек, уверенный в неминуемой беде, гадала, с какой стороны свалится на нее эта беда.

— Ты где была?—спросил Василь.

Авгиня старалась не глядеть на Василя, и только услышав его грозный голос, взглянула на него холодными и чужими глазами.

— А что тебе до того, где я была? И что ты глядишь таким зверем?.. Не боюсь я тебя!

Последние слова она сказала, повысив голос.

— Говори, где была, гадина, шлюха!—загремел на всю хату Василь.

Стиснув зубы, он вплотную подошел к Авгине. Как осина,

затряслась Алеся. С глухим криком, белая, как полотно, кинулась она к матери, крепко обвила ее руками, чтобы загородить от отцовской ярости. Петро и Гришка онемели от страха, притаились возле печи и глядели на родителей испуганными глазами. Даже дед Куприян присел на полатях и глядел на Василя мутными глазами.

— Хуже гадины, чем ты, нет! Чего оскалился, как зверь? Детей на-смерть перепугал. Чем они виноваты?—спокойно, но твердо отозвалась Авгиня. Она вся дрожала.

— Признавайся, чего ты ходила к старому разбойнику?

Вместо ответа Авгиня схватила клубок ниток, швырнула им в черную Василеву бороду.

— Вот за чем ходила! Съешь его!

Клубок, брошенный Авгиней в войтову особу, сыграл роль холодного душа. Сбитый с толку, Василь в недоумении переводил взгляд то на клубок, то на Авгиню. Он ожидал узнать что-то более страшное, чем этот клубок ниток. Горячность его опала.

— А зачем ты носишь туда куделю?

— А ты что же—запретишь мне?—дерзко спросила Авгиня.

— И запрещу!—топнул ногой войт.

— Я не твоя крепостная.

Войт широко раскрыл глаза.

— Где же это ты набралась такой вольности?—Злая усмешка послышалась в войтовом вопросе.—Может, и ты в лес собираешься?

— Да уж лучше в лес итти, чем быть войтом, как ты!

Новая волна злобы охватила войта. Но он теперь уж не ошибется: у него есть твердая линия, и он знает, на чем кончить свою стычку с Авгиней.

— Это ты у Талашей набралась такого ума? Или, может, тебя научил Мартын?

Произнеся имя Мартына, Василь сразу почувствовал всю свою ненависть к нему и к Авгине. Авгиня тоже не могла спокойно слышать это имя.

— Кто бы ни учил, только бы научил. А вот тебя так никто не научит. И люди глядят на тебя, как на волка. Ты сам себе яму копаешь...

— Ты мне копаешь яму!—прервал Авгиню Василь.—Как ты смеешь ходить к этим Талашам, компанию с ними водить? Разве же это люди? Разбойники, голодранцы, преступники! Иль тебе хлеб мой хозяйский наскучил? Иль тебе не-

чего надеть, что водишь с ними дружбу? Кто же ты после этого?

— Что ты попрекаешь меня своим хлебом? Разве я не работала? Не заработала себе на хлеб, на одежду?

Она заплакала и, изменив тон, сказала:

— Так пусть огнем пойдет твой хлеб и твоя одежда! Лучше бы я батрачкой оставалась!

— А! Обожралась! Батрачить захотела?—Васильевы губы страшно скривились, черная борода заходила ходуном.— Так забирай своего байструка—и марш из моей хаты! Чтобы духу тут твоего не было! Не надо мне изменницы и врага в хате. Вон!

Схватил за плечо Авгиню и с силой толкнул ее к двери. Алеся, вцепившись в мать, полетела вместе с нею и стукнулась головкой о косяк. Она схватилась рукой за голову, но не плакала и не кричала, а только дрожала как в лихорадке. Петр и Гришка кинулись с плачем к матери и тоже вцепились ручонками в ее платье.

Василь бросился к шесту, на котором висело платье, стал срывать Авгинину и Алесину одежду и бросать ее под ноги.

— Забирайте свое барахло и не мозольте мне глаза! Будет!

Потом повалил сундук набок, вскочил на него и начал топтать и бить его каблуками.

Авгиня молча надела короткий полушубок, накинула на голову теплый платок, одела Алесю.

— Пойдем, доченька.

Петро и Гришка подняли плач:

— Не ходи, мамка!

— И мы с тобой!

— Марш на печь!—топнул на них отец.

Ребята покорно выпустили из рук материн полушубок, с поникшими головами полезли к деду Куприяну и там начали жалобно плакать.

— Не плачьте, детки,—обратилась к ним мать,—я вернусь и вас возьму.

— Хватит с тебя и твоего байструка!—кричал Василь.

— Ну, это мы еще посмотрим!—и угроза послышалась в голосе Авгини.

Василь раскрыл дверь. Авгиня взяла за руку Алесю и вышла за порог, во тьму зимнего вечера.

Назавтра по всей деревне Примаки,—так называлась

деревня, где жил дед Талаш,—только и разговоров было, что про Авгиню и про ее ссору с войтом. А под вечер другая новость не меньше удивила Примаки: Талашева хата оказалась пустой, хозяева ее бросили.

XXVII

У Савки Мильгуна выработался свой взгляд на вещи: лучше опоздать, чем торопиться. Вот почему, расставшись с Максимом, медленно, не спеша подвигался он к Веправ. Да и зачем спешить? В Веправ Савка остановился на некоторое время. Были все основания для того, чтобы побыть там подольше. Во-первых, там много народу, крепко обиженного поляками: в Веправ поляки убили Кондрата Буса, сожгли Мартынову хату, вообще Вепры ободрали, как липку. Во-вторых, в Веправ были и Савкины приятели по части конокрадства. Правда, дела эти не такие уж почетные, чтобы на них там долго останавливаться и раззванивать, но вспомнить в доброй компании за чаркой самогона все же можно было, особенно, если принять во внимание, что происходили они еще при царе. А у Савки как раз и аванс был, выданный войтом и его приятелями. Таким образом, в Веправ пробыл Савка дня три или четыре. И надо сказать, даром времени он тут не терял. И тут он говорил,—правда, под большим секретом,—тоже о своем решении стать партизаном. Савку так захватило его «партизанство», что он и сам начинал верить в него. Но в Вепры пришла Талашева невестка и тоже по секрету рассказала Мартыновой жене про истинную роль Савки. Вепровцы, прослышав об этом, были сильно возбуждены, и неизвестно, что было бы с Савкой, если бы не подошел Максим и не передал приказ деда Талаша направить Савку в Карначи к Тимоху Будику.

Из Вепров направился Савка в Карначи.

Тимох Будик долго и внимательно вглядывался в Савку Мильгуна. Савке стало даже неловко. Но он храбро выдержал этот испытующий взгляд и в свою очередь не моргнув глядел на Тимоха.

— Так это ты и есть тот самый Савка Мильгун?—спросил наконец Будик.

«При чем тут «тот самый»?—тревожно подумал Мильгун.

— Как это «тот самый»?.. Разве есть еще и не тот самый Савка Мильгун? И ты знаешь такого?—спросил Савка.

— Может, и есть, может, и знаю,—многозначительно улыбнулся Тимох.

Улыбка не совсем шла к его суровому лицу.

— Я будто тебя где-то видел,—Тимох снова поглядел на Савку.

— Может, и я тебя где-то видел,—и Савка так же поглядел в лицо Тимоха, подчеркнув слова «где-то».

— А где было это «где-то»?—спросил Тимох.

Савка хитро взглянул на Будика.

— Если не ошибаюсь, так в Мозыре вместе ели царские сыры.

Савка намекал на Мозырскую тюрьму. Он просидел там целый год, как осужденный по политическому делу, за распространение прокламаций. Дело тут вот в чем. Савка знал, что осужденные за «политику» пользуются уважением в широких кругах общества, на этом он и построил свою тактику и в последнее время, когда шел красть лошадей, брал с собой прокламации. Его поймали как конокрада, но у него оказались прокламации, и судили Савку не как конокрада, а как социал-демократа.

Теперь Савка с энтузиазмом хвалится тем, что он боролся с царским «прижимом». Тимох Будик, за поджог панского гумна, сидел как уголовник.

— Гм... Так, так... Помню! А теперь, значит, воевать с панами?

— Воевать, брат! До конца воевать!—сказал Савка и решительно тряхнул головой.

— Ну, это и хорошо. Сведу тебя к нашим, познакомлю с атаманом.

Дед Талаш, вырвавшись из плена, занялся Савкой Мильгуном. Что с ним делать? У деда было много разных проектов, но он считал более правильным передать это дело на решение партизан. Как раз на этих днях партизанский отряд значительно увеличился. Партизанское движение с приближением весны росло и ширилось. Сюда пришел Марка Балук из-под Терниц. Пришел он один, но у него был свой отряд смелых людей. Ему надо было связаться с партизанами деда Талаша и выработать план совместных действий.

Привел его Мартын Рыль, и встретили его с радостью. Дед Талаш крепко и долго тряс ему руку.

— Дай же, сокол, поглядеть на тебя! Слышал я, слышал про Марка Балука... Искал тебя, сынок. Да, да! Жену твою случайно встретил. О тебе говорили.

Приход Марка Балука, приближение весны и расширение партизанского движения—все это выдвигало целый ряд новых вопросов, о которых надо было поговорить. Совещание провели в лесу. На совещании были: Марка Балук, Мартын Рыль, Тимох Будик, Нупрей, дед Талаш и несколько рядовых партизан. Говорили о формах связи, обсуждали условные знаки, говорили о вербовке людей в партизаны, о распределении районов военных действий. Когда все эти вопросы были решены, выступил дед Талаш, чтобы рассказать про Савку Мильгуна.

— А теперь, хлопцы-молодцы, расскажу вам одну вещь,—начал дед Талаш.—Помните, что говорил нам товарищ Букрей? Он говорил, что к нам будут приставать и наши враги... как он их назвал—забыл.

— Провокаторы,—подсказали деду.

— Вот-вот, эти аматоры[1]. Вот он и не ошибся. Я имею верные вести о том, что Василь Бусыга из нашей деревни и его приятели-богатеи наняли вора Савку Мильгуна, чтобы он прикинулся нашим человеком, шел бы к нам, как партизан-воин. Через этого злодея они хотят выведать все наши секреты, а нас предать панам. Чуете, что делается? До чего додумались, подлюги! И Савка к нам придет. Я даже сказал, чтобы ему передали, как к нам притти. Я сказал, чтобы он пришел к Тимоху Будику, а ты, Тимох, и приведешь его к нам, ничего не говоря ему про то, что мы о нем знаем. Так что мы с ним сделаем? Давайте рассудим вместе.

Зашумели суровые голоса возмущения. На Савку Мильгуна посыпался целый град крепких слов и жестоких проклятий. Наконец все это вылилось почти единогласно в суровый приговор:

— Застрелить, гада!

— Повесить, изменника!

— Да уж не пожалеем его,—сказал старый Талаш.—Но за спиною Савки стоят еще большие наши враги: сам войт Бусыга, Бирка и Бруй. Что ж они за божьи внуки? Так им и простить?

— И им туда дорога!—послышались грозные голоса.

---

[1] Любители.

Мартын Рыль стоял понурый. Думал об Авгине. Неужто она не знает о заговоре мужа и его приятелей? Не высказался также и Марка Балук.

— А ты как думаешь, сынок?—спросил у него дед Талаш.

Балук усмехнулся.

— А я, отец, вот как думаю: когда к нам придет Савка и раскопает то, что ему нужно, так его надо будет отпустить.

— Как же отпускать такого гада? — спросил Тимох Будик.

— А вот вы слушайте...

И Марка слушали с напряженным вниманием.

— Савка пойдет и расскажет тому, кто послал его. А они пойдут и заявят про это в полицию. И Савка приведет сюда полицию или солдат. Вот тут и надо подкараулить и встретить их так, чтобы никто из них не вернулся из лесу.

— А ты верно говоришь, сынку. Да, золотая у тебя голова. Не хуже, чем у Букрея.

Всем понравилась Балукова комбинация, и сообща приступили к проработке плана.

Через несколько дней после этого привел Тимох сюда Савку. Дорогой рассказал ему, что партизанский атаман, старый Талаш, с меньшим сыном Панасом и с Мартыном Рылем скрываются в лесу, ночуют в шалаше. А шалаш этот был сделан специально для того, чтобы обмануть Савку: надеялись, что Савка расскажет об этом войту, а войт уже сделает все, чтобы пришли сюда поляки. И Савка, наверно, приведет их.

Дед Талаш сидел в шалаше на дубовой колодке, попыхивал трубкой. В шалаше лежали солома и грубое сено. Несколько дерюжек, смятых и брошенных как попало, свидетельствовали о том, что тут ночуют люди.

— Вот, батька, привел я вояку! Партизаном хочет быть,— отрекомендовал Тимох Савку Мильгуна.

— Добро, сынок, добро! Ну, здоров, Савка!

Дед Талаш подал Савке руку.

— Что же повело тебя на это дело?

— Не могу смириться—такие обиды чинят людям!

— А какую же имеешь обиду!

— Меня они, по правде говоря, и не обидели. Только не могу спокойно глядеть, как других обижают. Вы же знаете! А про вас так много говорят, что мне захотелось с вами быть, биться с панами на-смерть. На чорта они сдались?

— Ну, хорошо. Мы тебя принимаем, только помни— слушаться должен. У нас по-военному—строго. Дадим тебе поручение, ты обязан его выполнять.

— Все буду делать, что прикажете!—горячо заявил Савка.

Дед поглядел на него, Савка и бровью не повел.

— Очень хорошо! Так вот, на первых порах тебе надо к полякам приглядываться, разузнавать, где их войска, куда их переводят. Да гляди, сынок, язык держи за зубами. Что знаешь про нас—никому ни гу-гу!

— Известное дело! Что я—не знаю?—подхватил Савка.

— Ну, вот и все пока что. Старайся, сынку.

Савка, как преступник, украдкой оглядел шалаш и лес.

— И вы, батька, один тут живете?—поинтересовался Савка.

— Всяко бывает: и один, и кто-нибудь по соседству придет... Приходи же сюда не позднее трех дней, расскажи нам, что узнаешь за это время. Опоздаешь—можешь меня тут не застать.

На этом и окончил дед Талаш беседу.

В лесу, на перекрестке простился Савка с Тимохом. Понурившись шел он через лес. Его начинал охватывать страх, и он по временам ужасался той роли, которую навязали ему войт и его приятели. В нем начинали шевелиться остатки совести. В его глазах все время стоял дед Талаш. Куда же он, Савка, идет? С чем идет? Что скажет? Скажет, где находится дед Талаш с сыном и с Мартыном Рылем. Он просто продаст их, как продавал когда-то краденых лошадей. Но одно дело—животное, а это живые люди...

Были моменты, когда Савка хотел вернуться и рассказать Тимоху всю правду. Ни к чему определенному не пришел Савка.

Была уже глубокая ночь, когда он пришел в Примаки, но кое-где еще светились огни. В Василевой хате огня не было. Савка остановился, немного постоял. Хотел было постучать в окно, но потом махнул рукой и пошел дальше. Тем не менее его тянуло видеть войта и его приятелей. Надо было как-нибудь выпутаться из скверного положения. Кроме всего прочего Савка был голоден. И он зашел к Бирке.

Хозяин открыл ему дверь. Савка переступил порог и остановился. Стол был накрыт. На столе стояла бутылка самогона, наполовину выпитая, и закуска: шкварки и кислая капуста. Войт сидел за столом понурый и почерневший, как

ночь. Увидев Савку, он немного оживился. Бруй с шумом вылез из-за стола.

— Ну, вот я вам и Савку привел!—торжественно возвестил Бирка.

— Ну, садись с нами!

Савка повесил на крюк шапку. Полушубка он не снял, а только расстегнул, в хате было тепло. А раздеваться не стал. Раздеваться можно только в компании равных. Разве может Савка равняться с ними, хозяевами-богатеями? Что такое Савка? Вор, конокрад, человек, которого можно покупать и ставить на темные дела. Если его пустили в хату и посадили с собою за стол, то только потому, что в нем нуждались.

Все это быстро промелькнуло в Савкиной голове.

Приступить сразу к делу, расспрашивать, с чем пришел Савка, никто первым не решался. Перебрасывались малозначащими словами и фразами, которые ничего общего не имели с миссией Савки.

— Выпей, Савка, закуси. Ты, верно, голоден с дороги?

Бруй налил ему стакан самогону. Савка жадными глазами окинул стол и закуску. Не отрываясь от стакана, выпил он самогон и энергично поставил стакан на стол. Самогон ударил в голову. Как волк, глотал он шкварки и набивал рот кислой капустой. Капуста скрипела и трещала у него на зубах, а челюсти двигались, как жернова.

Приятели видели, что пришел он не с пустыми руками. Савка ждал, когда спросят его о деле, и чувствовал, что пора начинать. Но у него не было на этот счет ранее обдуманного плана. Это не было в Савкином обычае. Он обыкновенно действовал под влиянием минуты, по вдохновению.

— А мы тебя, Савка, ждали, беспокоились,—первым заговорил войт.—Ну, как ты сходил? Что видел, слышал?

Савка обтер губы, нагнулся под стол, привел в порядок нос.

— Ждали меня! Думали? Беспокоились?.. Эх, Савка! Ты слышишь, в каком ты почете, какая тебе честь?! Ничего, ходил ногами, глядел глазами, слушал ушами,—с горькой иронией заговорил Савка.

Войт и его приятели пригнули головы. Небольшая неловкая пауза, некоторое замешательство.

— Это все верно. Только мы и сами знаем, что ходил ты не головой,—в тон Савке отозвался Бруй.

— А на что Савке голова?—тем же тоном спросил Савка.— На что она ему? За Савку более мудрые головы подумают. А Савкино дело—ногами топать.

— Ты, Савка, чем-то встревожен? Выпей еще.

Хозяин налил ему самогону. Савка отвел Биркову руку со стаканом.

— Не хочу!—категорически заявил он.

Его поведение вызвало общее недоумение.

— Что ты, Савка, бунтуешь?—строго обратился к нему войт.—Говори толком, когда люди тебя спрашивают.

— Люди? Кто люди—вы? Сволочи вы, а не люди! Я лентяй и вор, конокрад, пропащий человек... Совсем не человек! Но вы и пятки моей не стоите! Я крал и торговал лошадьми, а вы торгуете людьми и своей совестью. Вы—дрянь, ничтожество! На вас плюнуть и растереть!

— Савка, распустил ты язык! Ой, гляди!—пристращал его войт.

С Савкой что-то случилось. Его поведение начинало серьезно беспокоить войта и его приятелей. Они еще не теряли надежды узнать причину такого странного поведения Савки. Но Савка уперся, как камень. Он только ругался, оскорблял подвыпившую компанию и унижал их, как только мог.

Наконец войт потерял терпение.

— Будет задаваться, Савка! Довольно комедий! Я найду способ заставить тебя говорить то, что нужно.

— Ты заставишь меня говорить про то, что вам нужно? Говорить про старого Талаша, про Мартына Рыля, где и как найти их? Шалишь! Сами пойдите, поищите их, а я вам больше не слуга!

Савка поднялся, упершись руками в бока, повалил на стол стакан и бутылку с недопитым самогоном.

Войту совсем не понравилась гордая поза Савки Мильгуна. Сердито глядели на него и войтовы приятели.

Войт круто повернулся к Савке всем корпусом.

— Что ты козыришься тут?—крикнул он на Савку.— Сядь!—и в тот же момент схватил его за плечи и с силой толкнул на лавку.

Савка поднялся и сильно ударил войта по носу.

— Прочь, панский прихвостень!

Размахнулся войт и ударил Савку по лицу. Поднялся шум, крик. Они сцепились и начали тузить друг друга. Бирка и Бруй бросились помогать войту. Савка схватил со стола нож

и ткнул войта в бок. Войт покачнулся, побледнел и осел, хватаясь за бок, а Савка изо всей силы толкнул стол. Стол с грохотом полетел на пол. Савка, как тигр, перескочил через него, схватил с крюка шапку и кинулся в двери, а за ним Бирка и Бруй.

— Держи, держи его! Караул!—кричали они и гнались за Савкой, и этот крик, как вопль отчаяния, дрожал в замкнутой тьме полесской ночи, будил и тревожил заснувших собак.

XXVIII

Савка, наверно, ушел бы, если бы за ним не погнались вместе с хозяевами и собаки. Его нагнали и оглушили колом, свалили с ног, били и мяли, а потом чуть живого приволокли в хату, где в это время войту промывали и завязывали рану. Рана оказалась неглубокой и неопасной, хотя нож и задел край печени. Но войт нашел в себе силы, чтобы распорядиться доставить Савку куда надо и передать там, что Савка имел сношения с повстанцами. Пускай произведут соответствующий допрос: Савка знает, где скрываются восставшие.

Для польской контрразведки Савка Мильгун представлял очень интересную и очень нужную находку. Вот почему, когда там узнали, кто такой Савка, куда и зачем он ходил и для какой роли был предназначен, руководители контрразведки устроили экстренное совещание и решили немедленно произвести допрос Савки. Савке надели наручники, окружили его крепким конвоем и привели в комнату допроса.

Комната была довольно просторной. Посредине стоял большой стол. За столом сидели три человека. Один из них, рыжий, особенно бросался в глаза своим жестоким видом и тупою холодностью. Другой был коротенький и шустрый, с искривленным носом и гладко выбритый; на его губах змеилась сладенькая улыбка. Третий, длинный, худой и унылый, с землистым цветом лица, сидел над какою-то бумажкой, углубившись в чтение, и делал время от времени в ней пометки. Сбоку в стене виднелась еще одна дверь, узкая и низкая, нагонявшая страх и наводившая на невеселые мысли.

Несколько минут на Савку не обращали внимания. Трое сидевших за столом изредка перебрасывались глухими фразами и кивали головами. Вся эта обстановка и таинствен-

ные переговоры угнетали Савку. Он стоял неподвижно, глядел в одну точку и ждал. Его мысли, выбитые из колеи, перебегали с одного предмета на другой.

Наконец рыжий, видимо старший, поднял голову и уставился на Савку.

— Иди сюда!

Савка сделал два шага к столу и остановился. Шустрый поглядел на Савку мышиными глазками. Сладенькая улыбка еще больше скривила ему нос.

— Где тебя так побили?—сочувственно спросил он Савку.

От волнения у Савки пересохло во рту, и голос у него стал хриплым.

— Выпили и подрались,—отрывисто ответил Савка и подумал про себя, что не стоит говорить много, чтобы не запутаться хуже, а только отвечать на вопросы.

— Выпили и подрались?—повторил шустрый и многозначительно усмехнулся.

Потом допрос повел рыжий:

— Как зовут?

— Сколько лет?

— Чем занимался?

— Судился ли?

— За что судился?

Все эти, как и другие вопросы того же порядка для Савки были не новостью, и он отвечал на них не раз. Но и на эти несложные вопросы он отвечал, умышленно слегка путаясь, чтобы показать свою глупость: Савка знал, что более трудные вопросы его ожидают впереди. И такие вопросы ему сейчас же и поставил рыжий.

— Ты признаешь польскую власть?

Савка подумал и сказал:

— Признаю.

— Ты знаешь,—говорил дальше рыжий,—что войт—представитель польской власти. Что же заставило тебя совершить покушение на убийство войта?

— Покушение на убийство?—удивился Савка.—Никакого покушения на убийство я и в мыслях не имел.

— А нож в бок ты ему всадил?

Савка удивился еще больше. На его лице отразился ужас: может ли это быть, чтобы он всадил нож в бок войту?

— Так кто же всадил ему нож?

— Я этого не помню.

— Но ты помнишь, что «выпивали и подрались»?—со сладеньким смешком напомнил Савке его слова шустрый.

— Что выпивали и подрались—это помню, но как подрались, кидался ли я на войта с ножом—не помню.

— А из-за чего же у вас вышла драка?

Вопрос этот для Савки был опасный. Чтобы дать на него ответ, надо было многое рассказать. Савка же не знал, в какой степени информированы его следователи. Лучше—осторожнее, а там видно будет.

— При попойках всегда бывают и ссоры, и драки. Я был пьян и ничего не помню.

— Ну, так я тебе припомню,—сказал рыжий и рассказал разговор Савки с войтом и его приятелями.

Тогда Савка решил рассказать все, не говорить только про встречу с Тимохом Будиком и дедом Талашем, чтобы на всякий случай застраховаться и от них. Он так и сделал, начав свою повесть с того, что расскажет правду и признается.

Слушали Савку внимательно. Когда Савка кончил, его даже похвалили, что он взялся за доброе дело—за дело выявления преступников и врагов польской власти. Но они ожидали от Савки услышать про самое для них важное и таким признанием не удовлетворились. Но Савка кончил.

С минуту помолчали. Рыжий молча глядел на Савку, барабанил пальцами по столу. У шустрого был такой вид, бадто он только-только настроился слушать самое интересное, а Савка так неожиданно прервал рассказ. Даже длинный насторожил уши. Шустрый, не дождавшись от Савки финала повести, подытожил то, что установило следствие:

— Считаем неопровержимо установленным, что покушение на убийство с твоей стороны было... Запишите!

Он повернул кривой нос к длинному и унылому человеку с землстым цветом лица.

— Так, покушение на убийство—установленный факт,—снова повторил шустрый, обращаясь к Савке.—Этого одного довольно, чтобы по закону военного времени тебя повесить. Так, повесить. Дальше! Из твоего показания вытекает ясно и логично, что ты имел сношения с восставшими, и ты это скрыл. Значит ты сочувствуешь преступникам и покрываешь их, иначе говоря—ты сам такой же преступник и еще раз заслуживаешь того, чтобы тебя вздернуть на виселицу. Так, так... Но спасти себя ты еще можешь, если расскажешь нам,

где преступники, с которыми ты виделся и имел разговор, и поможешь поймать их.

Савка попал в критическое положение. Он уперся и настойчиво отрицал, что виделся с повстанцами. Долго бились с ним следователи. Нажимали на него уговорами, обещаниями, угрозами, воздействовали разными способами. А Савка твердил свое:

— Не знаю. Не видел.

Тогда рыжий круто изменил тактику допроса. Он вдруг вскочил на ноги. Его лицо-чурбан покраснело. Как кувалдой, стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Лжешь, галган! Ну, мы спросим тебя по-другому.

Выскочил из-за стола и направился к узкой низенькой двери. Стукнул два раза в дверь и крикнул:

— Адольф!

В то же мгновение дверь открылась. Наклонив голову, громила гигантского сложения переступил порог и очутился в камере допроса.

— Слушаю пана!—прогремел его голос.

— Спроси-ка у него правду!

Савка оглянуться не успел, как его схватили железные руки и поволокли...

Савка почувствовал, что сил больше не хватит, не выдержит. И он сдался...

. . . .

Трое широких, просторных саней, запряженных добрыми конями, быстро скользят лесными дорогами и гатями между болот. В санях сидят незнакомые люди—всего тринадцать человек. И народ все крепкий, молодой, здоровый, как наподбор.

По виду они—хуторяне средней руки. Держат себя гордо. Куда они едут? Не в гости ли на какой-нибудь хутор? Интересно только, что едут одни мужчины. Но ночь скрывает их своею тьмой от нескромных взглядов. Разве только редкий запоздавший прохожий проводит их пытливыми глазами, сойдя в сторону с дороги, да сам себя спросит: «Что это за люди?». И никак не догадается, что эти люди—переодетые агенты польской контрразведки, что на передних санях сидит Савка Мильгун и показывает дорогу в лес, к деду Талашу.

Страшно Савке. Дед в глазах стоит, и в ушах звучат его слова: «Держи язык за зубами». И Савка хотел держать язык

за зубами не потому, что так сказал дед Талаш,—нет, он сам ужаснулся тому делу, за которое взялся так легкомысленно. А может, там никого не будет? Вот было бы хорошо, если бы там оказался пустой шалаш! И рыжий ничего не сделает с ним, если шалаш найдут пустым: не привязать же было Савке деда Талаша. А следы его найдут.

Савка не думает, что будет потом, когда вернутся из лесу. Не думает даже и о том, что он арестант, что с его рук не сняты наручники: их снимут тогда, когда Савка покажет шалаш, где скрываются опасные коноводы повстанцев,— так ему сказали. Да Савка не верит им. Теперь за каждым его шагом строго следят две пары глаз. Две руки держат наготове револьверы. Стоит Савке только пошевелиться чуть сильней, чем это необходимо, или подать голос людям, что он арестованный, как его тут же пристрелят, как собаку. А может быть, все-таки попробовать в лесу убежать?..

Передние сани остановились; двое других наезжают вплотную и также останавливаются. Три километра осталось до того места, где стоит шалаш атамана, его сына и помощника, Мартына Рыля.

Руководит рыжий.

— К оружию!—тихо командует он.

Сыщики берут карабины, револьверы, закладывают патроны и вылезают из саней. Идут растянутой цепью, один за другим, узкою лесною тропинкой. Впереди Савка и два конвоира. Идут как можно тише, ступают осторожно, чтобы не делать шуму. А лес, окутанный тьмой, чутко ловит каждый неосторожный звук, каждый шорох. Кажется—пусто в нем, безлюдно и мертво. Но это только видимость тишины и омертвения. В этом глухом упорстве ночной тьмы леса двигаются, как тени, люди-невидимки, пронизывая темноту взглядами. Они уже знают—враг в лесу, смертельный враг. Они подсчитывают его силы, шопотом передают по густому кругу людей добытые о враге вести и сжимают кольцо.

А враг приближается. Савкины глаза тревожно и беспокойно вглядываются в лесную тьму. Крадутся уже с час. Шалаш должен быть близко. И вдруг—блеснул в лесу огонек. Огонек мигает, как волчий глаз в ночной темноте. Эх, старик, старик! Сам помогаешь врагу, облегчаешь задачу ему. Савка дрожит, как в лихорадке, руки его трясутся.

— Тут...—шепчет он и показывает на маленькое пугливое пурпурное пятнышко.

Савка и его конвоиры остаются сзади. Савкина миссия кончена. А десять человек под командой рыжего идут дальше и окружают веером шалаш. Медленно тянутся минуты, долгие и томительные. По мере того как сжимается вокруг шалаша кольцо, подвигаются и конвоиры, подталкивая Савку,—ноги не хотят служить ему, деревянеют.

Проходит мгновение, одно, другое... Проходят минуты нестерпимой тишины. Сверкнул белый свет: сыщики фонариками осветили шалаш. В шалаше пусто. Остались только грубое сено и пара старых дерюг. Рыжий и его команда собираются в кучу, мечутся вокруг огонька, доносятся их голоса. Они разочарованы, обескуражены. Проклятый повстанец пропал, как злой дух! А он тут был, был недавно!

Рыжий соображает, обдумывает план ближайших действий. Он готов уже отдать новый приказ. И вдруг, как порох, вспыхнул огонь в стороне от шалаша, и пламя сейчас же поднялось до половины леса, обвило его сучья и ветви. И такая же внезапная и стремительная вспышка осветила лес и с другой стороны.

Это Тимох Будик, спец по части поджогов, устроил иллюминацию.

— Бросай оружие!—прогремел чей-то страшный голос.

— Бросай оружие!—как эхо, подхватил поток людских голосов.

Из темноты ринулись партизаны, держа винтовки наперевес, и окружили густой стеной рыжего и его команду. Молча и покорно побросали свое оружие.

— А мы вас давно тут ждем,—сказал старый атаман, и недобрая улыбка раздвинула его губы и осветила суровое лицо.

Из толпы партизан протискался Панас. Он содрогнулся, взглянув на рыжего.

— А это тот самый, что меня арестовал.

Савка упал в снег. Перепуганные конвойные тоже попадали. Сзади набежали партизаны, обезоружили их и всех троих повели к шалашу.

Тут же состоялся и короткий суд.

Савку судили отдельно. Судили внимательно и долго. В лесу уже было известно, что Савка всадил нож в бок войта, что Савку отдали в руки польских властей. У Савки на руках были наручники, на лице синяки, а на шее следы пытки. Но не было согласия во взглядах судей. Одни стояли за то, чтоб

Савку помиловать, другие—за Савкину смерть. Наконец постановили: пусть решают лично Талаш и Мартын Рыль.

Дед Талаш поглядел на Савку, поглядел долго, укоризненно, а потом сказал:

— Иди, иди прочь, чтоб тебя не видели мои глаза... Живи!

Спросил Мартына:

— Ты согласен?

Мартын молча кивнул головой.

XXIX

Неожиданный мороз после тихих и мягких дней на исходе зимы продержался недолго. Погода изменилась сразу. Воздух стал теплым и ласковым, а над далью болот и полей нависла синяя мгла—признак оттепели и близкого тепла. Осел глубокий снег в лесах и на болотах, ласково качнул застывшие ветки благодатный южный ветер, отряхнул висевшие на них белые снежные покровы, с песнею на весенний лад прошелся по окоченелому кустарнику и вестью о весне зашелестел по соломенным крышам крестьянских хат. Веселей глянули на свет освобожденные от холода деревья, радостно откликнулись веселым шумом на ласку теплого ветра. Заплакала зима миллионами слез. Размякший, насыщенный водою снег глыбами пополз с соломенных крыш, тревожным шорохом нарушая тишину, на улицах и на дорогах начали выступать желтовато-мутные лужи, и двинулись в путь первые весенние ручейки. Зазвенели звонкие песни жаворонков...

Весна—молодой бурливый водоворот жизни, стремительное, беспокойное движение в неопределенные просторы, широкие и неясные, как затуманенные дали. Весну на Полесьи ждали со страхом и тревогою...

Оживленнее повели свою работу военные штабы, укрепляли позиции, перегруппировывали силы, подвозили орудия и бронемашины, нащупывали наиболее слабые и больные места своего противника, комбинировали.

Весна, начавшись внезапно, в несколько дней изменила вид Полесья. Болота превратились в сплошные водяные пустыни, где печально выступали порыжелые кочки с сухой прошлогодней травой, голые кусты лозы, до половины залитые, да высокие стебли ольшаника. Одни только темные пущи

сохранили свою обычную суровость и угрюмость, тая в своих недрах звериные логова, непроходимые трясинистые болота, речки, озерки, песчаные бугры, островки, узкие проходы, дороги с бесконечными бродами и широчайшие реки снеговой воды, которые по темным низинам направлялись в Припять. Завозились муравьи, жучки, козявки, такие малюсенькие, что надо было внимательно вглядываться, чтоб заметить их радостное, суетливое движение на каждом, пригретом солнцем кусочке земли, на сухих былинках, на корне давно сгнившего дерева. А воздух звенел птичьим гомоном, криками.

Гуляет половодье, отражая в себе чистое небо и яркое солнце. Как островки, разбросаны людские селения. И тихо в них, не видать человека. Притаилась полесская деревня. Но это только обманчивая видимость. Носит водяная пустыня на волнах своих быстрые остроносые челны и легкие чайки-душегубки. А в этих челнах, а в этих чайках снуют суровые, замкнутые сыны Полесья. Настороженно вглядываются они в даль, жмутся к высоким сухим камышам. На этих водных просторах, под темной завесой угрюмых лесов таятся грозные замыслы восставшего крестьянства. Тайные заговоры скрываются под крышами осевших хат:

— Началось!

Встревоженная мысль рисовала жуткие картины войны. И люди в тишине своих темных лесных закут думали, как сохранить мизерные запасы хлеба от прожорливой пасти войны, как уберечь скот, коня и остальное добро от панской ненасытности и не попасть под кровавое колесо войны.

Люди хватались за работу, чтоб использовать, пока не поздно, каждый день, каждый час. Торопились сеять, прятать хлеб и скот на скрытых полянах, на недоступных островах.

Хотя все ожидали, что весною война вспыхнет с новою силой, но когда пришла весна и принесла вести о войне, то всех охватили глубокая тревога и волнение.

А война только разворачивалась.

И первыми начали ее белополяки.

Момент для этого был удачный. Многие части Красной армии были переброшены на юг. Подтянули белополяки войска, подвезли пушки, бронемашины, оружие. Более десяти дивизий собрали правее Полесья и двинули их на Киев. Быстро продвигалась вперед белопольская армия, на широком фронте повела наступление. Зашуршали, как листья поздней осенью, польские листовки и газеты. Крупными буквами

объявляли они о победах польского оружия, о захвате сел, городов и целых районов. Торжественно молились ксендзы в костелах, читали уведомления с фронтов о победах и призывали народ на жертвы, на геройские поступки, на войну за святую веру католическую против безбожников-большевиков.

Не было границ панской радости.

Радость, патриотический восторг весенним половодьем заливали панскую Польшу, а из-за этого водоворота патриотического энтузиазама не видели паны или не хотели видеть, что не все было спокойно в глубоких и близких тылах военного фронта.

XXX

Недели две провалялся в постели Василь Бусыга после стычки с Савкой Мильгуном. Дней пять полежал в больнице. Для Василя Бусыги наступила полоса неудач. Ушла Авгиня. Мартын Рыль бежал из-под конвоя. Деда Талаша, несмотря на все ухищрения, не удается поймать. Савка Мильгун изменил. Войту известно, что Савка повел польскую контрразведку в лес, но ее расстреляли, а Савка исчез. Все это наводило на мысль, что полякам в лесу устроили западню. Но как это случилось? Какую роль играл Савка?

Эти вопросы мучили и беспокоили войта, заслоняли все другие.

Василь Бусыга ходит угрюмый. Он почернел и осунулся. В хате пусто и тихо: он да отец его, старый Куприян. Старик не сочувствует Василю в его крутой расправе с Авгиней и с Алесей. Дед Куприян держится своего: надо было немного поучить жену вожжами, если она провинилась, и на том кончить. Но кто послушает старого? Ему жаль Василя. А его, старика, кто пожалеет? Дед Куприян думает про нелады в хате.

Заходила сюда Авгиня, когда Василь был в больнице.

— Ну, вот и хорошо, что пришла!—встретил ее Куприян.

— Он меня не звал, и я не пойду,—ответила Авгиня и прибавила твердо и решительно:—Кабы и просил, и молил меня вернуться, я все равно жить с ним не буду.

Дед трясет головой.

— Нельзя так упрямиться, Авгиня! Ну, мало ли что бывает между мужем и женой...

— Он меня попрекает, будто я не работала. Так не хочу ни хлеба его, ни одежды, ни богатства!

— Так чего же ты пришла?—недоумевает дед Куприян.

— Пришла забрать то, что принесла с собой из дому, да хлеба детям взять. Кормить-то их надо?

Дед Куприян молчит. Он знает, что детям есть надо. Дети, как только Василя повезли в больницу, убежали к матери. Но также знает, что если Авгиня возьмет хлеб и он позволит ей это, то он сделается как бы ее соучастником и заговорщиком против Василя.

Дед протестует, говорит, что надо вернуться домой. Но Авгиню не уговоришь. Уперлась на своем—и ни с места. Дед беспомощно разводит руками. Но что ей скажешь? А детей, правда, надо кормить.

Авгиня забирает свой сундук, мешок крупы, два мешка муки и кладет на сани. Дед Куприян говорит:

— Ты возьми уж и мяса.

Об этом он потом доложил Василю.

Что подумал Василь—неизвестно, но не сказал ни слова.

Войтова хата просторная. Теперь она производила даже впечатление пустоты, несмотря на то, что добра в ней немало. Не хватает живых людей. Тихо в войтовой хате, как в могиле. А может, это только так кажется с непривычки.

Дед Куприян лежит на полатях около печи. Стынет старая кровь, ей нужно тепло. Сам войт снует по хате, думает. Вид у него угрюмый.

Он становится веселее, когда двери в хату растворились и порог переступили Бирка и Бруй.

— Ну, как здоров, Василь?

Бирка, потом Бруй жмут войту руку.

Это: «Ну, как здоров, Василь?»—звучит сегодня не как обычно. Сначала беседа не клеится, и только после того как Бруй поставил на стол бутылку, друзья оживились.

— А все-таки скажите, куда девался Савка?

Бирку не меньше, чем войта и Бруя, интересует этот вопрос. Бруй молчит: они с Биркой уже думали об этом. Интересно, как смотрит на это Василь.

— Чорт его знает!—пожимает плечами войт.

— А не думаете ли вы, что он примазался к повстанцам?—спрашивает Бирка.

— От Савки можно всего ожидать,—заявляет Бруй.— Где ему больше дадут, туда он и пойдет.

— Жаль, что об этом мы не подумали раньше,—тоном укоризны отзывается войт.—Тут вот что интересно: почему он не хотел сказать, что был у них, а признался только тогда, когда ему крепко хвост прищемили и спросили по-настоящему?

— Так это понятно,—сказал Бруй.—Раз он пошел с ними заодно, так и не хотел говорить. А может, и побоялся их.

Последние соображения заставили войта задуматься.

— Это возможно,—согласился он.—Но дело говорит другое. Как же могло случиться, что двенадцать человек, тринадцатый Савка, поехали туда, и никто назад не вернулся? Значит, те ожидали, что приедут их брать, и хорошо подготовились, и было их там немало... Вот это вы как объясните?

Бруй и Бирка помолчали.

— А чорт его знает, как оно было там!—разводит руками Бруй.

— Да, дело темное... Допустим,—рассуждает дальше войт,—Савка выдал наш секрет. Что тогда оставалось им делать? Если бы силы у них не было, они просто перешли бы в другое место, а если сила у них была, они тогда сказали бы Савке: «Иди и расскажи им,—это значит нам, — где мы. Они передадут куда надо и нас придут ловить, а ты, Савка, веди их сюда сам». Вот что они сказали б ему. И Савке не было бы тогда смысла молчать. А Савка, небось, ничего не сказал.

— Ты думаешь, что Савка не выдал нас?—спрашивает войта Бирка.

— Трудно сказать тут что-нибудь верное. Только самое дело показывает, что он не говорил про это.

Ответ войта успокаивает Бирку.

— Ты, Василь,—говорит Бруй,—в этом деле разобрался лучше нас, и против тут ничего не скажешь. Савка, наверно, не говорил, что его подослали мы, но с Савкой что-то случилось, его что-то крепко задело. Помните, какой он был тогда? Он не похож был на себя.

Бруй перевел дух и сказал, понизив голос:

— Для меня теперь ясно одно: не Савка, а кто-то другой передал Талашу и про Савку и про нас.

Эти слова произвели впечатление удара грома, попавшего в печку войтовой хаты. Бирка задрожал, а войт потемнел еще больше. Войт вспомнил Авгиню, вспомнил вечер, когда она выходила из Талашевой хаты. А перед глазами Бирки

также промелькнул образ Авгини, и с поразительной ясностью припомнился тот час, когда он, войдя в хату, застал Авгиню около печи и сказал ей: «Мы за себя вояку выставим».

Все угрюмо молчат.

XXXI

Неожиданное наступление польской армии захватило и Полесье. На оккупированной территории поляки провели мобилизацию. Тысячи молчаливых и суровых сынов Полесья против воли и желания своего должны были итти под надзором польской военщины в глубокие тылы для формирования новых частей, для пополнения польского войска на фронте. Польское военное командование, проводя мобилизацию, имело в виду и партизанское движение и мобилизацией думало уменьшить его размеры. Но эта мера привела к обратным результатам. Значительная часть подлежащих мобилизации сразу же ушла в леса, а взятые насильно бежали из казарм и откуда только можно было при каждом удобном случае. Их ловили, жестоко расправлялись, но жестокие меры не прекращали потока дезертиров. Леса принимали беспокойных людей, на которых падали панский гнев и полицейская месть. Эти же леса стали школой классовой борьбы. Сюда приходили подпольщики из города и проводили широкую работу, вели пропаганду.

На песчаном пригорке на опушке леса, где раскинулись, как овцы на пастбище, молодые сосенки, тихо и уютно. С одной стороны спокойно стелется широкое поле, окруженное лесом. По другую сторону пригорка стоит смешанный лес, густой и угрюмый. И поле и лес окружены непроходимыми болотами. Этот пригорок—прекрасная позиция: ты стоишь на нем, и никто тебя не видит, но сам ты видишь и поле, и дорогу, и все подступы.

Вот почему дед Талаш и выбрал это место для временного пребывания. Но теперь дед Талаш тут не один: с ним неразлучный его товарищ, Мартын Рыль. И не для того только, чтобы провести время, пришел сюда дед Талаш с Мартыном Рылем,—сюда должны притти Тимох Будик, Микита Самох и Кузьма Ладыга из Вепров. Может быть, даже придется провести здесь и широкий сход: есть важные вопросы, о которых надо поговорить. Надо наконец начать и более серьезную работу. На этот пригорок приходят свои

люди с разными новостями и донесениями. Словом, пригорок этот—временный штаб деда Талаша.

И по внешнему виду дед Талаш напоминает теперь военного. На голове у него красуется красноармейская шапка. Вместо заплатанного, засаленного и вытертого полушубка носит он куртку военного покроя. И на ногах у него не лапти, а элегантные сапоги и брюки доброго сукна с лампасами, как у казака или генерала. Разве не заслужил дед Талаш, партизанский атаман, носить такую форму? Она ему очень к лицу, и партизанам тоже нравится.

Мартын Рыль, опершись на локоть, лежит на пригретой траве. Мысль его блуждает где-то далеко.

— И когда же мы за работу возьмемся? Самое время сева,—громко рассуждает Рыль.

— Будем живы—и около земли походим, голубь, да, да! А теперь пускай жены да кто дома остался управляются с работой. Наша же, голубь, работа только теперь начинается.

— Теперь куда больше разгона!—оживляется Мартын.—Весной нам и сам чорт не брат! Знай только лес, да в нужный час из лесу выйти... А гляди ты—поляк, подлец, попер!

— Погоди немного, голубь, на рожон напорется,—многозначительно отзывается дед Талаш.

Трудно даже догадаться, на что намекает дед Талаш. Можно подумать, что он имеет в виду широкие партизанские операции. Оно так и есть. Но не на это только надеется дед. Он не терял связи с Красной армией, слышал от командиров, что много красных войск переброшено на юг, чтобы быстро добить Врангеля, а потом дойдет очередь и до белополяков. Между прочим и та рота, где был взводный Букрей, поехала на юг.

— А там кто-то вышел из лесу,—поднимает голову Мартын и показывает на лес по ту сторону поля.

Дед Талаш и Мартын вглядываются в даль. Человек остановился, осматривается.

— Видно, не наш,—заявляет Мартын.

— Узнаем: на дороге наш пост стоит,—спокойно отвечает дед Талаш.

Незнакомец переходит поле, идет размеренным твердым шагом.

— Будто где-то видел я этого человека: такая же самая фигура и такая же походка,—припоминает дед Талаш, но не может вспомнить.

— Может, Савка?—усмехается Мартын.

— Савка?.. Нет, это не Савка... А знаешь, Савка не такой уж пропащий человек. Вот ведь не сказал Василю про нас, хоть и вор, и конокрад. С ножом кинулся, бок пропорол. Жаль только, что на-смерть не заколол гада! А мы ведь с ним еще и не поквитались.

— А скажите, дядька Талаш, откуда вы узнали про этот сговор Савки с Василем и с его шайкою?

Дед Талаш несколько минут глядит на Мартына, молчит.

— Меня крепко просили не говорить про того человека, который выдал их заговор. Ну, а тебе я скажу: сказала это Авгиня, Василева жена.

Мартын слегка вздрогнул, но постарался скрыть от деда Талаша свое волнение.

— Интересно...—спокойно, даже безразлично отозвался Мартын. Да и что ему Авгиня?

— Только говорить ты про это никому не будешь?—спрашивает дед Талаш и хитро глядит в глаза Мартыну.

Мартын не успел ответить: со стороны леса послышались глухие шаги по мягкой почве. Из-за густой сосенки сейчас же выдвинулись две фигуры: часовой с карабином и незнакомец, тот самый, что шел дорогой через поле.

Глянул дед на незнакомца. На дедовом лице сразу засветилась улыбка. Быстро, точно молодой парень, поднялся на ноги и кинулся навстречу.

— Товарищ Невидный, здоровеньки булы!—на полесский лад приветствовал его дед Талаш.

На мгновение Невидный смутился: в новой одежде дед Талаш так изменился, что сразу трудно было его узнать.

— Дед Талаш?!—и крепко пожал деду руку.—Как хорошо, что я встретился с вами!.. А я иду и думаю: куда же это ведет меня товарищ?—и показывает на часового.

— Так я же вас не знаю, а проверить надо, что вы за человек,—деловито заявляет партизан.

— Правильно, товарищ, правильно.

А дед Талаш удовлетворенно улыбается: его воины знают службу. У них порядок, как в армии.

— Как вы попали к нам, товарищ Невидный?

— А я делаю обход своего района. Работы много. Надо на эту работу людей подобрать и поставить.

— Что хорошего слышали, видели?

— Да много чего видел. Дело наше растет... У вас что слышно?

Дед Талаш рассказал о событиях последнего времени.

Невидный слушал с восхищением.

— Так вы даром не сидели? Молодцы!

— Шевелимся помаленьку,—отвечает дед Талаш.—А сегодня у нас и совещание будет. Хотим понемногу из лесу выходить. И очень хорошо, что вы нас нашли. Вы скажете нам несколько слов о войне с панами.

— Очень рад буду поговорить с вами.

— Так давай, Мартын... Это мой верный товарищ, один из тех, что разоружали польский конвой,—теперь только отрекомендовал дед Талаш Невидному Мартына Рыля.— Давай, друже, народ скликать!

Мартын молча поднялся.

Невидный заметил, что у Мартына есть не только карабин, но и труба на боку на зеленом шнурке, солидная изогнутая труба, деревянная, самодельная, тщательно обвитая берестой. Подошел Мартын ближе к лесу, поднес трубу к губам, выставил немного вперед левую ногу и затрубил так, как трубят в лесу пастухи.

Громкий и довольно неприятный звук трубы поплыл по лесу и смолк. Через минуту где-то в глубине леса откликнулась другая труба. Дед Талаш слушал и кивал головой, показывая в ту сторону, откуда послышалась труба. Еще дальше и тише отозвалась третья. Дед Талаш, как видно, был очень доволен, слушая перекличку труб.

— Кому какое дело, что в лесу «пастухи» играют?—заявил он.

Не прошло и четверти часа, как из лесу начали выходить целые группы людей с карабинами, винтовками, обрезами, берданками, австрийскими и немецкими ружьями. Во главе отрядов стояли опытные в военном деле люди.

Воины были одеты и обуты как попало. На головах— старые солдатские шапки, которые видели на своем веку Галицию, Карпаты, Польшу и Германию. Кой-где виднелись старые гимнастерки и казенное кожаное обмундирование. Обуты были кто в сапоги, кто в штиблеты с обмотками, а кто в традиционные полесские лапти.

Группы все прибывали, толпа вооруженных людей росла. Наконец, когда все собрались, выступил дед Талаш:

— Товарищи партизанская армия! Пора нам за дело

взяться. Не по своей воле, соколы мои, скрываемся мы по лесам. Поднялась на нас панская сила. Посгоняли нас паны с нашей кровной земли, пожгли наши хаты, разорили наши бедняцкие дворы, разграбили наше добро. А за что? За то, что не захотели быть панскими батраками. Что стоим и стояли мы за большевиков, за советскую власть. Двинули паны на нас свое белое войско, чтобы отобрать землю, чтоб сделать нас крепостными и снова принудить работать на себя. Разве можем мы согласиться вновь быть панскими холопами?

— Долой панов!—грянули партизаны.

— Так не будем же скрываться по лесам и сидеть сложа руки! Есть у нас сила, и кое-что мы можем сделать. А что нам делать? Мы свяжем руки панам, заставим их держать тут армию. Будем нападать на их обозы, разрушать дороги, жечь их усадьбы, будем без пощады бить тех, кто стоит за панов. Поможем нашей Красной армии, пока не соберет она силу, и вместе с нею погоним панов, ксендзов и всякую нечисть!

После деда Талаша слово взял Невидный.

Митинг окончился присягой—драться до конца с панами, биться за освобождение трудящихся.

XXXII

Самыми тяжелыми и страшными для Савки Мильгуна были мгновения, когда выносил ему свой приговор дед Талаш. Если бы дед сказал: «Смерть Савке!»—это не так поразило бы его, как простые слова сурового человека.

Савка так измучился за время допроса и особенно, когда его вели показывать дорогу в лесу, что он совсем отупел и уже плохо воспринимал все дальнейшие события. Но тот момент, когда дед Талаш глянул ему в глаза, и его слова, которые даровали Савке свободу и жизнь, сильно потрясли Савку. И еще, что врезалось в память Савки,—Мартын Рыль, молчаливый, немного угрюмый, тот самый Мартын, которого намеревался продать Савка войту и его приятелям, подошел к нему, к Савке, и снял наручники с Савкиных рук...

Не поднимая глаз, с опущенной головой шел Савка из лесу. Суровые партизаны молча проводили его взглядами. И только у самого Савки вырвались слова, вырвались сами по себе, без всякого намерения:

— Простите меня, виноват я перед вами!

Он был сильно утомлен. Шел без определенной цели, куда глаза глядят.

Глухая ночь охватила старый лес. Смолкли людские голоса, скрылись огни, и Савка очутился в полном одиночестве. Долго блуждал он по лесу. Сухие ветви цеплялись за одежду, били по лицу. Ноги проваливались и вязли в снегу, он натыкался на пни, наконец выбрался на дорогу. Шел, пока не почувствовал, что дальше итти не может. Остановился, оглянулся по сторонам. Ночь, глушь, темное небо над головою, лес и болото вокруг.

«Иди, иди прочь!»

И он двинулся дальше, едва переставляя ноги, озираясь по сторонам. Недалеко от дороги, на болоте среди кустарника неясно вырисовывался черный силуэт стога. Савка свернул с дороги, подошел к стогу и остановился. Тут можно и отдохнуть. Вырыл в стогу нору и зарылся в холодное сено. Ему теперь больше ничего не надо, только бы лежать, лежать без конца и не двигаться... И Савка заснул крепким и тяжелым сном измученного человека.

Спал он долго, как убитый, и когда проснулся, было совсем светло, и день уже, видимо, начался давно. На мгновение Савка даже удивился, что он лежит в сене, но этот временный разрыв и пустота в его памяти быстро заполнились острыми воспоминаниями, и все недавние события стали перед ним в своей страшной действительности. Несколько минут полежал Савка в своей норе, чтобы немного очнуться и вполне притти в себя. Сон подкрепил его, страхи пережитой ночи при свете дня отодвинулись, утратили свою остроту.

Савка лежал и думал. В таком тяжелом положении он не был никогда. Вспомнилась камера допроса, следователи. Горе будет Савке, если попадется он им в руки! Его спросят, почему расстреляли польских агентов, а его оставили?

От этих мыслей Савку пробирала дрожь.

И почему он не вернулся, когда шел из лесу после свидания с дедом Талашем, и не рассказал Тимоху Будику всего? Этого Савка не может себе теперь простить. Тимох Будик, старый его знакомый, приковал к себе Савкины мысли. За Тимоха Будика ухватился он теперь, как хватается за кочку среди трясины человек, потерявший под ногами почву, чтобы опереться на нее руками и не уйти с головой в темный бездонный омут.

Несколько дней бродил Савка в Карначах и по их окрестностям, чтобы встретить Тимоха. Терпеливо караулил он дорогу, по которой не так давно вел его Тимох к деду Талашу. При случае расспрашивал кое-кого из карначевцев про Тимоха, но тот не показывался. Савка же не терял надежды найти Тимоха. Наконец ранним утром, когда еще не совсем рассвело, Савка осмелился зайти к Тимоху на двор.

Встретил он Тимоха на дворе, у клуни.

За эти дни Савка похудел и осунулся.

— Здорово, Тимох...—с виноватой улыбкой, стыдясь глядеть Тимоху в глаза, поздоровался Савка.

Тимох глянул на Савку и вздрогнул: перед ним стоял будто не Савка, а его тень с того света. Мгновение стоял он молча и неподвижно, потом подозрительно огляделся по сторонам.

«Откуда ты взялся, какая холера принесла тебя сюда и зачем?»—мысленно спросил Тимох Савку, а громко:

— Чего тебе надо?

— Не сердись, Тимох: я сейчас пойду. Хочу только поговорить с тобой. Я ищу тебя все эти дни.

Тимох глянул на Савку настороженно, почувствовал неясное беспокойство.

— А что тебе от меня надо?

— Я уж не так виноват, как вы думаете.

— Ну, что ж из этого? Тебя ж отпустили.

— Я хочу, чтоб вы знали правду.

Тимоху не все было ясно в этом деле, и поэтому он спросил спокойно:

— Какую правду?

— Я, Тимох, не буду оправдываться: я взялся за гадкое дело. Меня наняли войт и его товарищи, чтобы я стал фальшивым партизаном и доносил им про вас. Талашев Максим направил меня к тебе. Я расспрашивал Максима, как вас найти. Сначала он мне не говорил про вас ничего, а потом...

— А потом сам Талаш сказал Максиму, чтобы он показал тебе дорогу ко мне,—перебил Савку Тимох.

— Сам Талаш?—удивился Савка.

— И я тебе скажу правду: прежде чем ты пришел к нам в лес на разведку, мы знали все твои секреты и твой уговор с войтом.

Савка удивился еще больше, а Тимох еще подпустил туману в глаза.

— Чудак ты!—сказал он.—Мы все знаем. И что ты приведешь своих панов к нам.

Савка совсем растерялся и удивленно глядел на Тимоха. Теперь понял Савка, почему так дружно встретили в лесу «панов».

— Коли вы все знаете,—начал сбитый с толку Савка,— так вы должны знать и про то, что я отстал от войта и от своей службы у них.

— А с панами ты все-таки пришел,—заметил беспощадный Тимох.

Савка опустил голову: что скажешь против правды?

— Но ты, Тимох, не знаешь, чего мне это стоило. Я по своей воле ни слова не говорил про вас, никого из вас не назвал. Ни войту, ни там, на допросе. Но ведь меня мучили, меня пытали...

Но и эти слова не тронули сурового Тимоха.

— Значит, ты нетвердый человек,—сказал он.

И против этого довода ничего не мог возразить Савка.

— Тогда, когда я возвращался из леса, когда водил ты меня в шалаш, я хотел вернуться к тебе и признаться, что меня подослали войт и его приятели.

— Однако ты не вернулся.

— У меня не хватило смелости признаться: самому мне противно мое преступление. И я не думал, что все это так повернется. Подрался с ними. Войту бок ножом пропорол. Ушел было от них, вырвался. Кабы меня тогда не поймали и не отдали в руки палачей, я пришел бы к вам. Верно, пришел бы.

— Тогда бы другое дело было,—сухо отозвался Тимох.

Савка надеялся, что его признание хоть немного тронет Тимоха, что Тимох поймет его и поддержит. Но тот оставался холодным.

Разговор прекратился. О чем же еще говорить?

Савка постоял немного, потом сказал:

— Ну, я пойду...

— Ну что ж?..—равнодушно отозвался Тимох.

Савка замялся.

— Может, ты дал бы мне хоть кусочек хлеба на дорогу?— попросил он несмело у Тимоха.

— Что ж, можно... Пойдем.

Подошли к Тимоховой хате. Савка остановился у крыльца. Тимох вынес ему кусок хлеба. Савка взял хлеб, поблагодарил.

— Ну, будь здоров!

— Бывай!

Савка ступил шаг, остановился.

— Больше от меня никакой беды вам не будет. Не будет, Тимох. Мне стыдно теперь глядеть вам в глаза... Я искуплю свою вину перед вами, искуплю, чем смогу. Скажи это старому Талашу и Мартыну Рылю.

Савка расчувствовался. В глазах показались слезы. Он тяжело вздохнул.

— Человеком стать хочу,—сказал он.

— Ну-ну!—мягче отозвался Тимох.

В этом «ну-ну» Савка почувствовал нотку сочувствия, и ему стало легче. Высокая худощавая фигура его пропала в глубине двора, за постройками и деревьями. Тимох постоял немного, проводил его глазами.

«Может, и верно человеком будет»,—подумал он.

Довольно долгое время про Савку ничего не было слышно. Ни в Вепрах, ни в Примаках его не видели. О нем ходили противоречивые слухи. Одни говорили, что Савки в живых нет, что его убили партизаны. Другие доказывали, что Савку забрали поляки и задушили в остроге. Третьи держались того взгляда, что Савку и чорт не возьмет, что такие, как Савка, не пропадают. И они не ошибались.

Как только растаял снег и земля просохла, Савка вернулся тайком в свою хату и даже принес кое-какие гостинцы жене и детям. Он строго-настрого приказал детям и жене ничего не говорить про него, будто его и на свете нет. Дома собирал он вести про войта и его приятелей. Целыми днями Савка где-то пропадал и никому не показывался на глаза. Савка на уме держал важную комбинацию, над которой и ломал теперь голову. Савка не забывал сказанных на прощание Тимоху слов, что он хочет стать человеком.

Сперва Савка выследил места, где чаще всего собирались партизаны. Это составляло часть задуманного им плана. Зате он приступил к проведению в жизнь всей комбинации в целом. Для этого ему пришлось поработать большую часть ночи.

Без шума, как тень, вошел Савка на двор Кондрата Бирки. Прислушался—деревня спит глубоким сном. Биркин пес,

ублаготворенный Савкой, ласково помахал ему хвостом, а из хлева доносилось фырканье заводского жеребца, красы и гордости и утехи хозяина. Но ворота в хлеву были толстые и крепкие и заперты крепким внутренним засовом. Савка зашел с другой стороны хлева. У него уже был на примете камень, подпиравший стену хлева. Савка прилег, отгреб от камня землю и помаленьку выкатил его, а яму расширил и нырнул в нее. Через минуту он был в хлеву и гладил жеребца. А потом подошел к воротам и тихонько отодвинул засов. Без шума и скрипа растворил ворота, вывел жеребца на двор и помчался в лес.

Но Савкина работа была еще не кончена.

У войта и у Бруя было по паре хороших волов, откормленных, большерогих. И трудно было сказать, чьи волы лучше— войтовы или Бруевы, тем более трудно, что и сами хозяева не сходились в их оценке.

С волами дело было много легче. Савка начал по порядку. Выгнал сначала Бруевых волов. Потом задворками зашел во двор Василя Бусыги. Его как раз и дома не было. Еще с вечера поехал он к пану Крулевскому по делам. А дед Куприян лежал на полатях и подводил итоги прожитой жизни. Войтовы волы были более упрямы и не хотели среди ночи выходить из хлева. Но им показал дорогу и придал охоты бычок-годовик. Втроем они пошли веселей, а когда Савка присоединил их к Бруевым рогачам, то все они дружно двинулись в поход вместе с Савкой.

Еще до восхода солнца две пары волов, бычок и заводской жеребец были на месте. Савка пустил их на хороший корм, а сам пошел бродить по лесу. Его сейчас же задержал часовой и отвел в партизанский штаб.

А Савке этого как раз и надо было.

Удивились дед Талаш, Будик и Рыль, увидав Савку.

— С чем пришел?—спросил его дед Талаш.

— Не гневайтесь, дядька, и вы, братки: я привел вам жеребца, пригнал пару войтовых волов и с ними бычка да пару волов Сымона Бруя.

Дед Талаш, Мартын Рыль и Тимох Будик переглянулись. В глазах у них заискрилась улыбка.

— Савка остался Савкой!—смеялись они потом.

А Савка, выходя из леса, выше держал голову, чувствуя, что он сделал большой шаг вперед к тому, чтобы «стать человеком».

XXXIII

Однажды под вечер шла Авгиня из леса и несла за плечами большой мешок молодой травы. У матери, где жила она теперь с детьми, была телушка. Для нее и несла Авгиня траву. Шла она в стороне от дороги, так, чтобы не бросаться людям в глаза, особенно польским солдатам, которых недавно пригнали в Вепры: от них можно всего ожидать.

С мужем она ни разу не виделась. Хотя у матери жилось ей нелегко, но возвращаться к Василю она не думала.

Василь же ждал, что Авгиня, прижатая нищетой, затоскует по куску хлеба, сама придет и будет унижаться перед ним. С того момента, когда в его голову закралось подозрение, что она выдала секретный уговор с Савкой Мильгуном, он ждал только, чтобы она вернулась,—не для того, чтобы жить с нею, а поговорить как следует, а потом прогнать ее навсегда. Войт уже подыскивал другую жену. Он еще не стар. Только захотеть—за него пойдет любая.

Красный диск солнца врезывался уже в верхушки леса и раскинул огненные косы в глубине неба, разбрасывая розовые дорожки по земле, где еще не залегли тени леса, по крышам построек, по верхушкам кудрявых деревьев и по застывшим в вечерней тишине вепровским ветрякам. От болота тянуло прохладой и сыростью, и где-то далеко-далеко охала земля, и боязливо вздрагивали болота от глухих пушечных выстрелов. Этот грохот орудий напоминал Авгине о войне, и она чувствовала неясную тоску и страх перед неведомым будущим.

Авгиня остановилась. Сквозь ветви деревьев просвечивало уже вепровское поле, и сами Вепры выступали довольно ясно из легкого вечернего сумрака. Она уже хотела двигаться дальше, но осторожный, глухой шорох ветвей и легкий хруст гнилого валежника под чьими-то ногами в гуще кустарника заставили ее оглянуться. Она задрожала: из лесного мрака выступил темный силует высокого человека.

— Авгиня?—позвал ее низкий тихий голос, и что-то близкое, давно знакомое послышалось ей в этом голосе.

Она спустила на землю мешок, пытливыми глазами глянула на высокого человека и узнала его.

— Мартын!—вырвалось у нее.

— Я, я...—тихо отозвался он и подошел вплотную.

Он долго держал Авгинину руку, жесткую от работы, и глядел ей в глаза.

— Здорово, Авгинька!—Как давно я не видел тебя! А думал про тебя много все эти дни...

— Не стою я того, чтобы думать обо мне,—ответила Авгиня.

— А я вот думал... и буду думать.

Авгиня потупила глаза.

— А что думал ты про меня—хорошее или плохое?

— Да это и рассказать трудно. Думал, как увидеться с тобой, поговорить... поглядеть на тебя...

Мартын ближе придвигается к Авгине, говорит дальше. Авгиня опустила голову.

— Только говорить теперь обо всем этом не ко времени. Виновата я очень: на богатство позарилась. А счастье-то не в богатстве. Я была чужая для него, а он—чужой для меня. Надо было давно уйти от него.

— А почему же ты этого не сделала?

— Из-за детей, Мартын. Чем же дети виноваты?

— Значит, если бы он не выгнал тебя, так ты и сейчас жила бы там?

— Не знаю... Наверно, бросила бы, потому что я думала об этом. Жизнь для меня была не такая сладкая, как ты думаешь, Мартын, и ты знаешь, почему... должен знать.

— Нет, я этого не знаю,—сухо ответил Мартын.

Авгиня молчала. На ее лице отразились обида и смущение. Мартыну стало жалко ее.

— аА почему тебе несладко жилось? Ты же нашла то, чего искала. И что я должен знать?

— Я одна виновата и должна нести кару.

— Чем же ты виновата?

— Тем, что пошла за него замуж, не любя...

Авгиня помолчала и тихо прибавила:

— И пошла не девушкой. Ты ж это должен знать.

Теперь и Мартын стыдливо опустил глаза.

Они сидели на мешке с травой. В лесу уже стемнело. На весеннем чистом небе мигали далекие холодные звезды.

— Ты не сердись на меня, Авгинька,—ласково сказал Мартын и положил руку ей на плечо.—Я много думал о тебе. Ты не выходишь из моей головы. И, наверно, никто не любил тебя так, как я. Я и теперь люблю тебя,—сказал он совсем тихо и обнял ее.

— Не надо этого, Мартын...—встревоженно сказала Авгиня и рванулась, чтобы освободиться из его объятий.

— Почему?—спросил Мартын.—Я же люблю тебя.

— А что скажет Ева?

Напоминание о Еве охладило Мартына. Он даже немного отодвинулся от Авгини. Ева была добрая и тихая женщина, и он жалел ее.

— Давай лучше так поговорим. Я давно не видела тебя и думала о тебе, быть может, больше, чем ты обо мне. Я тоже люблю тебя. И одна я, Мартын, совсем одна! Мать моя хоть и не говорит мне, а хотела, чтобы я вернулась к Василю. А я не хочу и не вернусь к нему никогда. Буду жить одна с детьми. И кого я еще люблю—Алесю. Она же твоя дочка, Мартын... Василь возненавидел ее как чужого ребенка. Она это чувствовала и дрожала перед ним. У нее два отца, а она не знает отцовской ласки. А какая она тихая и добрая!

— С чего же у вас началось? За что он тебя выгнал?

— Ну, как тебе сказать? Ладу у нас не было никогда. Он меня часто попрекал тобой. Началось же все с приходом поляков. Дальше—больше. Ходила я потихоньку к бабке Талашихе, хотелось же мне от нее и про тебя услышать. Тяжело мне стало, Мартын, жить с человеком, который начал топить людей, наводить полицию. Раз он проследил меня, как выходила я из Талашевой хаты. Вот он вбежал в хату, как только вернулась я, и давай допытываться, чего я туда ходила...

Авгиня подробно рассказала, как произошла и чем кончилась ссора.

— А ты знала,—спросил Мартын,—про его уговор с Савкой?

— Знала.

— Ты, Авгиня, большую услугу оказала нам.

— А скажи, Мартын, что будет с этой войной? Неужто так и останутся тут поляки? И вы будете все время прятаться по лесам?

— Погоди, Авгинька, потерпи. Покатятся поляки отсюда, только пятки засверкают.

— А куда ты идешь, Мартын?

— Хочу домой забежать, поглядеть, как они живут.

— Не ходи, Мартын. В деревне солдаты польские.

— А чорт их бери! Ты проводишь меня. Я возьму твой мешок, и мы пойдем помаленьку, как ходили когда-то с Припяти.

— Я боюсь за тебя, Мартын!

— А ты не бойся, Авгинька.

Мартын взял мешок, прикрыл им карабин, и они пошли в Вепры.

На прощанье Мартын сказал Авгине:

— Смотри за Алесей.

— Ну, будь здоров, Мартын! Только осторожней, кабы не поймали.

Она хотела уже итти, но Мартын удержал ее за руку.

— Авгинька! Может, я больше и не увижу тебя. Простимся по-настоящему...

Мартын приблизил ее лицо к своему и поцеловал ее.

XXXIV

Некоторое время на партизанском фронте было затишье. О партизанских выступлениях не было никаких слухов. Сами поляки и их сторонники—хуторяне, разные арендаторы и богатеи—радовались и утешали себя, что партизанщина в связи с победным белопольским наступлением окончилась. Но как-то ночью, во второй половине апреля, в разгар белопольского наступления ночное небо окрасилось багровым блеском в разных концах. Зловещий багрянец огненными снопами раскинулся по небу, как взмахи крыльев гигантской птицы. Кроваво-огненные снопы и неподвижные бледнорозовые столбы сверлили ночную тьму.

Из поредевшей тьмы выступили неясные контуры лесов, раскинутых на далеком горизонте, постройки, одинокие деревья около них. Встревоженные этим необычайным явлением собаки заливались тревожным лаем и жутко выли, как бы предчувствуя беду.

Люди просыпались, глядели в окна, пораженные, выбегали на двор и в страхе глядели на грозные зарева пожаров. Удивлялись, что их так много, и старались отгадать, где, чье горит. Тревога овладела всеми. А оттуда, где люди жили в близком соседстве с пожарами, глухо доносился шум огненного потока, и видны были языки пламени и целая метель искр. Там было еще страшнее.

В глубоком сне покоится усадьба пана Длугошица, где зимою было так шумно и весело, где гремела музыка и веселилось дворянство вместе с шикарным офицерством.

Тихо в усадьбе пана Длугошица. Но в этой тиши в темных углах двора мелькают неведомые люди с ружьями и гранатами. Там и сям вспыхивают огоньки. Слышится условный свист.

Свист повторяется в разных концах двора. Неизвестные, пришлые люди выходят со двора и направляются в лес. В усадьбе в разных местах вырастают огни, поднимаются вверх, вспыхивают, с большей и большей силой освещают двор, сад и кровавым отблеском ложатся на каменные стены высокого замка. Небольшая группа темных силуэтов идет к лесу. Скрывающий их полог тьмы расступается все больше и больше, и скоро все поле, залитое заревом пожара, вырывает из мрака группу человек в семь. Они уже у самого леса. А когда вошли в лес, остановились и поглядели на двор пана Длугошица. Бушует огонь, выбрасывает целые потоки пламени высоко в воздух.

— Ну, хлопцы, работа сделана, как на заказ,—говорит один и смеется.

— Пойдем!—отзывается другой.

Шесть человек ныряют в лес и тут же пропадают из глаз, а Тимох Будик остается один, идет на опушку леса и глядит, как бушует огонь.

Как высокое золотое жито под ветром, колышется пламя, то расстилаясь понизу огненными космами, то яркими лентами взвиваясь вверх, выбрасывая огромные столбы яркого вверху и черного внизу дыма. Буйство пожара находит живой отклик в Тимоховой душе, познавшей теперь высший экстаз радости при виде разрушения этого змеиного гнезда. По мере того как ширилось пламя, как оно обвивало и лизало своими жгучими языками соседние деревья и постройки, вырывая из крыш и вскидывая высоко в небо громадные жгуты истлевшей соломы и миллионы искр, росло упоение Тимоха. Но по его лицу проскальзывает по временам и забота и снижает полноту его торжества. Тимох тревожно переводит глаза на гордый панский замок. Залитый блеском пожара, он стоит, высоко вознося свою башню, и глядит грозно и презрительно на этот бешеный водоворот огня. Неужели Тимох ошибся и дал маху в поджоге этого ненавистного панского идола? Тимох всматривается, глядит напряженнее, на мгновение как бы замирает. С его лица сходит тревожная озабоченность, проблески дикой радости излучают его темные блестящие глаза: из высокой башни замка, как из гигантской трубы, быстро поплыл вверх белесый дым, густея и становясь все более темным. Вспыхнули огоньки в окнах дворца. Огни золотыми разливами побежали, поплыли живые блестящие струйки вверх.

Вдруг его чуткое ухо уловило топот конских копыт. Глянул Тимох в ту сторону,—дорогою и полем от пылавшего в огне замка пана Длугошица мчались польские уланы. Доскакав до леса, они веером рассыпались по его опушке по ту и другую сторону дороги. Группа всадников человек в двенадцать ехала отдельно, тесно сбитой кучкой. Это были по преимуществу офицеры. Группа направилась в ту сторону, где сидел Тимох Будик.

«Наверно, будут оцеплять лес, чтобы ловить поджигателей,—подумал про себя Тимох.—А что, если послать им с дуба гостинец?»

Тимох достал из-за пояса гранату и принял позу поудобнее, чтобы метнуть ее, улучив подходящую минуту. Держась одной рукой за ветку, Тимох размахнулся, высоко подбросил гранату навстречу подъезжавшим и с замиранием сердца ждал, спрятавшись за широкие плечи богатыря-дуба. «Раз... два... три...»—считает Тимох и вдруг вздрагивает: грянул взрыв. Содрогнулся гигант-дуб. Со звоном и с пением полетели осколки гранаты. Рванулись испуганные кони, наскочили один на другого. Один качнулся и бессильно грохнулся вместе с всадником. Как ошалелые, мчались лошади, одни—с всадниками, другие—волоча их по полю головой вниз. Теперь только опомнился Тимох и почувствовал всю бессмысленность своего поступка. А может быть, это ему и помогло. Во время сумятицы и переполоха он скользнул вниз, кинулся в лес и побежал в чащу, цепляясь винтовкой за сучья и ветви.

Война не прекращалась. Чтобы ослабить польский удар на киевском направлении, части Красной армии, которые занимали район Полесья, перешли в контрнаступление. В состав этих частей входил и батальон товарища Шалехина. Дед Талаш со своими партизанами поддерживал связь с этим батальоном. Но с наступлением белополяков и отходом Красной армии связь оборвалась. Дед Талаш очутился уже в глубоком тылу польского фронта и вел свои боевые операции самостоятельно или по указанию подпольных коммунистических организаций. Теперь его отряд насчитывал около двухсот бойцов, вооруженных винтовками и несколькими пулеметами. Правее в этом же районе орудовала группа партизан Марка Балука, которая насчитывала в своих рядах добрую сотню бойцов.

Полесская, или Мозырская, группа Красной армии выбрала участок для контрудара на линии Кривцы—Высокое, куда подтянула войска и орудия. Двадцатого апреля на рассвете гулко загрохотали красные батареи. Несколько часов гремели орудия, и отзвук их грома далеко расплывался по болотам и лесам, докатывался за ту сторону Припяти, до оккупированной части Полесья, разнося весть о наступлении Красной армии. После короткой, но напряженной артиллерийской подготовки стремительным потоком ринулись в атаку пехотные части красных бойцов. Загорелся упорный встречный бой. Поляки напрягали все силы, чтобы отбить атаку и удержать свои позиции. Боевые цепи их шли одна за другой, но их косил орудийный и пулеметный огонь. Силы их были подорваны. Они заколебались и покатились назад, бросая оружие, убитых, раненых и сдаваясь в плен. Им не давали опомниться и гнали к Припяти. Задача контрманевра Красной армии заключалась в том, чтобы коротким ударом отбросить поляков за Припять, на их плечах перейти ее, обеспечив переправу и плацдарм на западном берегу Припяти для развертывания своих сил в целях дальнейшего наступления. Разгромленные, смятые части польской армии уже не пытались остановить напор наседавших полков Красной армии—они думали только о том, чтобы вырваться из сжимавших их клещей и благополучно отступить за Припять.

Весть о наступлении Красной армии донеслась и к партизанам.

Командиры отрядов немедленно обсудили вопрос о помощи Красной армии и полном разгроме отступавших поляков. Дед Талаш со своим отрядом спешным маршем двинулся к Припяти, чтобы занять переправу и помешать полякам укрепиться на правом берегу. Балуку было поручено стеречь коммуникации польского тыла и всеми мерами задерживать польские резервы из тыла, чтобы не дать им своевременно притти на выручку своим. Дед Талаш во главе полутора сотен партизан вскоре уже был в районе Высокой Рудни, где предполагалась переправа поляков через Припять, и занял фланговую позицию на высоком правом берегу Припяти. Эта позиция загораживала полякам путь отступления по единственно удобной в этом районе дороге на Ставок—Карначи. Авангард их уже вышел на правый берег, километрах в полутора от того места, где заняли позиции партизаны. Переправлялись они и на понтонах, и по мосту. С того берега гремели наши

орудия. Снаряды падали в Припять по обе стороны переправы, вздымая высокие фонтаны, залетали на этот берег и наводили панику среди отступавших. Поляки густой колонной двигались по мосту и понтонам, теснились, срывались и бросались в глубокие воды Припяти. Переправив несколько пушек, они спешно повезли их на позиции на высокий берег, где залегли партизаны.

Подпустив их на близкое расстояние, дед Талаш, забыв от волнения, как подается военная команда, крикнул попросту:

— Лупи их, хлопцы!

Грянул треск дружного залпа, застрекотали пулеметы, один и другой. Не ждали поляки с этой стороны врага и не знали, кто он. Кинулись назад, бросив пушку, бежали, падали и не подымались. Ринулись партизаны к пушке, захватили ее вместе с двуколками и со всей упряжкой. Нашлись старые солдаты-артиллеристы. Пушку повернули в сторону поляков и начали бить по ним. Поляки побросали оружие, пушки и беспорядочной толпой, не слушая своих командиров, бежали кто куда, в лес.

Неожиданный контрудар Красной армии, нанесенный с такой силой, раскатами грома разнесся по тылам и встревожил польский генеральный штаб. Но высшее польское командование не потеряло головы. Срочно и энергично оно занялось ликвидацией прорыва на своем фронте, бросив все, что можно было бросить из тыловых резервов и из частей, предназначенных для других участков фронта. Уже на другой день части Красной армии встретили жестокое и упорное сопротивление. Польские подкрепления шли со всех сторон. Горячий, напряженный бой кипел в лесах, пересеченных болотами, на околицах и на улицах деревень. Части Красной армии, в несколько раз уступавшие в силе противнику, принуждены были остановиться и отступить. Некоторые части, батальоны, роты бились самостоятельно, без общего оперативного руководства. В особенно тяжелое положение попал батальон Шалехина, зажатый поляками в вилку между Припятью и примыкавшим к ней озером с топкими берегами. Измученный беспрестанными боями и походами, не имея ни провианта, ни патронов, батальон стойко бился до последнего патрона, отражая атаки врага штыками.

Была глубокая ночь. Сквозь ветви деревьев скупо пробивался тоскливый блеск месяца. Утомленные бойцы окопались на мысу и с тревогой ждали недалекого утра. Большая

часть их спала, прикорнув около деревьев. Под развесистым дубом приютился командный состав батальона: Шалехин, три ротных командира и начальник пулеметной команды. Измученные, они угрюмо молчали, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами.

— Дело швах!—говорит начальник пулеметной команды.

— Ты бы сказал что-нибудь новое,—угрюмо замечает один из ротных командиров.

— По-моему—попробовать пробиться,—говорит другой.

— Если бы для этого оружием служил кулак, так, может, и пробились бы,—отзывается командир второй роты.

— Куда пробиваться?—спрашивает пулеметчик.

— Так что же, по-твоему? Сдаваться в плен?—сердито осаживает его Шалехин.

Он деловито чешет затылок и крепко ругается, ни к кому не адресуя своих крепких слов.

Командир первой роты некстати тихо напевает старую песню, когда-то модную в царских казармах:

Бывали дни веселые,
Гулял я, молодец...

— И догулялся,—иронически замечает пулеметчик.

Шалехин думает и придумать ничего не может. Он нервно кусает губы. В таком скверном мешке он не был никогда. Ему стыдно перед батальоном, перед рядовыми бойцами, доверившими ему свою воинскую честь и славу.

Утомленный Шалехин не спит. Не спят командиры. Безнадежные мысли заползают в сердце, но никто о них не говорит.

Шалехин вдруг поднимает голову: послышалось ему или это просто галлюцинация слуха? Он кладет руку на наган, прислушивается. Чьи-то осторожные шаги, будто кто-то крадется. Подымает голову и командир первой роты, высокий, сухой, с глубоко запавшими глазами. Они вглядываются в темноту ночи, еще более густую под навесом ветвей. Приземистая фигура человека выплывает из тьмы.

— Товарищ Шалехин!—тихо окликает темная фигура.

Комбат приподнимается.

— Кто меня зовет?

— Я, Талаш,—отвечает темная приземистая фигура.

Шалехин порывисто встает, кидается к деду Талашу.

— Батька, это вы?

И крепко жмет старому руку.

— Не печальтесь, товарищи.

— Так ты будешь наш большевистский ангел!—слышится чей-то радостно-шутливый голос.

— Зовите начальников, собирайте бойцов—и в поход.

— В какой поход?

— Тссс!..—унимает дед Талаш громкий голос пулеметчика.—За мной, на Припять. Мой флот и мои матросы ждут вас,—торжественно-шутливо говорит старый атаман.

Минута—батальон на ногах. Бесшумно, как тени, скользят к Припяти. Бесконечная линия челнов и лодок упирается в берег острыми носами. Погрузили в лодки все пулеметы. Сели бойцы. Суровые и молчаливые перевозчики с винтовками и гранатами отчаливают без шума, плывут некоторое время вдоль берега, а потом поворачивают и благополучно пристают к другому берегу.

XXXV

Обновилась, ожила земля.

Многоголосый, разнообразный поток жизни заливает каждую пядь ее, леса, поля, болота и наполняет неумолчным звоном прозрачный воздух. Оделись деревья новой зеленой одеждой, и такую важную, полную мудрого смысла беседу ведут дерево с деревом, листок с листком, былинка с былинкой. Перекликаются птицы, букашки, и их голоса сливаются в одну дивную симфонию весны.

Невысокий худощавый человек прислушивается к звону и песням, которые сопровождают его по окраине леса.

Жизнь его полна опасностей. Каждый день, каждый час таят в себе скрытый подвох и измену. И много было у товарища Невидного напряженных моментов, когда свобода и жизнь его висели на тоненькой паутинке. Мог бы он рассказать много интересных происшествий за время подпольной работы в оккупированной зоне. Раскинули сети дошлые спецы польской полиции. Но ему помогает беднота. Она его любит и верит, как своему человеку. Она охраняет его, предупреждает, прячет, вырывает из рук добровольных сыщиков вроде Бусыги.

Дорога спускается в лощину, потом вновь подымается на горку. Невидный идет дальше. Перед ним раскрывается круглая поляна, а на поляне виден небольшой хутор. Невид-

ный хочет свернуть с дороги в сторону, чтобы не быть замеченным. Но вдруг навстречу ему появляются сразу трое мужчин. По одежде—местные крестьяне. Невидный немного смутился: в их наружности и во взглядах, брошенных на него, слишком уж внимательных, ему показалось что-то не совсем ладное. Но сворачивать в лес было уже поздно. Невидный идет навстречу им, стараясь ничем не выдать своего беспокойства.

— Паночек, нет ли у вас огня?—вкрадчиво-почтительно спрашивает его один, с тронутым оспой лицом, и для большей естественности своего вопроса показывает скрученную из газетной бумаги цыгарку.

Все трое останавливаются, причем двое других становятся по бокам Невидного.

«Шпики»,—молнией промелькнуло в голове Невидного.

— Огонь должен быть,—беззаботно-спокойно отвечает он и обшаривает карманы, задержав правую руку на рукоятке браунинга.

Те, которые стояли по бокам, переглянулись, глазами подали знак один другому: «Бери его!»—и вдруг бросились на Невидного. В мгновение ока Невидный выхватил браунинг и выстрелил, не целясь, в того, кто был слева. Сыщик упал на землю. Но это была только хитрость: пуля пролетела мимо, пробив ему одежду и чуть задев кожу на боку. Другой в тот же момент схватил Невидного за руку ниже локтя и крепко сжал ее. Изрытый оспой бросился наутек. Упавший сыщик молнией вскочил на ноги схватил руку Невидного с браунингом и так сжал ее, что пальцы разогнулись, револьвер выпал на землю.

Между ними началась страшная борьба.

Невидный вырывался изо всех сил, чтобы освободить руки, но сыщик держал его крепко и старался повалить.

— А, проклятый большевик!—хрипел он.

Другой рванул Невидного за ногу, и тот упал. Из лесу выбежали еще двое, в военной форме. Невидного топтали ногами и били, но с таким расчетом, чтоб оставить живым. Избитый и окровавленный, Невидный лежал неподвижно. Его перестали бить, обыскали карманы, надели наручники. Из усадьбы подъехала подвода. Невидного бросили в повозку и повезли под конвоем трех польских агентов.

Только в дороге, спустя некоторое время, Невидный очнулся и пришел в себя, но он не показывал этого сидевшим рядом с ним агентам. Как видно, они мало беспокоились за жизнь

своей жертвы. Невидный старался припомнить, что из документов попало в руки его палачей. Таких документов, которые могли бы повлечь за собой аресты других, Невидный не имел обыкновения носить при себе. При нем было несколько брошюр военного агитпропа, направленных против белопольской оккупации, воззвание к бедноте. Это его успокоило. Его мучила жажда, но он терпел. Агенты пробовали заговаривать с ним, но он молчал и не глядел на них.

Об аресте опасного «преступника» были немедленно оповещены высшие органы. Оттуда распорядились доставить Невидного глубже в тыл. Несколько дней пересылали Невидного из тюрьмы в тюрьму под сильным конвоем, где пешком, где подводами и, наконец, по железной дороге.

Тюрьма была темная и мрачная. Невидного ввели в контору, сдали по документам, в которых был означен характер «преступления»: «подпольная работа», организация «разбоя» и разжигание среди населения ненависти к власти. Его обыскали и под сильным конвоем тюремных сторожей повели в одиночную камеру, которая помещалась в нижнем этаже угловой тюремной башни. Сотни арестованных за участие в революционном движении наполняли тюрьму. Их бледные измученные лица показывались в окнах за железным решотками во всех этажах тюрьмы.

— Откуда, товарищ?

— За что?—слышались мужские и женские голоса.

— Из Полесья!

— Молчать!—крикнул Невидному тюремщик и ткнул его в плечо, а часовые, находившиеся во дворе тюрьмы, винтовками грозили заключенным и с руганью отгоняли их от окон.

С ржавым скрипом раскрылись грузные железные ворота. Темным коридором подземелья, где смутно светились огоньки фонарей, а рядом помещались карцеры и разные клетушки-камеры, повели Невидного в угловую башню. Прошли коридор, повернули в тесную щель, в узкий проход между толстыми каменными стенами, прошли еще одни двери, и Невидный очутился в круглой маленькой камере. В камере было пусто, холодно и сыро. На цементном полу стоял деревянный топчан, а высоко под потолком было небольшое оконце, закрытое железной решеткой. Через него скупо пробивался свет в камеру.

Тюремщики вышли. Загремел ключ в замке, двери тяжело захлопнулись, и Невидный остался один, отрезанный от

мира, людей и свободы. Он присел на голый топчан, оглянулся... Тупик. Дальше хода нет...

Долго ходил он по камере и думал. Утомленный ходьбой, мыслями и всеми переживаниями последних дней, он прилег на голый топчан и заснул тяжелым сном измученного человека.

Звон ключа в замке разбудил Невидного. Сразу же вспомнил он жуткую действительность. В камеру вошли три тюремщика.

— А ну, подымайся!—грубо толкнул его один и повел на допрос.

Невидный с интересом глядел на следователей. Было их тут двое. Один собирался записывать, другой должен допрашивать. Невидный поглядел на писаря и подумал: «Много ты не напишешь».

— Кто ты, и как твоя фамилия?—был первый вопрос.

— Революционер. Фамилии не имею.

— Невидный—это твой псевдоним?—спросил следователь.

— Так называю себя сам.

— А фамилию ты сказать не хочешь?

— Считаю, что не нужно.

— О том, что нужно и что не нужно, судить не тебе.

— Я думал, что в «демократической» панской Польше право судить дано всем,—иронически заявил Невидный.

— Цо можны воеводе, то не тобе, смроде[1],—так же спокойно ответил следователь.

— Поистине демократическая поговорка,—засмеялся Невидный.

Следователь начинал злиться.

— Мы о тебе имеем много документальных материалов,—начал он.—Твое преступление нам прекрасно известно, и запираться тут не имеет смысла. Нам известно, что ты на территории Польши, на территории, завоеванной польской армией, вел преступную, подрывную, анархо-большевистскую работу, направленную к свержению польской власти и организации холопских банд для вооруженного выступления. При чем эту преступную деятельность ты вел в полосе, которая находится на военном положении. Тяжесть кары за все эти преступления может быть уменьшена, если ты скажешь, кто твои сообщники.

---

[1] Что можно воеводе, то не тебе, смерду.

— Вы хотите это знать?—подчеркивая слово «это», спросил Невидный.

— Да, это.

— Сообщников у меня много. Если б я назвал тех, кого я знаю лично, то это была бы какая-нибудь миллионная часть их. Мои сообщники—восставший против социальной несправедливости, вечного гнета и эксплоатации народ, многомиллионная масса трудового крестьянства и рабочих. Мои сообщники—миллионы угнетенных Польши...

— У нас тут не большевистский митинг,—остановил Невидного следователь.—Очень уж много твоих соучастников. Нас интересуют как раз те, которых ты знаешь лично, участники твоей преступной деятельности.

— Я их не назову.

Следователь блеснул галазами.

— У нас есть способ развязать тебе язык.

— Я слышал.

Тогда следователь сказал:

— А ты все-таки подумай. Даем тебе десять минут на размышление.

Невидного вывели в коридор.

Через десять минут его снова привели на допрос. На вопрос следователя о результатах размышления он сказал:

— Больше ничего вам не скажу.

На рассвете третьего дня заключенные слышали шум в угловой камере. Десятки бледных людей приникли к железным решоткам, глядели на темную группу людских силуэтов, выводивших за ворота невысокого худощавого человека в последний этап его мучений.

Невидный заметил бледные тени в окнах тюрьмы. Он нашел в себе силы громко сказать им:

— Прощайте, товарищи! Да здравствуют Советы!

XXXVI

Когда части Красной армии перешли Припять и подходили к деревням Примаки и Вепры, Василь Бусыга и его приятели переживали тревожные дни.

А что, если паны прогорят? По мере колебания самого фронта колебались и их настроения. Безнадежные мысли их уходили, когда верх брали поляки. Особенно настроение их под-

нялось тогда, когда части Красной армии вынуждены были вновь отойти за Припять и пришла весть, что поляки взяли Киев. Еще больше повеселели Бруй и Бирка, когда войт привез известие, что против партизан деда Талаша поляки высылают войско, что во главе его становится сам поветовый комиссар пан Крулевский. Пан Крулевский—офицер, он хорошо знал местность, а его поместье тоже освещало небо в ту страшную ночь.

Весть о карательном батальоне пана Крулевского не минула деда Талаша и его воинов. Партизаны имели прекрасную информацию обо всем, что предпринимали враги. Каждый польский налет, каждая экзекуция, выколачивание продуктов и податей, появление где-нибудь в деревне польской полиции, польских солдат—все это становилось известным партизанам, и они реагировали внезапным появлением там, где их не ждали.

В глухом лесу, окруженном неприступными болотами, состоялось совещание партизанских атаманов и их помощников. Дед Талаш говорил:

— Товарищи громада! Надвигается беда на нас. Посылают польские генералы на нас войско, целый батальон, а командиром поставили пана Крулевского. Сказали ему: «Что хочешь, а отряд уничтожь, всех, до единого человека. А ихнего атамана, старого Талаша, и остальных командиров приведи живьем». Вот, товарищи громада, с чем идет на нас пан Крулевский. У его отца я пас скот, а сынок хочет, чтобы я на старости кормил вшей в тюрьме, а потом поиздевается надо мной и над нашими командирами и тогда уже избавится от нас. Так как же быть, товарищи громада?

Дед Талаш желает знать настроение войска.

— Перебить их, как бешеных собак!

— А пана Крулевского на осине повесить!—загудела толпа.

— Так будем воевать с ними?

— Воевать, биться до последнего человека!

— Так, так. Спасибо вам, товарищи громада! Так будем воевать. У нас уже есть свои соображения, как воевать. Только здесь я вам не буду говорить про них: и сосны могут иметь уши.

— Мы верим тебе и нашим командирам, батька!

Дед Талаш снял шапку.

— Так старайтесь же, соколы! Зорко смотрите, внимательно слушайте и делайте все, что скажут вам командиры.

— Будем смотреть, будем слушать и будем делать все так, как нам скажут!—дружно откликнулись партизаны.

Тайно выступил в поход пан Крулевский во главе своего батальона с четырьмя легкими орудиями и пулеметами.

Савка Мильгун, скрываясь дома, прослышал о карательном батальоне. Страх попасть в панские руки вынудил его уйти в лес. В ту же ночь он собрался, положил в берестяную котомку хлеба и в полночь двинулся в дорогу. Уже около леса его окликнул часовой и приказал остановиться. «Нашли дурака—остановиться,—сказал про себя Савка и так пустился в лес, что только ветер засвител в ушах. Солдат выстрелил. На восходе солнца Савка был уже далеко от Примаков и сидел в дупле старого дуба. Это укрытие ему очень понравилось. Ему только пришла в голову страшная мысль: а что, если поляки подожгут этот дуб? У Савки не было определенного плана. Планы и комбинации являлись у него внезапно, под влиянием тех или иных событий. Так вот и теперь он не пошел бы в лес и не залез бы в это дупло, если бы не карательный батальон.

Первый день боевых действий батальона пана Крулевского не дал никаких результатов. Разведка, посланная в лес, не вернулась. То ли она заблудилась, то ли попала в партизанскую засаду, то ли просто дезертировала. Пан Крулевский отдал приказ батальону продвинуться глубже в лес и занять новую позицию. Сам он со своим штабом занял центр позиции. Одной группе он приказал рассыпаться в боевую цепь, охватить часть пущи и пройти ее, держа направление на центр позиции. Пан Крулевский рассчитывал, что боевая цепь, пройдя пущу, запугает партизан и они будут уходить в другое крыло, а этот путь он заградил своим отрядом. Вот тут, думал он, и будет им баня! Такой маневр больше подходил для облавы на зайцев, по части которых пан Крулевский был спец, чем для войны с партизанами. Не дал желанной встречи с партизанами и второй день. Но в этот день произошло интересное событие: разведка задержала в лесу очень странного и подозрительного человека,—не то нищего, не то придурковатого бродягу. Сидел он у дороги под деревом и дрожал. Одетый в лохматья, обвешанный котомками, с длинной ореховой палкой, он по внешности напоминал лесного гнома, и особенно удивительна была его сбившаяся седая бородка.

— Ты кто такой?—спросили его солдаты.

— Никто. Человек.
— Откуда идешь?
— Из Петрикова.
— Куда идешь?
— Никуда.
— А чего ты дрожишь?
— Напугали меня.
— Кто напугал?
— Не знаю. Может—люди, а может—и черти.

Его повели к пану Крулевскому.

— Откуда ты?
— Из леса. Откуда же я?—спокойно ответил дед и плюнул несколько раз. Он опустил голову и, видимо, что-то про себя думал.
— А ты же сказал, что идешь из Петрикова?
— Ну да, из Петрикова,—кивнул головой дед.
— А теперь ты говоришь, что идешь из леса?
— Ну, и из леса.
— А кто напугал тебя?
— Напугали, ой, напугали!—оживился дед и сплюнул раза два.
— Кто напугал?
— Ну, кто же? Они, черти... Из трясины вылезли. А трясина там большая. Люди не ходят по ней. Ступишь на нее, так уж наверх не выберешься. Нет, не выберешься.
— Расскажи нам про них подробно. Мы никогда не видели чертей.
— Брось, панок, спрашивать про них: сниться, поганые, потом будут.

Но деда уговорили рассказать про чертей.

— Иду я, мои милые паночки,—начал старик,—вдруг глядь—выходит один, да такой же страшный, черный! А на груди у него монисты навешаны. С виду как будто человек, только откуда же там человеку быть? Такие эти дебри, трущобы глухие, неба из-за леса не видно, а по сторонам болото. Страх меня охватил. Стою, гляжу. И вдруг как выскочат из болота, да как загогочут, увидев меня,—мороз подрал по коже! Бросился я наутек, прятаться. А они—за мной. «Стой!»—кричат. Догнали меня, окружили. А у меня в глазах туман. «Кто ты такой? Куда идешь? Кто подослал тебя сюда?» И все напирают, как я в ихнее пекло попал. Пустили меня... «Иди,—говорят,—да смотри, никому не

говори, что видел тут. Расскажешь—в топь бросим». И только как пустили меня, вспомнил тогда, что я крещеный человек. Стал я креститься да молитву шептать.

— Лжешь, галган!—крикнул пан Крулевский и схватил старика за бороду.

И борода осталась у пана в руке.

— Что ж ты скажешь теперь?—спросил его пан Крулевский, сунув в нос безбородому деду комки елового моху.

Переодетый партизан молчал.

— Ты пришел шпионить? Признавайся, лайдак!

— Панок, признаюсь!—бухнулся в ноги пану Крулевскому пойманный партизан.—Меня послали на разведку. Вот я себе и думаю: дай пойду, только назад не вернусь,—сбегу домой и брошу все это. Разве ж мы, простые мужики, можем воевать с таким войском, как польское? А когда прослышали, что против нас идет сам полковник пан Крулевский, так на нас напал страх, и начало наше войско разбегаться. А остальные позалезали в такие трущобы, что скорее с голода подохнут, чем их там найдут.

— А, пся мать! Теперь только поумнели,—не унимался пан Крулевский.

Но он стал значительно мягче, когда услышал такую аттестацию польскому войску и когда его назвали полковником,—он был в чине капитана.

— А для чего же ты нищим переоделся?

— Паночек, думал, что нищего не остановят: нищих много теперь ходит.

— Не верю, пся крев!

— Панок! Правду говорю! Пускай не увижу я ни света, ни детей, если вру! Опостылело мне все это.

— А ты покажешь мне то место, где прячутся ваши разбойники?

— Боюсь, панок: все равно убьют меня, если узнают. Я лучше расскажу, как пройти туда.

— Нет, ты должен показать сам свое гнездо,—не отступался пан Крулевский.—Не пойдешь—тут же прикажу расстрелять тебя.

Разоблаченного партизана взяли под строгий конвой. Как ни отбояривался он, а принужден был показать место стоянки партизан.

В связи с этим пан Крулевский составил новый план. Двум ротам приказал занять все проходы, а сам с главными

силами двинулся к болоту, где скрывались партизаны. Продвигались довольно медленно. Взятый под стражу партизан добросовестно показывал дорогу.

Пройдя километров пять, разведка донесла, что в лесу найдены остатки свежего костра и утоптанное место около него. Около костра были найдены и остатки пищи: корки хлеба, шелуха от картошки. Пан Крулевский сам осмотрел это место. Проводник подтвердил, что это партизанский костер, и даже сказал, что неподалеку еще есть несколько таких мест. Все его указания подтверждались. Движение войск еще более замедлилось, и проводник сказал, что место, где скрываются партизаны, уже недалеко.

А лес делался все более и более глухим. Чаще попадались заболоченные низины, заваленные буреломом и сгнившими деревьями. Сам пан Крулевский, офицеры и солдаты заметно волновались. В таком напряженном состоянии прошло еще с полчаса. Наконец проводник подал знак остановиться.

Пан Крулевский остановил голову колонны и дал приказ подтянуть отряд. Офицеры собрались около начальника и выслушивали его распоряжения. И вдруг раздался залп с тыла, а затем—с правого фланга. Несколько десятков солдат упало. Пули с визгом завыли над головами офицеров, вырвав из их группы сразу трех человек, и застучали по ветвям и стволам деревьев. Солдаты бросались на землю, прятались за деревья. Взводы и роты перемешались. Трое солдат, стороживших проводника, также кинулись бежать. В этой суматохе переодетый нищим партизан Марка Балук благополучно присоединился к своим бойцам.

Пан Крулевский бросался туда и сюда, пригнув голову, что-то кричал, но никто его не слушал.

Один только поручик Жигалковский не потерял головы. Он бросился к своему взводу, скомандовал ложиться. Но в этот же момент меткая партизанская пуля уложила его самого, и взвод его был захвачен общей паникой. Под беспрерывным огнем занимали поляки позиции, но их выбивали невидимые враги, не давая им времени укрепиться. Только в одном месте задержалась группа солдат с двумя офицерами; они поставили пулеметы и открыли частый огонь. Пули резали стволы старого леса, задерживая партизанский напор.

— Взять пулеметы! За мной!—крикнул Мартын Рыль и бросился вперед, а за ним человек тридцать партизан.

Шагов двадцать отделяли Мартына Рыля от желанной цели. Польский офицер сам стрелял из пулемета. Три пули вонзились в широкую Мартынову грудь. В горячке атаки обогнали его партизаны, оставляя за собой скошенных пулями товарищей. Добежали, штыками и прикладами перебили пулеметную команду и офицера-пулеметчика.

С другой стороны партизанская лавина бросилась на фланг поляков. Не выдержали поляки, кинулись бежать, но дорогу им преградила трясина. Несколько солдат от страха бросились сгоряча в болото и провалились в трясину с головой. А партизаны гуще и тесней сжимали кольцо. Бросали солдаты винтовки, поднимали руки. Бледный и перепуганный стоял пан Крулевский один в стороне.

— А ну, сынки, выходите на поляну!—сказал польским солдатам дед Талаш.

Стоял он и глядел, как гордый орел полесских пущ. На груди его блестели ленты патрон, охватывая крутую дедову грудь двумя широкими поясами. В одной руке держал он винтовку. Рядом с ним, с патронной лентой через плечо, стоял его младший сын Панас и все партизанские командиры. Не было среди них только Мартына Рыля.

— А ты, пан, что же не кладешь оружия? Или воевать ще хочешь?—спросил дед Талаш пана Крулевского.

Тот молча снял саблю и револьвер и отдал партизанам.

— Ну, чей же ты теперь подданный?—задал ему дед тот самый вопрос, который когда-то от него слышал.

Пан Крулевский молчал.

— Ведите их туда!—большим пальцем левой руки показал в лес старый атаман.—И его ведите!—кивнул он в сторону пана Крулевского.

Его вели отдельно от солдат. Из офицеров один только он и остался: все они пали во время боя.

На бугорке, широко раскинув неподвижные руки, лежал громоздкий человек. Смерть застигла его в тот момент, когда он из небольшой лощинки выбежал на этот бугорок. На левой руке, ниже локтя, лежал неразлучный его спутник—заграничный карабин. Бледное лицо убитого, обращенное к небу, слепо глядевшему на землю сквозь густые макушки старого леса, было торжественно-спокойно. Суровые складки на лбу разгладились, и строги были его сомкнутые губы и усы, выгнутые черной дугой.

Немного дальше лежали убитые партизаны.

Дед Талаш окинул их печальными глазами. Он остановился над трупом верного своего товарища и грустно склонил над ним седую голову.

— Ройте, товарищи громада, могилу, похороним их.

Поднял дед глаза, глянул на польских солдат.

— А вы, сынки, что же? Господа или панские слуги, что пришли лишить свободы нас, горемычную голытьбу?

Из толпы пленных выступил солдат:

— Батька командир! Верни винтовку и свободу: с вами плечо к плечу я буду воевать.

И еще выступил один из пленных, подошел к Панасу.

— Узнаешь, парень, меня?—спросил и внимательно поглядел Панасу в глаза.

Панас посмотрел на него и радостно улыбнулся.

— Батька, это тот самый солдат, что выпустил меня из острога!

Повернулся дед Талаш к пану Крулевскому.

— Видишь, пан, твои солдаты на нашу сторону переходят, и все они перейдут, когда узнают правду.

И еще один человек стоял одиноко в лесу, наблюдая эту сцену. Он хотел подойти сюда и сказать свое слово, но не отважился. Человек этот был Савка Мильгун.

Остроносый челн скользит на Припяти. Два человек сидят в челне. Один, молодой, курносый, со взбитым чубом, не торопясь ритмично гонит челн. Другой сидит на передней части челна. Подмышкой у него портфель. Много лет записало время в морщинах его лица и в глубоких складках на высоком лбу. Вдумчиво глядят куда-то в глубину, как видно— в прошедшее, его темные, еще живые и блестящие глаза. Это—дед Талаш, председатель сельсовета. Гребет секретарь Самок из Вепров.

Отдыхает дедова винтовка. Она уже остыла от горячих боев в трущобах Полесья. Теперь у деда Талаша другие заботы, другие мысли. Но широкая Припять будит дедовы воспоминания.

— А помнишь, Самок, как ловко мы вырвали батальон товарища Шалехина из польских лап и переправили на тот ерег?

Самок весело поднимает серые глаза, и в них искрится смех.

— Поднесли им, что называется, дулю под нос... Ну, и удивлялись они: куда пропали красноармейцы?!

Дед Талаш только усмехается в усы.

— Ну, а как ты думаешь, голубь, пойдет наше громадское хозяйство?

— А почему не пойдет? Земля есть, лошади есть, рабочие руки тоже... Пойдет!—и уверенность слышится в голосе секретаря.

— Эге! И я думаю, что пойдет.

По делу коллективного хозяйства едут они в райисполком. Обществом надумали основать его. Оно практически распутывает целый клубок сложных вопросов о помощи семьям убитых партизан: Мартына Рыля, Кондрата Буса и других. Этому хозяйству отводятся земли Кондрата Бирки и Сымона Бруя. Их судили и выслали. Войта Василя Бусыгу вывели в «расход» как неисправимого контрреволюционера. Авгиня не захотела оставаться на Василевом хозяйстве, отдала «громаде» все имущество и подала заявление, чтобы ее приняли в «громадское» хозяйство. Обсудили заявление, учли Авгинину заслугу перед партизанами и постановили—принять.

Шумит советское Полесье, и новые аккорды слышатся в этом шуме. Приникает ветер горячим лицом к широким немым болотам и шепчет зеленой жесткой траве по кочкам о том, что идет сюда новый, советский человек, чтоб нарушить их тишину, чтобы превратить их в богатые луга и нивы. Гуляет ветер над курчавыми макушками полесских пущ, колышет ветви над свежими курганами-могилами, раскиданными на высоких песчаных буграх, поет он, этот свободный баян, славу погребенным под курганами да слагает песни о сеятелях бури.

Над трясиной поднимается крутой холм. На холме—курган. Высокий и широкий столб, старательно обтесанный партизанским топором, сторожит этот курган. На дубовом стволе вырезаны рукой нехитрого резчика два слова: «Мартын Рыль». На могиле лежит простой венок из живых цветов Полесья. Сюда изредка в свободные дни приходят две женщины—мать и дочь. Открыла мать свою тайну дочери, правду о том, кто ее отец. В тоске поднимает Алеся свою головку, смотрит на высокий дубовый столб. Это она приносит на могилу венки живых цветов. Молча идут они от могилы, одна—в тоске о том, что было, другая—в радостном сознании, что настоящий отец ее—герой-партизан.

Проходят годы. Деду Талашу давно уже стукнуло восемьдесят лет. Трудно уже ему заниматься общественной работой, но без работы оставаться он не хочет. Он—сторож на Припяти. Его работа—зажигать фонари на ночь. Дед Талаш любит вспоминать свое партизанство. Результатом этих воспоминаний и явилась повесть «Трясина».

Заканчивая ее, я хочу сказать об одном крепком дедовом желании, которым он живет теперь: деду Талашу очень хочется увидеть товарищей Сталина, Ворошилова и Буденного.

Если деду Талашу напомнить о врагах советской власти и о войне против Советов, он выпрямляет согнутую годами спину и говорит:

— О! Я сел бы на коня и показал бы еще, чего стоит старый Талаш!

Минск.
1933 г.

Тираж 5 000 экз.
Уполномоченный Главлита В—77303
ОГИЗ № 116. Х—60. Заказ № 497
Формат бум. $82 \times 110^{1}/_{32}$. Печ. лис. $9^{3}/_{4}$

*

Сдано в набор 4 мая 1934 г.
Подписано к печати 25 мая 1934 г.

*

Редактор В. Тарсис
Корректор Л. Петрова
Технический редактор В. Солнцев

ЧИТАТЕЛЬ!

СООБЩИТЕ ВАШ ОТЗЫВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ, УКАЗАВ ВАШ ВОЗРАСТ И ВАШУ ПРОФЕССИЮ.

ПО АДРЕСУ:

Москва, Центр, ул. 25-го Октября (быв. Никольская) д. 10/2.

Государственному Издательству Художественной Литературы

Массовый Сектор.

Цена 1 р. 75 коп.

пер. 75 к.

